ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЭКОНОМИКА

Tomsk State University Journal of Economics

Научный журнал

2017 Nº 39

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–29495 от 27 сентября 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44047 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.А. Боровская, д-р экон. наук, проф.; **М.И. Зверяков**, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. НАН Украины; **В.Н. Шимов**, д-р экон. наук, проф., Белоруссия; **С.Ф. Серегина**, д-р экон. наук, проф.; **Ф. Хуберт**, д-р экон. наук, Германия; **Э. Дрансфельд**, д-р экон. наук, Германия; **С.В. Чернявский**, д-р экон. наук, гл. науч. сотрудник Института проблем рынка РАН, г. Москва; **И.К. Шевченко**, д-р экон. наук, проректор по организации научной и проектно-инновационной деятельности ФГАОУ ВО «ЮФУ» («Южный федеральный университет»), г. Ростов-на-Дону

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

В.И. Канов, д-р экон. наук., проф., гл. редактор; **А.В. Ложникова**, д-р экон. наук., доц., зам. гл. редактора (отв. секретарь); **А.А. Оганян**, секретарь редакции; **Д.М. Хлопцов**, д-р экон. наук, доц.; **Е.В. Нехода**, д-р экон. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **А.А. Земцов**, д-р экон. наук, проф.; **В.В. Домбровский**, д-р техн. наук, проф.; **И.А. Петиненко**, д-р экон. наук, доц.

СОДЕРЖАНИЕ

методология

Вайсман Е.Д., Подшивалова М.В. Методологические основы анализа	
институциональной среды малых промышленных предприятий	5
Каргинова В.В., Тишков С.В., Щербак А.П. Стратегия создания стоимости	
при балансе интересов: от цепочки к сети	24
Клочкова Е.Н., Дарда Е.С. Статистическое исследование уровня инвалидизации	
в Российской Федерации	40
Панаедова Г.И., Масленникова Н.В., Горлов С.М. Индикативная модель развития	
Северо-Кавказского макрорегиона	54
Чернявский С.В., Золотарев Н.А. Теории природной (горной) ренты	
и совершенствование системы ее изъятия (налогообложения)	71
МАКРОРЕГИОН СИБИРЬ	
Забелина И.А., Клевакина Е.А., Денисенко И.С. Региональные структурные сдвиги	
в занятости населения: восточные регионы нового Шелкового пути	80
Мансуров Р.Е., Заседова А.А. Рейтинг уровня продовольственной самообеспеченности	
Томской области в системе регионального управления АПК	99
ЭКОНОМИКА ТРУДА	
Поздняков А.Н. Стимулирование работодателей к безвредному и безопасному труду	109
ЖИТАНСТ	
ФИНАНСЫ	
Губанищева М.А. Институт кадастровой стоимости: роль налогоплательщиков	
объектов недвижимости	122
Земцов А.А., Имонов О.Д. Системы традиционных денежных переводов	
для домохозяйств	130
Адамкулова Ч.У. Развитие методов стратегического управления финансовой	
подсистемой вузов в условиях модернизации высшего образования и перехода	
к самофинансированию (на примере Кыргызского национального	
университета им. Ж. Баласагына)	138
менеджмент	
MENEGARITETT	
Сысоева Л.И. Развитие ТСЖ как перспективное направление преодоления кризиса	
в сфере ЖКХ (на примере Новосибирской области)	146
Федотова В.А. Экономические установки и индивидуальные ценности представителей Перми и Пермского края	
r r · · · · r	
дискуссионная площадка	
Петрова Т.А. Местное самоуправление в современных реалиях	174
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	182

CONTENTS

METHODOLOGY

Vaisman E.D., Podshivalova M.V. Methodological bases of small industrial	
enterprises institutional environment analysis	5
Karginova V.V., Tishkov S.V., Shcherbak A.P. The strategy of creationg value in	
the balance of interests: from chain to net	24
Klochkova E.N., Darda E.S. Statistical study of the disablement level	
in the Russian Federation	40
Panayedova G.I., Maslennikova N.V., Gorlov S.M. Indicative model of	
North-Caucasian macro-region development	54
Chernyavskiy S.V., Zolotarev N.A. Theories of natural (mountain) rent and system	
of its withdrawal (taxation) improvement	71
MACRO-REGION SIBERIA	
Zabelina I.A., Klevakina E.A., Denisenko I.S. Regional structural shifts if the population	
employment: eastern regions of the new silk road	80
Mansurov R.E., Zasedova A.A. The rating of the Tomsk Oblast food self-sufficiency level	
in the regional management system for agro-industrial complex.	99
LABOUR ECONOMICS	
Pozdnyakov A.N. Stimulating employers to ensure harmless and safe working	
conditions	109
FINANCE	
Colorina W.A. Institute of colored colored colored colored colored	122
Gubanischeva M.A. Institute of cadastral value: the role of real estate objects taxpayers	
Zemtsov A.A., Imonov O.D. Traditional household remittances systems	130
Adamkulova CH.U. Development of the universities financial subsystem strategic	
management methods under higher education modernization conditions and transition	
of universities to the self-financing system (on the example of Kyrgyz National University	120
named after J. Balasagin)	138
MANAGEMENT	
Sysoyeva L.I. Development of homeowners associations as a perspective direction	
of overcoming the crisis in the sphere of communal services (on the example	
of Novosibirsk Oblast)	146
Fedotova V.A. Economic installations and individual values of Perm and Perm	
Krai representatives	163
DISCUSSION DI ATEODM	
DISCUSSION PLATFORM	
Petrova T.A. Local government in modern realities	174
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	182

МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 330.341.2

DOI: 10.17223/19988648/39/1

Е.Д. Вайсман, М.В. Подшивалова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ МАЛЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В работе представлена систематизация накопленного опыта оценки институтов как в отечественной, так и в зарубежной экономической школе. Показано, что анализ институциональной среды малых промышленных предприятий неразрывно связан с анализом состояния институциональной среды экономики в целом. Современные подходы и методы классифицированы на два типа: исключительно концептуальный и эмпирический. Приводится критика наиболее популярного метода оценки институтов — рейтингового. Авторы приходят к выводу: как в России, так и за рубежом существует явный дефицит концепций, проработанных не только на теоретическом уровне, но и на эмпирическом, т.е. доведенных до практического применения в отношении конкретного «проблемного поля» институциональной среды. Сущностная сложность объекта исследования, наличие специфических свойств институциональной среды в зависимости от носителя, а также несовершенство существующих методов и подходов дают основание авторам утверждать, что для корректной оценки институциональной среды недостаточно использовать один, пусть даже эмпирически проработанный метод, необходимо применять комплекс методов.

Ключевые слова: *малые промышленные предприятия, институциональная среда,* оценка институтов.

Актуальность проблемы

Планируемый Правительством РФ переход России к новой модели экономического роста, основанной на качественной институциональной среде и человеческом капитале, ставит новые задачи перед исследователями институциональных проблем развития в секторе малых промышленных предприятий – «ядра» современной парадигмы импортозамещения. Как показала практика, в России значимость институционального фактора возрастает в периоды стагнации и рецессии экономики – предприниматели наиболее остро реагируют на ухудшение или низкое качество институциональной среды.

Как в России, так и за рубежом институциональная среда является популярным объектом исследования не только в отношении малых форм предпринимательства. Ее анализируют в различных масштабах, отраслевых и рыночных разрезах, временных интервалах, национальных экономиках. В России в последние 5 лет наблюдается даже некий «бум» исследований, посвященных оценке институтов. Однако подавляющее большинство исследований не подкреплено проработкой методологических основ изучения этой категории. До сих пор нет не только единства в понимании свойств и подхо-

дов к изучению институциональных систем, но и исследований, посвященных систематизации накопленных знаний. В данной работе представлен вклад авторов в решение этой нетривиальной задачи. При этом мы полагаем, что, поскольку, с одной стороны, малые промышленные предприятия — это лишь часть национальной экономики, а с другой — институциональная среда малого предпринимательства является частью общей институциональной среды, анализ первой в отрыве от второй не может привести к корректным выводам. Мало того, меры по совершенствованию институциональной среды малых предприятий без увязки с состоянием общей институциональной среды не дадут желаемых результатов. В связи с этим нам представляется целесообразным при решении поставленной задачи опираться на анализ институциональной среды экономики в целом.

В существующем массиве современных исследований оценка институциональной среды проходит как с позиций агрегирования, так и конкретизации. В первом случае ее рассматривают в качестве интегрального показателя системы институтов, регулирующих хозяйственные процессы экономических агентов, во втором — в соответствии с поставленной целью оценивают совокупность лишь некоторых (конкретных) институтов. В свете сказанного интересно замечание немецкого экономиста С. Войгта о том, что, оценивая систему институтов, важно «видеть» воздействие и каждого ее элемента [1].

Мы полагаем, что оценка институциональной среды заключается в оценке ее сущностных свойств. Эти свойства инварианты, независимы от частных случаев и присущи любой институциональной среде как таковой. Обзор работ известных представителей институционального направления в России и за рубежом позволил нам утверждать, что любая институциональная среда (ИС):

- неотделима от своего носителя;
- определяет уровень транзакционных издержек и выгод для акторов;
- обладает ресурсоемкостью, так как ее изменение затратно;
- формирует вектор действий адресата правил и задает структуру стимулов для акторов;
  - обладает качеством.

Конкретизация носителя ИС позволяет выявлять специфические ее свойства, которые мы предлагаем обособлять в *характеристики состояния* институциональной среды конкретного носителя. Так, институциональная среда малых промышленных предприятий сегодня научным сообществом характеризуется как неэффективная, неразвитая, неадекватная, негибкая, несовершенная, с высокими транзакционными издержками и пр.

Традиционно в научной литературе огромное внимание уделяется качеству институтов. На наш взгляд, это связано с тем, что категория качества проявляет себя исключительно *в совокупности* сущностных свойств объекта. Мнение известного российского экономиста Е.В. Попова о том, что «цель оценки институтов фактически заключается в анализе их эффективности и качества» [2], разделяют многие отечественные и зарубежные исследователи. Авторы значительного числа работ раскрывают тезис о том, что именно качество институтов играет важную роль для роста экономики в целом либо от-

дельных ее секторов, и, соответственно, предпринимают попытки оценить институциональную среду именно через призму качества [3–16].

В целом можно говорить о том, что и в России, и за рубежом тенденцией последних лет стало повышение интереса к проблеме измерения институтов, вызванное широким признанием тезиса «институты важны». Однако в научном сообществе не существует единого мнения об эмпирических возможностях измерения качества институтов и (или) институциональной среды.

Постановка задачи исследования

В силу существующего многообразия применяемых методов и параметров оценки качества институтов мы предприняли попытку систематизации накопленного опыта оценки институциональной среды, отраженного в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых. С этой целью мы ввели ряд исходных уточнений:

1. Для отбора научных работ мы использовали понятия «оценка институтов/институциональной среды», «оценка качества институтов/институциональной среды», «оценка эффективности институтов/институциональной среды».

Понятия «эффективность институтов» и «качество институтов» мы рассматривали как синонимы. В современной институциональной экономике оба термина упоминаются, когда речь идет о результатах выполнения институтом своих функций. Правомерность отождествления эффективности и качества института вытекает, на наш взгляд, из сущности результативного подхода к оценке ИС, когда качество оценивается через полученный результат — эффективность «работы» института.

- 2. Мы расширили аналитическое поле за рамки институциональной среды исключительно малого предпринимательства промышленности. Этому способствовали два фактора: во-первых, в настоящее время предлагаемые подходы и методы ориентированы, прежде всего, на институциональную среду экономики в целом; во-вторых, работы, оценивающие институциональную среду малого предпринимательства, как правило, не отличаются методологическим разнообразием, в большинстве случаев авторы используют опросный метод или метод рейтингов/индексов. Нас же интересует весь спектр возможных подходов к оценке ИС, что позволит расширить методы такой оценки в отношении конкретных носителей, в частности малых промышленных фирм.
- 3. Подходы к оценке мы разграничили на два типа табл. 1 и табл. 2. При определении названий подходов мы ориентировались на суть подхода в авторском изложении. Фамилии авторов, реализовавших выделенные нами подходы, приведены в столбце «Представлено в трудах». Когда подходы авторов, с нашей точки зрения, совпадали, но реализовывались разными методами, мы выделяли в рамках такого подхода несколько методов.

¹ Признавая несоответствие такого подхода классическому соотношению понятий «эффективность» и «эффект», в дальнейшем мы будем использовать термин «эффективность института» в принятом в среде институционалистов смысле.

Для каждого метода с достаточной долей условности мы выделили те сущностные характеристики институциональной среды, которые он позволяет оценить.

Результаты исследования

В обеих таблицах выделенные нами подходы к оценке соотнесены с методами, которые используются для их реализации. Однако следует иметь в виду, что этот перечень далеко не полный, кроме того, существует возможность сочетания нескольких методов в рамках одного подхода. Все приведенные методы различаются трудоемкостью получения исходных данных и требованиями к ним, оперативностью и точностью полученных результатов.

Существенно большее разнообразие подходов к оценке институтов обнаружилось в работах чисто концептуального уровня, причем налицо преобладание отечественных авторов (табл. 1). Углубление в теоретические аспекты проблемы в целом свойственно российской школе.

Таблица 1. Современные подходы и методы оценки институциональной среды, проработанные исключительно концептуально

полхол к опенке	Подход к оценке Методы в рамках подхода оценки Представлено					
подлод к оцепке	Методы в рамках подхода оценки	Представлено				
		в трудах				
I	2	3				
Дисфункциональный	Оценка качества ИС через оценку числа	Сухарев О.С.				
подход основан на кон-	дисфункций и глубины дисфункцио-	[17],				
цепции неэффективно-	нального состояния системы. При этом	Полтеро-				
сти – любая организаци-	имеет значение оценка по следующим	вич В.М. [18]				
онная форма социально-	элементам: целям, функциональному					
хозяйственной жизни	разнообразию, областям приложения,					
характеризуется некото-	издержкам действия, времени до коррек-					
рой неэффективностью и	ции/замещения, устойчивости и воспри-					
не может выполнять все	имчивости к изменениям. Оценивает					
необходимые функции	такие сущностные свойства ИС, как ко-					
одинаково хорошо	ординация действий акторов, ресурсо-					
	емкость					
Энтропийный подход	Оценка качества ИС через изменение	Дятлов C.A. [19]				
признает институцио-	дезорганизованности, неупорядоченно-					
нальную систему боль-	сти, качество структурно-функциональ-					
шой сложной и стохас-	ной организации, информационной ем-					
тической, ориентирован	кости и энергетического потенциала сис-					
на оценку неустойчиво-	темы в целом и всех ее элементов					
сти системы	Количественная оценка качества инсти-	Балацкий Е.В.				
	тута с помощью расчета показателя ин-	[20]				
	формационной энтропии, которая учиты-					
	вает вероятность наступления альтерна-					
	тивных событий при использовании					
	субъектом рассматриваемого института.					
	По сути, анализирует способность ин-					
	ститута координировать действия ак-					
	торов					

Окончание табл. 1

		Окончиние тиол.
1	2	3
Результативный подход	В рамках определенных видов деятельно-	Попов Е.В.,
основан на оценке ИС	сти оценка института может быть опреде-	Власов М.В.,
через конечный резуль-	лена посредством расчета их рентабельно-	Веретеннико-
тат ее функционирова-	сти и приносимого экономического эффек-	ва А.Ю. [2]
ния	та. При этом анализируемые институты	
	должны иметь похожие характеристики,	
	сравнимые затраты на их создание и функ-	
	ционирование, а также уровень их рас-	
	смотрения. Позволяет оценить два сущно-	
	стных свойства ИС – формирование	
	транзакционных издержек и выгод для	
	носителя, ресурсоемкость	
		Балацкий Е.В.
	Многокритериальная оценка проводится	· ·
	путем расчета интегрального взвешенно-	[20]
	го показателя, учитывающего адекват-	
	ность, результативность, эффективность	
	института и его соответствие поставлен-	
	ным целям. Оценивает свойства ИС –	
	координацию действий акторов, фор-	
	мирование транзакционных издержек	
	и выгод для носителя, ресурсоемкость	II II [01]
Прагматический подход	Предполагает, что акторы оценивают	Норт Д. [21]
основан на измерении	эффективность норм и правил через воз-	
полезности/ущерба от	можный ущерб от невыполнения или	
выполнеия/невыполне-	полезность от соблюдения правила. Ин-	
ния правил	ституты признаются некачественными,	
	если совокупные издержки превышают	
	совокупные выгоды от следования им.	
	Дает оценку таких сущностных свойств	
	ИС, как формирование транзакцион-	
	ных издержек и выгод для носителя	
Затратный подход пред-	Издержки, учитываемые при оценке ин-	Попов Е.В.,
полагает, что оценка	ститутов, включают издержки на созда-	Власов М.В.,
институтов возможна	ние институтов и на их функционирова-	Веретеннико-
посредством измерения	ние. Последние, в свою очередь, вклю-	ва А.Ю. [2]
различных видов издер-	чают издержки содержания института,	
жек	издержки пользования институтом и	
	потери при отказе от пользования. По	
	сути, оцениваются два сущностных свой-	
	ства ИС – формирование транзакцион-	
	ных издержек и выгод для носителя,	
-	ресурсоемкость	
Социальный подход	Качество институтов рассматривается	Вольчик В.В.,
раскрывает идею Р. Ко-	как нелинейная функция нескольких пе-	Бережной И.В.
уза о том, что индивиды	ременных – показателя человеческого	[22]
нуждаются в институтах,	капитала, показателя социального капита-	
которые они способны	ла, показателя, характеризующего дея-	
понять, с которыми у	тельность групп специальных интересов.	
них есть опыт работы	Оценивает также такие сущностные свой-	
	ства ИС, как неотделимость от носителя,	
	координация действий акторов	

Источник: составлено авторами.

Обзор представленных в табл. 1 подходов и методов позволяет увидеть, что эти концептуальные разработки охватывают гораздо больший перечень сущностных свойств институциональной среды, чем эмпирические подходы.

В качестве перспективных подходов мы бы выделили дисфункциональный, энтропийный и социальный. Отметим, однако, что все эти подходы не лишены недостатков, которые будут отмечены нами ниже.

Первый подход описан в работе О.С. Сухарева, близки этому подходу идеи, изложенные в трудах В.М. Полтеровича.

Предложенный О.С. Сухаревым дисфункциональный подход позволяет дать оценку качества институциональной среды через число дисфункций и глубину ее дисфункционального состояния. Соответственно, чем ниже это число и глубина, тем выше качество институтов. Дисфункция институциональной системы, по О.С. Сухареву, проявляет себя в институциональной неэффективности. Один из методов снижения числа дисфункций — отсутствие роста транзакционных издержек и создание оптимальной институциональной и мотивирующей структуры общества. Отметим, что, на наш взгляд, не существует некоего «оптимума» институциональных систем в силу их неустойчивости и высокой степени стохастичности. В отношении институциональной среды допустимо судить о ее состоянии, как адекватном либо неадекватном существующим требованиям конкретного этапа развития социально-экономической системы.

В.М. Полтерович не использовал термина «дисфункция», но мы отнесли его работу к этому подходу, поскольку по существу он рассматривал дисфункцию институциональной системы в терминах теории реформ и институциональных ловушек. Его исследование было посвящено тому, как в ходе экономических реформ не допустить формирования и закрепления неэффективных институтов, т.е. механизма попадания системы в институциональные ловушки, что, по сути, равносильно снижению числа дисфункций институциональной системы. В качестве примеров устойчивых и неэффективных норм поведения В.М. Полтерович изучил основные проблемы бизнеса 90-х гг., коррупцию, бартер, неплатежи, уклонение от налогов. Соответственно, институциональная среда тем качественнее, чем меньше в ней институциональных ловушек и «институциональных мутантов».

Энтропийный подход к оценке институтов в отечественной школе, представленный в работах С.А. Дятлова и Е.В. Балацкого, является одним из направлений исследования институциональных систем в рамках популярной сегодня парадигмы самоорганизации.

Этот подход учитывает стохастическую природу институциональных систем, их сложноорганизованную структуру и неустойчивость. С.А. Дятлов предлагает оценивать качество институциональной среды как динамическую категорию – через изменение степени неупорядоченности системы. Как известно, мерой неупорядоченности системы выступает энтропия. Соответственно, в рамках своего подхода авторы предлагают методы оценки качества ИС через оценку энтропии. Так, С.А. Дятлов вводит в оборот такое понятие, как «энтропийная институционально-экономическая система» – система, которой свойственны «негативная доминанта развития, ухудшение качества функционирования институтов, уменьшение меры целесообразности и орга-

низованности (рост дезорганизованности), снижение уровня порядка (рост неупорядоченности), ухудшение качества структурно-функциональной организации, получение отрицательных энтропийных эффектов, уменьшение информационной емкости и энергетического потенциала данной системы в целом и всех ее элементов» [19]. Антиподом энтропийной, т.е. неупорядоченной, институционально-экономической системы является синергийная. Ее характеристики противоположны упомянутым ранее: это четко заданная целевая доминанта развития, повышение качества «работы» институтов, повышение организованности, упорядоченности, иерархичности, повышение качества структурно-функциональной организации, проявление положительных синергетических эффектов, рост информационной емкости и энергетического потенциала системы в целом и ее элементов. По мнению автора, уменьшение энтропии и увеличение синергии институциональной системы обеспечиваются эффективными управленческими решениями, принимаемыми вовремя на основе анализа как прошлых состояний системы, так и потенциально достижимых. При этом математическая модель расчета энтропии не приводится.

Эту задачу решает в своей работе Е.В. Балацкий. С его точки зрения, качество института можно оценить вероятностью достижения цели, ради которой данный институт использовался актором. При этом доступные индивидам технологии и ресурсы в его модели фиксированы, что позволяет выводить набор альтернативных вариантов исхода события с определенными вероятностями. Качество института Е.В. Балацкий предлагает оценивать при помощи показателя информационной энтропии. С этой целью он использует формулу Г. Хакена [23] для описания шенноновской информации¹:

$$I = -\sum_{j=1}^{n} p_{j} \cdot \ln p_{j}, \tag{1}$$

где p_j — вероятность j-го исхода события при использовании данного института.

На наш взгляд, слабость данной модели, помимо сложности объективной оценки вероятностей, заключается еще и в том, что она не учитывает смыслового содержания альтернативных исходов, поскольку использованная в модели формула Хакена не определяет энтропию, а лишь математически *описывает информацию* по Шеннону. В самом деле, показатель информационной энтропии согласно формуле (1) будет давать одинаковый числовой результат в двух качественно разных случаях работы института (продолжая пример автора с институтом оформления загранпаспортов):

1) цель института – получение загранпаспорта за 2 посещения – вероятность события – 80%; альтернативный исход 1 – получение загранпаспорта за 3 посещения – вероятность 15%, альтернативный исход 2 – получение загранпаспорта за 4 посещения – вероятность 5%;

¹ Шенноновская информация характеризуется игнорированием смыслового содержания сигнала и относится только к замкнутым системам. Институциональная система, как известно, является открытой.

2) цель института — получение загранпаспорта за 2 посещения — вероятность события — 15%; альтернативный исход 1 — получение загранпаспорта за 3 посещения — вероятность 5%, альтернативный исход 2 — получение загранпаспорта за 4 посещения — вероятность 80%.

Как видно, в обоих случаях будет соблюдаться требование о равенстве суммы вероятностей всех событий 100%. Показатель информационной энтропии согласно формуле (1) даст одинаковый результат. При этом налицо существенное различие в качестве работы института. Однако, несмотря на неудачный выбор математической модели для описания энтропии ИС, такой подход кажется нам перспективным в силу все больших успехов синергетики в экономических науках.

Социальный подход, раскрытый в работе В.В. Вольчик и И.В. Бережного, в роли детерминантов качества институтов выделяет качество человеческого и социального капиталов, показатели деятельности групп специальных интересов. Авторы предложили логическую формулу зависимости качества институтов от перечисленных факторов:

$$QI = \frac{h \cdot s}{g^2}. (2)$$

где QI – качество институтов; h – показатель человеческого капитала; s – показатель социального капитала; g – показатель деятельности групп специальных интересов.

В формуле (2) авторы показывают обратную зависимость качества институтов от деятельности групп узких интересов, поскольку наличие в обществе таких групп существенно затрудняет создание или внедрение эффективных рыночных институтов. Именно группы специальных интересов влияют на процесс отбора институтов. При этом качество двух видов капиталов, напротив, имеет прямое влияние на качество институтов. Так, по мнению авторов, нельзя забывать о «человеческой природе экономических акторов». Индивиды нуждаются в институтах, которые они понимают и знают, как использовать. А эти способности отражают уровень человеческого капитала (через обучение и социализацию индивидов). Социальный капитал характеризует структуру связей между индивидами и среди них. Соответственно, чем качественнее эти связи (прочность и уровень доверия), тем качественнее будут «работать» институты.

Социальный подход является перспективным, если в ходе эмпирических исследований удастся преодолеть его основное ограничение — сложность отбора показателей для включения в модель. В частности, встает вопрос: по какому количественному параметру оценивать деятельность специальных групп интересов или качество человеческого капитала? Кроме того, модель не учитывает других не менее важных детерминантов качества институтов, упомянутых нами ниже.

Таблица 2. Современные подходы и методы оценки институциональной среды, проработанные на концептуальном и эмпирическом уровнях

работанные на концептуальном и эмпирическом уровнях				
Подход к оценке	Методы в рамках подхода	Представлено		
	оценки	в трудах		
1	2	3		
П Сравнительный (конкурентный) подход предполагает оценку конкурентных преимуществ ИС по отношению к ИС других национальных или субнациональных экономик	Оценка качества ИС в рамках данного подхода реализуется методом рейтингов (индексов). Для их составления используются экспертные оценки, опросы резидентов и открытые статданнные. Широко распространена оценка ИС через известные международные рейтинги, такие как Worldwide Governance Indicator, Doing business, The Global Competitiveness Index, Index of Economic Freedom, Corruption Perception Index, Rule of Law Index, Investment Climate Index, а также через институциональные индексы проекта ВЕЕРЅ. Среди российских индексов для оценки качества ИС часто используются инвестиционный рейтинг агентства РА «Эксперт», индексы удовлетворенности населения деятельностью региональных органов власти, рейтинги демократичности регионов Центра Карнеги, индекс предпринимательского климата «ОПОРА России», рейтинги административного климата и безопасности, оценки коррупции этой же организации и др. Кроме того, многие исследователи используют авторские рейтинги/индексы, обосновывая механизмы их формирования в зависимости от специфики поставленной задачи. Все существующие рейтинги различаются не только методикой формирования, но и широ-	3 Rodric D. [25], Баранов А. и др. [26], Полтерович В., Попов В. [6], Кипčič [27], LiPuma J.A., Newbert S.L., Doh J.P. [28], Логинова Т.П., Полушкина И.Н [12], Панфилова Е.А. [29], Никитина К.И. [11], Alonso J.A., Garcimartín C. [14], Горшков А.В., Силова Е.С. [15]		
Правовой подход предполагает оценку исключительно формальных институтов, или так называемых институтов де-юре	той «охвата» институциональной среды Количественная оценка качества институциональной среды проведена на основе анализа ее плотности. Авторы проанализировали численные показатели базы данных российского законодательства — число принятых законов в целом и по сферам регулирования, доли новых законов в числе принятых, число президентских указов, распределение принятых законов по инициаторам, «длину очереди» принятия закона и т.д. Для проведения оценки качества институтов использован контекстный анализ коммерческого законодательства Эмпирический анализ качества институтов проведен комплексно с применением как количествениях так и качествениях мето-	Кирдина С.Г. и др. [30] La Porta R., Lo- pez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. [31, 32] Buchanan J., Chai D.H., Deakin S.		
	количественных, так и качественных мето- дов, а именно: лексическое измерение, эко- нометрика временных рядов, полевые ис- следования на основе интервью	[33]		

		Окончание табл. 2
1	2	3
Нормативный метод	Предполагает оценку степени разрыва ме-	Voigt S. [1],
основан на сопостав-	жду нормой (институтами де-юре) и факти-	Feld L., Voigt S
лении институтов де-	чески наблюдаемым поведением акторов.	[34]
юре (как «должно	По сути, речь идет о степени исполнения	
быть») с института-	правил, прописанных формально. Реализо-	
ми де-факто («как	ван на примере оценки судебных полномо-	
есть»)	чий. Оценивает сущностное свойство -	
	координацию действий акторов	
Поведенческий под-	Количественная оценка качества регио-	Морозова Т.В.,
ход оценивает каче-	нальной ИС проведена через выявление	Козырева Г.Б.
ство ИС через тип	типологического разнообразия распростра-	[35]
поведения экономи-	ненных практик организации социально-	
ческих субъектов	экономической деятельности домохозяйств	
	и предпринимателей (от инновационных до	
	деструктивных). Использованы методы	
	кластерного, факторного анализа и методи-	
	ка баз знаний. Оценивает сущностное свой-	
	ство – координацию действий акторов	

Источник: составлено авторами.

Подходы и методы, классифицированные в табл. 2 как эмпирически апробированные, не отличаются существенным многообразием, что объясняется определенными трудностями эмпирических исследований институтов. Так, эти проблемы упомянуты в работах [1, 14, 24] и в целом могут быть описаны следующим образом:

- 1) несовершенство (недостаточная надежность) индикаторов оценки качества институтов;
  - 2) проблемы, связанные с эндогенными переменными;
- 3) коллинеарность независимых переменных, которая не позволяет их считать независимыми факторами;
  - 4) игнорирование переменных, значимых для конечного результата;
  - 5) упрощенное представление об институтах.

Из табл. 2 видно, что наиболее «востребован» сегодня сравнительный подход, реализуемый рейтинговым и индексным методами. Общепризнанными метриками качества институтов считаются такие известные международные индексы, как Worldwide Governance Indicator, Doing business, The Global Competitiveness Index, Index of Economic Freedom, Corruption Perception Index, Rule of Law Index, Investment Climate Index, а также институциональные индексы проекта BEEPS.

В рамках рейтингового метода зародилась научная дискуссия о том, какова взаимосвязь экономического роста (ВВП на душу населения) и институтов. Является ли высокий уровень доходов на душу населения признаком качественных институтов, следствием их «работы», или же у развитых обеспеченных обществ больше возможностей и ресурсов для создания качественной институциональной среды? Как отделить качественные институты от результатов успешной экономической политики?

Поиск ответов на эти вопросы привел к тому, что в научной литературе были выделены нестоимостные детерминанты качества институтов, не зависящие от экономической политики. Это – географическое положение страны, колониальное происхождение, традиции в системе права, этнолингвистическая раздробленность и обеспеченность природными ресурсами.

В своей недавней работе испанские экономисты Д.А. Алонсо и К. Гарсимартин предложили новые детерминанты качества институтов [14], которые они увязали с такими критериями качества институциональной среды, как:

- статическая эффективность способность институтов координировать действия акторов;
- безопасность (предсказуемость) способность институтов снижать неопределенность взаимодействий;
- доверие (законность) способность институтов формировать законодательную базу, реально координирующую поведение акторов;
- адаптация (динамическая эффективность) способность создавать у акторов стимулы к изменениям.

Оценка качества институциональной среды в 160 странах была проведена авторами через арифметическую среднюю из индексов Governance Indicators (The World Bank). Для обоснования детерминантов качества институтов методами корреляционного анализа авторы отобрали следующие независимые переменные: индекс глобальной конкурентоспособности, налоговые доходы, ВВП на душу населения, уровень образованности населения, индекс Джини, индекс восприимчивости коррупции. Проведенный анализ показал, что наибольшее воздействие на качество институтов оказывают следующие факторы: уровень экономического развития (ВВП на душу населения), равномерность распределения доходов в обществе, налоговые поступления и уровень образованности населения. По мнению авторов, эти детерминанты способствуют развитию качественных институтов, создавая замкнутый круг между экономическим ростом и качеством институциональной среды. Необходимыми условиями формирования «хороших» институтов авторы назвали равноправное общество, надежные налоговые отношения (платежная дисциплина) и высокий уровень образованности населения.

Попытки определить детерминанты качества институциональных систем присутствуют и в отечественной науке. Так, Г.Б. Клейнер в качестве такового называет целостность институциональной системы, которая отражает взаимозависимость качества институтов и социально-экономической системы [36]. А Т.В. Ковалева и Е.В. Базуева предлагают свой перечень детерминантов качества институциональных систем: объективность институтов, связи между элементами системы, когерентность целей и функций элементов системы, размер протяженности элементов системы, степень распространенности, полезность системы, уровень институционального разнообразия, устойчивость институтов, результативность и эффективность [37]. Не касаясь всех предложенных критериев, отметим непригодность лишь одного из них – устойчивости. Если считать, что устойчивость институтов – это показатель качества, то институты теневой экономики будут самыми качественными в России.

Уделим внимание критике самого популярного метода оценки институтов – метода рейтингов. Очевидно, что в силу структурной сложности и многогранности категории «институциональная среда» ни один индекс не способен адекватно описать все ее элементы. Критика рейтингового метода в научной литературе столь же распространена, как сам метод. В частности, она представлена в работах [38–42], согласно которым основные недостатки метода состоят в следующем:

- 1) большинство индикаторов качества основано на субъективных оценках руководителей фирм, ученых, чиновников, чьи мнения подвержены влиянию идеологии, теории, предрассудков; кроме того, сама выборка не всегда репрезентативна;
- 2) непрозрачность механизма измерения, использование неявных оценочных суждений;
- 3) индикаторы качества не всегда позволяют отделить институты от политики;
- 4) в случае композитных индексов встает проблема грамотного агрегирования;
  - 5) отсутствие единого качества исходных данных для всех стран;
  - 6) «эффект гало» , отмеченный в работе П. Бардхана [43].

Мы дополним эти критические замечания еще одним новым «обвинением», вытекающим, как нам кажется, из положений теории институциональных матриц. А именно следующим: абсолютное большинство международных рейтингов оценивает институциональные изменения экономик различных стран мира с позиции их соответствия рыночной парадигме развития. В контексте теории институциональных матриц это, по сути, равносильно оценке уровня развития институтов в конкретной национальной экономике по сравнению с эталоном — странами-носителями Y-матрицы. Но, как известно, многие страны являются носителями X-матрицы. Помимо России, это КНР, КНДР, Непал, Республика Корея, Япония, Бразилия, Египет, Куба, Лаос, Мексика, Мьянма, Перу, Индия и др. [44]. Применима ли к таким институциональным системам измерительная линейка существующего эталона? Если да, то в каких пределах? Если нет, то каким должен быть эталон эффективности ИС для X-матриц? Эти вопросы пока даже не звучат в мировом научном сообществе.

В эмпирическом анализе западной школы оценка институтов и оценка защиты прав частной собственности (базовый институт Y-матрицы) используются как синонимы [45]. В качестве классического примера подобной оценки в рамках сравнительного подхода можно привести работу П. Кифера и М. Ширли [46], в которой качество институциональной среды в стране измерялось через степень защищенности прав собственности и контрактов путем использования индикатора по оценке страновых рисков. Этот индикатор включал многочисленные оценки защищенности прав собственности и контрактов, объединяемые в пять групп: власть закона, риск экспроприации соб-

¹ Эксперты в экономически благополучных странах высоко оценивают их институты, и наоборот, низкие оценки без сомнений выставляются институтам в странах, где есть бедность, стагнация и т.п.

ственности, отказ от исполнения контрактов со стороны правительства, уровень коррупции во властных структурах и качество бюрократии в стране.

В отличие от сравнительного подхода, прагматический подход (см. табл. 1) к оценке институтов, также свойственный западной школе, не дал «эмпирического плода» в силу ряда причин, которые, по мнению С. Войгта, состоят в следующем [1]:

- ожидаемую полезность от применения правил трудно оценить;
- •большинство реальных акторов не может ее вычислить в силу когнитивной ограниченности;
- •высокая степень неопределенности предполагает, что акторы будут принимать «неправильные» с точки зрения полезности решения;
  - содержание правил не является постоянным в долгосрочном периоде.

В свою очередь, он предлагает собственный подход к оценке институтов, в нашей классификации мы обозначили его как нормативный. Суть оценки сводится к тезису о том, что важно измерять как де-юре институты, так и дефакто институты, иначе нельзя отделить эффект содержания правила от эффекта его применения. Кроме того, Войгт утверждает, что следует отдавать предпочтение не субъективным методам (опросам), а использованию объективных данных при условии их надлежащей корректировки. Вопрос, в чем конкретно измерять качество институтов, по мнению Войгта, определяется спецификой поставленной исследовательской задачи. Позволим себе некоторую критику подхода Войгта, упомянув факты, которые, на наш взгляд, затрудняют его применение:

- существование нескольких вариантов фактического исполнения правил, т.е. одному институту де-юре может соответствовать несколько институтов де-факто;
- •разрыв между нормой и фактическим поведением, на наш взгляд, это, еще и проблема контроля, который, в свою очередь, является таким же институтом как де-юре, так и де-факто;
- одно лишь наличие институтов де-юре не гарантирует их применение, тем более эффективное. Может оказаться, что сравнивать норму просто не с чем.

Что касается подходов, развиваемых в российской школе, то, как мы уже упоминали, в настоящее время существует большой «задел» в виде теоретических концепций, ожидающих своей реализации на практике (табл. 1). Среди концепций, реализованных на эмпирическом уровне, вслед за западными экономистами отечественные исследователи активно применяют рейтинговый/индексный метод.

Отметим лишь две работы отечественных исследователей из числа эмпирических. Это коллективная работа А. Баранова и др. [26], выполненная при поддержке Центра фундаментальных исследований НИУ Высшей школы экономики, выделенная нами из общего перечня за попытку оценить согласованность между собой различных метрик качества институтов. С этой целью авторы проверили корреляционный анализ между различными индексами, наиболее часто используемыми для оценки качества институтов в России. Среди них индексы Министерства регионального развития РФ, ОПОРА Рос-

сии, РА Эксперт, Национального института системных исследований проблем предпринимательства, индексы проекта BEEPS. При этом авторы намеренно не использовали межстрановый аспект сравнения, что снизило бы надежность результатов, а выбрали региональный разрез в рамках одной страны, поскольку в регрессионных моделях такой формат в меньшей степени подвержен искажениям. Анализ полученных парных коэффициентов корреляции позволил авторам выявить, что: а) значимо отличаются от нуля показатели только у 40% всевозможных парных сочетаний; б) из этих значимых коэффициентов только 70% имеют положительный знак (описывает случаи зависимости частных индексов от состояния региональных институтов в целом); в) в случае, если индексы измеряли схожие институты, отрицательная корреляция указала на противоречивость методик измерения, в случае несхожих институтов – на их взаимозаменяемость.

Вторая работа отечественных авторов, которая выделяется из представленного перечня, — это исследование 2015 г. Т.В. Морозовой и Г.Б. Козыревой [35]. Предложенный ими поведенческий подход, как нам кажется, является довольно прогрессивным и может выступать достойной альтернативой рейтингового подхода.

Так, количественная оценка институтов проведена авторами с позиций методологического посыла о существовании взаимозависимости между качеством институциональной среды и практиками организации предпринимательской деятельности и деятельности домохозяйств. Тем самым, оценивая типологическое многообразие поведения экономических субъектов в конкретных институциональных условиях, можно сделать вывод об их качестве. Методами сбора исходной информации для проведения последующего анализа и агрегирования стали «формализованные интервью домохозяйств, полуформализованные и неформализованные глубинные интервью предпринимателей, инновационные семинары по типу фокус-группы с представителями разных социальных групп, метод «кейс-стади» [35]. Для построения типологий экономического поведения использованы методы кластерного, факторного анализа и методика баз знаний. Предметной областью исследования стала предпринимательская активность сельского населения Карелии.

Выводы

Проведенный анализ дает нам основание для того, чтобы выделить следующую специфику проблем методологии оценки институциональной среды, свойственную как экономике в целом, так и сектору малых промышленных фирм в частности:

- 1) как в России, так и за рубежом существует явный дефицит концепций, проработанных не только на теоретическом уровне, но и на эмпирическом, т.е. доведенных до практического применения в отношении конкретного «проблемного поля» институциональной среды;
- 2) в свете подобного дефицита объяснима и популярность сравнительного подхода, который позволяет путем построения индексов/рейтингов косвенно «прощупывать» институциональное поле, исходя из доступных данных объективной и субъективной статистики; в то же время неочевидна универсаль-

ность этого метода, который имеет непрозрачный механизм формирования, а его эталон основан исключительно на рыночной парадигме развития;

- 3) отечественная школа более активно развивает абстрактнотеоретические вопросы оценки, западная, со свойственным ей прагматизмом, «делает ставку» на концепции, перспективные для эмпирического анализа в условиях существующей доступности и измеримости данных, что неизбежно приводит к снижению «чистоты» полученных результатов;
- 4) большинство эмпирически реализованных подходов к оценке основаны на концепции «черного ящика», т.е. не учитывают структуру институциональной системы, все их усилия сосредоточены на «выходе» результате «работы» институтов;
- 5) сущностная сложность объекта исследования, наличие специфических свойств ИС в зависимости от носителя, а также несовершенство существующих методов и подходов свидетельствуют о необходимости применения комплекса методов оценки.

Литература

- 1. Voigt S. How (Not) to Measure Institutions // Journal of Institutional Economics. 2013. Vol. 9. No 1. P. 1–26.
- 2. Попов Е.В., Власов М.В., Веретенникова А.Ю. Об экономическом институте // Вестн. УрФУ. Сер. «Экономика и управление». 2011. № 6. С. 4–21.
- 3. Acemoglu, D., Johnson S., Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // American Economic Review. 2001. Vol. 91, № 5. P. 1369–1401.
- 4. *Rodric D., Subramanian A., Trebbi F.* Institutions Rule: The primacy of Institutions over geography and Integration in Economic Development // Journal of Economic Growth. 2004. Vol. 9.2. P. 131–165.
- 5. *Nyström K.* Institutional Environment and New Firm Formation in Swedish Regions // CESIS. Electronic Working Paper Series. 2008. Paper No. 142. URL: https:// static.sys.kth.se/itm/wp/cesis/cesiswp142.pdf
- 6. Полтерович В., Попов В. Демократия, качество институтов и экономический рост: Семинар «Демократизация, качество институтов и экономический рост» 07 октября 2006. URL: http://fir.nes.ru/~vpopov/documents/Democracy-2006DEC-Russian.pdf
- 7. Jie Wu, Zefu Wu, Shuaihe Zhuo. The effects of institutional quality and diversity of foreign markets on exporting firms' innovation // International Business Review. 2015. Vol. 24, Issue 6. December. P. 1095–1106.
- 8. Moenius J., Berkowitz D. Institutional Change and Product Composition: Does the Initial Quality of Institutions Matter? // William Davidson Institute Working Papers Series, William Davidson Institute at the University of Michigan. 2004. URL: http:// EconPapers.repec.org/RePEc:wdi:papers:2004–662.
  - 9. Levchenko A. Institutional Quality and International Trade. IMF Working Paper. 2004.
- 10. *Nunn N.* Relationship-Specificity, Incomplete Contracts, and the Pattern of Trade. University of Toronto, 2005.
- 11. *Никитина К.И.* Влияние качества институциональной среды на развитие человеческого потенциала // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2013. № 12. С. 23–28.
- 12. *Логинова Т.П., Полушкина И.Н.* Влияние качества институтов на инновационное развитие российской экономики // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2–2. С. 172–176.
- 13. Валитова Л.А., Тамбовцев В.Л. Анализ влияния качества институциональной среды на параметры кредитного рынка: опыт межстранового сопоставления // Экономическая школа: Аналитическое приложение 3. 2006. С. 9–50.
- 14. *Alonso J.A.*, *Garcimartín C*. The Determinants of Institutional Quality. More on the Debate. 2009. URL: http://www.nottingham.ac.uk/credit/documents/papers/09-04.pdf

- 15. *Горшков А.В., Силова Е.С.* Качество институциональной среды как фактор экономического роста // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2006. № 4 (16). С. 9–16.
- 16. Салаходжаев Р.Ф., Бондаренко К.А. Институты и экономический рост: результаты эмпирического анализа // Современная экономика: проблемы и решения. 2014. № 2 (50). С. 176—183.
- 17. Сухарев О.С. Методологические основы институционального анализа: старая, новая школы и мейнстрим // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 41(179). С. 7–24.
- 18. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. 1999. URL: http://mathecon.cemi.rssi.ru/vm polterovich/files/ep99001.pdf (дата обращения: 10.10.2015).
- 19. Дятлов С.А. Энтропия институциональных систем в условиях глобальной гиперконкуренции // Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации: материалы IV Междунар. науч. конф. Омск, 2015. С. 53–64.
- 20. *Балацкий Е*. Нечеткие институты, культура населения и институциональная энтропия // Общество и экономика. 2007. № 5. С. 36–53.
- 21. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 256 с.
- 22. *Вольчик В.В., Бережной И.В.* Группы интересов и качество экономических институтов // Экон. вестн. Ростов. гос. ун-та. 2007. Т. 5, № 2. С. 57–66.
- 23. Haken H. Information and self-organization: a macroscopic approach to complex systems. Berlin, 1988. 240 p.
- 24. Glaeser E., La Porta R., Lopez de Silanes, F. Shleifer, A. Do Institutions Cause Growth? // Journal of Economic Growth. 2004. Vol. 9, no. 3. P. 271–303.
- 25. Rodric D. Institutions and economic performance in East and South-east Asia // In Round Table Conference? The Institutional Foundation of Economic Development in East Asia. Tokio, 16–19 December, 1996. P. 391–429.
- 26. Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ / А. Баранов [и др.] // Вопр. экономики. 2015. № 2. С. 69–103.
- 27. Kunčič A. Institutional quality dataset // Journal of Institutional Economics. 2014. Vol. 10, Issue 01. March. P. 135–161.
- 28. LiPuma J.A., Newbert S.L., Doh J.P. The effect of institutional quality on firm export performance in emerging economies: a contingency model of firm age and size // Small Business Economics. May 2013. Vol. 40, Issue 4. P. 817–841.
- 29. Панфилова E.A. Компаративная оценка качества российской институциональной среды // Молодой ученый. 2013. № 4. С. 271–275.
- 30. *Кирдина С.Г.* Российская модель институциональных изменений: опыт эмпирикостатистического исследования/ С.Г. Кирдина, И. Кирилюк, А. Рубенштейн, И. Толмачева // Вопр. экономики. 2010. № 11. С. 97–114.
- 31. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Legal Determinants of External Finance // Journal of Finance. 1997. № 52(3). P. 1131–1150.
- 32. *La Porta R., Lopez de Silanes, F. Shleifer A., Vishny R.* Law and Finance // Journal of Political Economy. 1998. № 106 (6). P. 1113–1155.
- 33. *Buchanan J.* Empirical analysis of legal institutions and institutional change: multiplemethods approaches and their application to corporate governance research / J. Buchanan, D.H. Chai, S. Deakin // Journal of Institutional Economics. 2014. Vol. 10, Issue 01. March. P. 1–20.
- 34. Feld L., Voigt S. Economic Growth and Judicial Independence: Cross Country Evidence Using a New Set of Indicators // European Journal of Political Economy. 2003. № 19 (3). P. 497–527.
- 35. *Морозова Т.В., Козырева Г.Б.* Качество институциональной среды сельских территорий России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. Т. 1, № 1 (44). С. 83–93.
- 36. *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем / Г.Б. Клейнер. М.: Наука, 2004. 240 с.
- 37. *Ковалева Т.В., Базуева Е.В.* Детерминанты качества системы институтов кластерного развития региональной экономики // Вестн. АГТУ. Сер. «Экономика». 2016. № 1. С. 21–30.
  - 38. Arndt C., Oman C. Uses and Abuses of Governance Indicators. Paris: OECD, 2006.
- 39. Knack St. Measuring Corruption in Eastern Europe and Central Asia: A Critique of the Cross-Country Indicators, World Bank Policy Research Working Paper 3968. 2006.
- 40. *Thomas M.* What Do the Worldwide Governance Indicators Measure? Mimeo // European Journal of Development Research. 2010. Vol. 22, no 1. P. 31–54.

- 41. Kurtz M., Schrank A. Growth and Governance: Models, Measures, and Mechanisms // Journal of Politics. 2007. № 69(2). P. 538–554.
- 42. Kurtz M., Schrank A. Conceptualizing and Measuring Institutions: A View from Political Science, mimeo prepared for 2nd workshop on Measuring Law & Institutions held in Paris Dec. 14 and 15, 2007.
- 43. Bardhan P Decentralization of Governance and Development // Journal of Economic Perspectives. 2002. Vol. 16, no 4. P. 185–205.
- 44. *Кирдина С.Г.* «География versus институты» или «география егдо институты»: новые эмпирические аргументы в теоретической дискуссии (на основе статистического моделирования), 6 апреля 2016 г.: заседание Секции экономики ООН PAH. URL: http:// inecon.org/docs/Kirdina paper 20160406.pdf
- 45. *Alesina A., Giuliano P.* Culture and Institutions / NBER Working Paper No. 19750. December 2013. URL: http://www.nber.org/papers/w19750
- 46. *Keefer P., Shirley M.M.* From the Ivory Tower to the Corridors of Power: Making Institutions Matter for Development Policy. Mimeo: World Bank, 1998. P. 31–32.

Vaisman Elena D. Doctor of Economic Sciences, Professor. Department of Finance, Money Circulation and Credit, South Ural State University, National Research, Chelyabinsk, Russia. E-mail: vaisman elena@mail.ru

Podshivalova Mariya V. Candidate of Economic Sciences, associate professor.

Department of Finance, Money Circulation and Credit, South Ural State University, National Research, Chelyabinsk, Russia. E-mail: pods-mariya@yandex.ru

METHODOLOGICAL BASES OF SMALL INDUSTRIAL ENTERPRISES INSTITUTIONAL ENVIRONMENT ANALYSIS

Keywords: small industrial enterprises, institutional environment, assessment of institutions.

This paper presents the systematization of the accumulated experience of assessing the institutions both in the domestic and foreign economic schools. It is shown that the analysis of the small industrial enterprises institutional environment is inextricably linked with the analysis of the economy institutional environment state as a whole. Modern approaches and methods are classified into two types: purely conceptual and empirical. Criticism of the most popular method for evaluating institutions - rating is given. The authors come to a conclusion - both in Russia and abroad there is a clear deficit of concepts worked out not only on the theoretical, but also on the empirical level, that is, brought to practical use in relation to a particular "problem field" of the institutional environment. The essential complexity of the object of research, the presence of specific properties of the institutional environment depending on the carrier, as well as the imperfection of existing methods and approaches, gives grounds to the authors to assert that it is not enough to use one, even an empirically developed method to correctly estimate the institutional environment, but it is necessary to apply a set of methods.

References

- 1. Voigt S. How (Not) to Measure Institutions // Journal of Institutional Economics. 2013. Vol. 9. No1, pp. 1–26.
  - 2. Popov Ye.V., Vlasov M.V., Veretennikova A.YU. Ob ekonomicheskom institute
  - // Bulletin of Ural Federal University. Seriya ekonomika i upravleniye. 2011. №6, pp. 4-21.
- 3. Acemoglu, D, Johnson S., Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // American Economic Review, 2001. 91. 5, pp.1369-1401.
- 4. Rodric, D., Subramanian A., Trebbi F. Institutions Rule: The primacy of Institutions over geography and Integration in Economic Development // Journal of Economic Growth, 2004. Vol. 9.2, pp. 131–165.
- 5. Nyström, K. Institutional Environment and New Firm Formation in Swedish Regions // CESIS. Electronic Working Paper Series. 2008. Paper No. 142. URL: https:// static.sys.kth.se/itm/wp/cesis/cesiswp142.pdf

- 6. Polterovich V., Popov V. Demokratiya, kachestvo institutov i ekonomicheskiy rost / Seminar «Demokratizatsiya, kachestvo institutov i ekonomicheskiy rost» October 7, 2006. URL: http://fir.nes.ru/~vpopov/documents/Democracy-2006DEC.
- 7. Jie Wu, Zefu Wu, Shuaihe Zhuo The effects of institutional quality and diversity of foreign markets on exporting firms innovation // International Business Review, Volume 24. Issue 6. December 2015, pp.1095–1106.
- 8. Moenius J., Berkowitz D. Institutional Change and Product Composition: Does the Initial Quality of Institutions Matter?// William Davidson Institute Working Papers Series, William Davidson Institute at the University of Michigan. 2004. URL: http:// EconPapers.repec.org/RePEc:wdi:papers:2004-662
  - 9. Levchenko, A. Institutional Quality and International Trade. IMF Working Paper. 2004.
- Nunn, N. Relationship-Specificity, Incomplete Contracts, and the Pattern of Trade. University of Toronto. 2005
- 11. Nikitina K.I. Vliyaniye kachestva institutsionalnoy sredy na razvitiye chelovecheskogo potentsiala // Ekonomika i upravleniye v XXI veke: tendentsii razvitiya. 2013. № 12, p. 23–28.
- 12. Loginova T.P., Polushkina I.N. Vliyaniye kachestva institutov na innovatsionnoye razvitiye rossiyskoy ekonomiki // Bulletin of the University of Nizhny Novgorod University named by Lobachevsky N.I.. 2012. № 2–2, pp. 172–176
- 13. Valitova L.A., Tambovtsev V.L. Analiz vliyaniya kachestva institutsionalnoy sredy na parametry kreditnogo rynka: opyt mezhstranovogo sopostavleniya // «Ekonomicheskaya shkola», Analiticheskoye prilozheniye 3, 2006, pp.9–50
- 14. Alonso J.A., Garcimartín C. The Determinants of Institutional Quality. More on the Debate, 2009 URL: http://www.nottingham.ac.uk/credit/documents/papers/0.
- 15. Gorshkov A.V. Silova Ye.S. Kachestvo institutsionalnoy sredy kak faktor ekonomicheskogo rosta // Izvestia Ural State University of Economics, 2006. №4 (16), pp. 9–16.
- 16. Salakhodzhayev R.F., Bondarenko K.A. Instituty i ekonomicheskiy rost: rezultaty empiricheskogo analiza // Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya. 2014. № 2 (50), pp. 176–183.
- 17. Sukharev O.S. Metodologicheskiye osnovy institutsionalnogo analiza: staraya, novaya shkoly i meynstrim // Finansovaya analitika: problemy i resheniya. 2013. №41(179), pp. 7–24.
- 18. Polterovich V.M. Institutsionalnyye lovushki i ekonomicheskiye reformy. 1999. URL: http://mathecon.cemi.rssi.ru/vm polterovich/files/ep9 (date of circulation: 10.10.2015)
- 19. Dyatlov, S.A. Entropiya institutsionalnykh sistem v usloviyakh globalnoy giperkonkurentsii // Institutsionalnaya transformatsiya ekonomiki: rossiyskiy vektor novoy industrializatsii. Materials of the IV International Scientific Conference Conference. Omsk, 2015, pp. 53–64.
- 20. Balatskiy, Ye. Nechetkiye instituty, kultura naseleniya i institutsionalnaya entropiya // Obshchestvo i ekonomika. 2007. № 5, pp.36–53.
- 21. Nort, D. Ponimaniye protsessa ekonomicheskikh izmeneniy / D. Nort. M.:Publishing house of the State University of Higher School of Economics, 2010, pp. 256.
- 22. Volchik, V.V., Berezhnoy, I.V. Gruppy interesov i kachestvo ekonomicheskikh institutov // The economic bulletin of the Rostov state university, 2007. №2. Vol. 5, pp. 57–66.
- 23. Haken, H. Information and self-organization: a macroscopic approach to complex systems / Berlin.: 1988, pp. 240.
- 24. Glaeser E., La Porta, R., Lopez de Silanes, F. Shleifer, A. Do Institutions Cause Growth? // Journal of Economic Growth. 2004. Vol. 9, No.3, pp. 271–303.
- 25. Rodric D. Institutions and economic performance in East and South-east Asia // In Round Table Conference? The Institutional Foundation of Economic Development in East Asia/ Tokio, 16-19 December, 1996, pp. 391-429.
- 26. Baranov, A. Izmereniye institutov v rossiyskikh regionakh: metodologiya, istochniki dannykh, analiz / Baranov A., Malkov Ye., Polishchuk L., Rokhlin M., Syunyayev G. // Voprosy ekonomiki. 2015. № 2, pp. 69–103.
- 27. Kunčič A. Institutional quality dataset // Journal of Institutional Economics. Volume 10. Issue 01. March. 2014, pp.135–161.
- 28. LiPuma J. A., Newbert S. L., Doh J. P. The effect of institutional quality on firm export performance in emerging economies: a contingency model of firm age and size // Small Business Economics, May 2013. Volume 40. Issue 4, pp. 817–841.
- 29. Panfilova Ye.A. Komparativnaya otsenka kachestva rossiyskoy institutsionalnoy sredy // Molodoy uchenyy. 2013. № 4, pp. 271–275.

- 30. Kirdina, S.G. Rossiyskaya model institutsionalnykh izmeneniy: opyt empirikostatisticheskogo issledovaniya/ Kirdina S.G., Kirilyuk I., Rubenshteyn A., Tolmacheva I.// Voprosy ekonomiki. № 11. 2010, pp. 97–114.
- 31. La Porta R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., Vishny R. Legal Determinants of External Finance // Journal of Finance, 1997. 52(3), pp.1131–1150.
- 32. La Porta R., Lopez de Silanes, F. Shleifer, A., Vishny R. Law and Finance // Journal of Political Economy, 1998. 106 (6), pp. 1113–1155.
- 33. Buchanan, J. Empirical analysis of legal institutions and institutional change: multiplemethods approaches and their application to corporate governance research / Buchanan J., Chai D.H., Deakin S. // Journal of Institutional Economics. 2014. Volume 10. Issue 01. March, pp. 1–20.
- 34. Feld L., Voigt S. Economic Growth and Judicial Independence: Cross Country Evidence Using a New Set of Indicators // European Journal of Political Economy, 2003. 19 (3), pp. 497–527.
- 35. Morozova T.V., Kozyreva G.B. Kachestvo institutsionalnoy sredy selskikh territoriy Rossii // Sever i rynok: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka.2015. T. 1. № 1 (44), pp. 83–93.
- 36. Kleyner G. B. Evolyutsiya institutsionalnykh sistem / G. B. Kleyner. Moscow: Nauka, 2004, pp. 240
- 37. Kovaleva T.V., Bazuyeva Ye.V. Determinanty kachestva sistemy institutov klasternogo razvitiya regionalnoy ekonomiki // Bulletin of the State Technical University. Ser. Ekonomika. 2016. №1, pp. 21–30.
  - 38. Arndt C., Oman C. Uses and Abuses of Governance Indicators, Paris: OECD. 2006.
- 39. Knack St. Measuring Corruption in Eastern Europe and Central Asia: A Critique of the CrossCountry Indicators, World Bank Policy Research Working Paper 3968. 2006.
- 40. Thomas M. What Do the Worldwide Governance Indicators Measure? Mimeo // European Journal of Development Research. 2010. Vol. 22, No 1, pp. 31–54.
- 41. Kurtz M., Schrank A. Growth and Governance: Models, Measures, and Mechanisms, Journal of Politics 2007. 69(2), pp. 54-538.
- 42. Kurtz M., Schrank A. Conceptualizing and Measuring Institutions: A View from Political Science, mimeo prepared for 2nd workshop on Measuring Law & Institutions held in Paris. December 14 and 15, 2007.
- 43. Bardhan P. Decentralization of Governance and Development // Journal of Economic Perspectives. 2002. Vol. 16, No 4. pp. 185-205.
- 44. Kirdina S.G. Geografiya versus instituty» ili «geografiya ergo instituty»: novyye empiricheskiye argumenty v teoreticheskoy diskussii (based on statistical modeling), April 6, 2016. Session of the Economics Section UN RAS// URL: http://inecon.org/ docs/ Kirdina paper 20160406.pdf
- 45. Alesina A., Giuliano P. Culture and Institutions / NBER Working Paper No. 19750, December 2013 // URL: http://www.nber.org/papers/w19750
- 46. Keefer P., Shirley M.M. From the Ivory Tower to the Corridors of Power: Making Institutions Matter for Development Policy. Mimeo. World Bank, 1998, pp. 31–32.

Vaisman E.D., Podshivalova M.V. Metodologicheskie osnovi analiza institucionalnoi sredi malih promishlennih predpriyatii [Methodological bases of small industrial enterprises institutional environment analysis]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 39, pp. 5-23.

УДК 332.135 (332.145)

DOI: 10.17223/19988648/39/2

В.В. Каргинова, С.В. Тишков, А.П. Щербак

СТРАТЕГИЯ СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ ПРИ БАЛАНСЕ ИНТЕРЕСОВ: ОТ ЦЕПОЧКИ К СЕТИ

Обеспечение устойчивого роста отраслей предполагает концентрацию добавленной стоимости. Инструментом этого может выступать стратегия кластера. Было осуществлено исследование рыбохозяйственной деятельности Карелии. Предложены методический и методологический подходы к формированию отраслевых стратегий. Показаны деструктивное влияние сценарного подхода и более быстрый рост добавленной стоимости при использовании эффекта конперации. Приведены примеры корректировок административных процедур.

Ключевые слова: регион, стратегия, комплексное развитие, метод сценариев, дорожная карта, привлечение инвестиций, рыбохозяйственная деятельность, Республика Карелия.

Введение

В качестве одной из задач, стоящих перед региональной стратегией развития определенной отрасли экономики, можно рассматривать устойчивое и расширенное воспроизводство региональной экономической системы путем преобразования существующей цепочки создания стоимости в сеть создания стоимости. При этом разработка данной стратегии и плана мероприятий по ее реализации предполагает необходимость проведения комплексного исследования основных показателей деятельности, обеспечить согласование интересов всех субъектов, вовлеченных в его деятельность, и спрогнозировать ключевые социально-экономические параметры, предопределяющие эффективность данной отрасли экономики. Успешное решение вышеуказанных задач во многом осложняется в силу рассеянности необходимых знаний и опыта среди большого числа экспертов, а также отсутствия отработанных инструментов построения взаимодействия между ними. Кроме того, зачастую стратегии разрабатываются органами власти и не учитывают интересов представителей бизнес-структур, при этом бизнес-структуры рассматриваются в качестве одних из основных исполнителей. Вышеизложенные факторы приводят к низкой эффективности принятых стратегий развития, а иногда и вовсе к невозможности их реализации. Это делает актуальным нахождение и построение новых методических подходов к консолидации сетей создания стоимости путем принятия стратегии развитии, предполагающей формирование регионального кластера.

Теория: цепочка создания стоимости vs. сеть создания стоимости

Понятие «цепочка ценностей» было введено Майклом Портером для комплексного изучения отдельных составляющих хозяйственной деятельности организации, направленного на определение и закрепление конкурентных преимуществ данной деятельности [1]. В дальнейшем, отмечая необходимость учета взаимозависимости и взаимосвязи, существующей между хозяйствующими субъектами различных отраслей, М. Портер стал анализировать системы накопления стоимости [2].

Подход М. Портера получил дальнейшее развитие в работах Артура А. Томпсона и Алонзо Дж. Стрикленда [3], которые рассматривали создание стоимости отдельными хозяйствующими субъектами, а также Петера Гиббона [4], Гари Джереффи [5], Рафаэля Каплински [6], Майка Морриса [7], Филиппа Рэйкса, Майкла Фрииса Йенсена, Стефано Понте [8], уделивших внимание формированию стоимости при взаимодействии различных хозяйствующих субъектов друг с другом. Стоит отметить, что Г. Джереффи было введено понятие «глобальные товарные цепочки», которые предполагают изучение совместного создания стоимости хозяйствующими субъектами различных стран [5]. Российские ученые рассматривали построение цепочек стоимости применительно к отдельным отраслям экономики, в частности, перерабатывающим (см., например, [9]) и топливно-энергетическим [10].

Адам Бранденбургер и Барри Нейлбафф предложили перейти от изучения цепочек создания стоимости (рис. 1) к сетям создания стоимости (рис. 2), предполагающим рассмотрение взаимодействий не только между поставщиками материалов, производителями готовой продукции и ее продавцами, но и с фирмами-комплементорами, производящими и реализующими сопутствующие товары, увеличивающие ценность продукции изучаемого хозяйствующего субъекта. Кроме того, в отличие от анализа цепочек создания стоимости, сети создания стоимости направлены не только на поиск оптимального варианта распределения стоимости между всеми участниками производственно-хозяйственной деятельности, но и на определение способа повышения ее суммарной величины. Таким образом, происходит сочетание конкуренции и кооперации («конперация») [11].

Рис. 1. Схема цепочки создания стоимости *Источник*: составлено авторами.

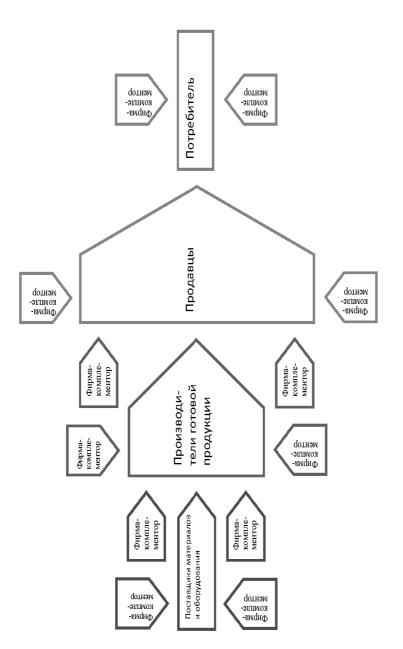

Рис. 2. Схема сети создания стоимости *Источник*: составлено авторами.

Методология выбора варианта организации сети создания стоимости

Майкл Портер отмечал, что, рассматривая конкурентные преимущества одной фирмы по сравнению с другой, правильнее анализировать цепочки создания полной величины стоимости, а не добавленной стоимости [1]. Однако проведенные ранее исследования, в частности основанные на пищевой промышленности Оренбургской области, показали, что в рамках кластера существует различие между величиной добавленной стоимости, созданной конкретным хозяйствующим субъектом, и величиной получаемой им прибыли. При этом при управлении для эффективной организации деятельности целесообразно ориентироваться именно на показатель добавленной стоимости, а не на прибыль [12].

С точки зрения авторов, в рамках изучения приращения капитала региональной экономической системы в качестве ключевого показателя должно выступать приращение добавленной стоимости, а не промежуточная стоимость какого-либо продукта.

С учетом этого при сопоставлении различных вариантов организации сетей создания стоимости в качестве показателей, их характеризующих, могут выступать:

- доля добавленной стоимости в суммарной стоимости вовлеченных в производство активов;
- отношение величины прибыли к общей величине добавленной стоимости;
- отношение начисленной заработной платы к общей величине добавленной стоимости;
- отношение суммы начисленных налогов к общей величине добавленной стоимости.

На основе данных показателей из имеющихся альтернативных вариантов построения сети создания стоимости может быть выбран оптимальный. В рамках этой работы оптимальная сеть создания стоимости предполагает максимально возможную степень удовлетворения интересов хозяйствующих субъектов и государства, а именно их максимальное благосостояние. При этом благосостояние отдельного хозяйствующего субъекта (не кластера) определяется величиной прибыли, государства — как суммой поступивших налогов, так и числом занятых в экономике, финансовой устойчивостью предприятий, поскольку именно эти показатели определяют распределение доходов государства, в частности, необходимость оказания помощи наименее состоятельным субъектам.

Механизм разработки и принятия стратегических документов

Построение сети добавленной стоимости в рамках региональной отрасли экономики предполагает разработку стратегии ее развития.

Стратегия и план мероприятий по ее реализации – это перечень необходимых действий для достижения долгосрочных целей и задач (Роберт С. Каплан, Дейвид П. Нортон [13], Артур А. Томпсон, Алонзо Дж. Стрикленд [3], Раис Ахметович Фатхутдинов [14], Альфред Д. Чандлер [15]), что предпола-

гает определение правил принятия решений (Игорь Ансофф [16], Анатолий Тимофеевич Зуб [17]).

Особенность стратегии создания регионального рыбохозяйственного кластера в том, что ее объектом одновременно является регион, отрасль и хозяйствующий субъект, а целью — выстраивание и согласование интересов всех этих трех стейкхолдеров через моделирование нового качества деловой среды и развитие производственной и вспомогательной инфраструктур в регионе.

При этом в рамках составления стратегии для выбора стратегической альтернативы из перечня возможных могут использоваться такие методы, как:

- 1) экспертный опрос, в частности направленный :
- на анализ политических, экономических, социальных и технологических характеристик внешней среды (PEST-анализ),
- анализ сильных, нейтральных и слабых факторов регионального развития (SNW-анализ),
- анализ сильных и слабых сторон, возможностей и угроз развития региона (SWOT-анализ) (см. подробнее [18]);
- 2) мозговой штурм, или фрирайтинг, метод Дельфи, деловые игры, целью которых является составление наиболее полного перечня имеющихся стратегических альтернатив;
- 3) метод сценариев, предполагающий прогноз характеристик системы на основе определения их текущих значений.

Стоит отметить, что в настоящее время большинство стратегий разрабатывается на основе последнего метода — метода сценариев. При этом в стратегию в лучшем случае включаются два сценария развития: инерционный и инновационный [19]. В частности, инерционный и инновационный (целевой) сценарии развития предусмотрены в рамках Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года. В Стратегию развития рыбопромышленного комплекса Камчатского края до 2025 года включены три сценария развития: инерционный, неустойчивый и инновационно-кластерный.

При этом на региональном уровне отмечается формальное использование метода сценариев, а именно составление сценариев на основании факторов, выделенных на федеральном уровне, в то время как в рамках регионов определяющее влияние на инерционное или инновационное развитие могут оказывать прочие существующие особенности. Причем, что удивительно, целевые показатели региональных и федеральных стратегий часто разнятся [20]. Так, например, Стратегия развития рыбопромышленного комплекса Камчатского края до 2025 года при инновационно-кластерном сценарии развития предусматривает объем добычи рыбы в 2020 г. 1 300–1 400 тыс. т, Стратегия развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации в отношении Камчатского края – 1 100 тыс. т.

В силу того, что механизм разработки и принятия стратегических документов развития в рамках ключевых отраслевых комплексов еще в полной мере не отработан после принятия Федерального закона Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», представляется необходимым выработать общие принципы

согласования данных документов. Для наиболее полной реализации функции целеполагания целесообразно синхронизировать процессы составления стратегий федеральных и региональных уровней. При этом разработке стратегии должно предшествовать принятие на федеральном уровне доктрины, устанавливающей основные направления развития отраслевого комплекса. С учетом того, что приближенность к объекту исследования позволяет более корректно определить ключевые показатели стратегии, разработка региональных стратегий должна предшествовать разработке федеральных. При этом для предотвращения оппортунистических действий со стороны органов власти, в частности включения в стратегию заведомо заниженных показателей, достижение которых требует минимум усилий, должны быть определены общие критерии данных показателей. Авторам представляется, что согласование ключевых показателей каждой региональной стратегии в уполномоченном федеральном органе будет трудоемкой процедурой, значительно тормозящей принятие данной стратегии. Однако существование общих критериев ключевых показателей и проверка корректности ключевых показателей региональных стратегий выборочно при их принятии и (или) при составлении федеральной стратегии путем объединения региональных, с одной стороны, облегчит процедуру определения этих показателей, а с другой – снизит вероятность включения в стратегию их заведомо заниженной величины.

По мнению авторов, значение ключевых показателей региональных стратегий должно предполагать превышение темпов роста данных показателей в годы реализации стратегии по сравнению с предшествующим ей периодом времени, аналогичным по продолжительности.

В качестве основных направлений критики, отмечаемых применительно к сценарному подходу, можно назвать субъективность сделанных экспертных оценок [21]. Кроме того, по мнению авторов, в условиях высокой неопределенности и нестабильности характеристик системы отклонение от разработанных сценариев развития неизбежно, что делает невозможным практическую реализацию составленных стратегий. Также действия экономических субъектов будут основываться на вероятностной оценке того или иного сценария. При этом поскольку их оценки будут носит субъективный характер, то включение различных сценариев в отраслевую стратегию приведет к еще большей неупорядоченности поведения экономических субъектов и, как следствие, всего экономического пространства. Хаотичность действий экономических субъектов сделает невозможным сотрудничество между ними и существенно замедлит появление эффективных институтов регулирования.

С учетом этого предлагается следующий подход к формированию отраслевой стратегии на уровне региона, предполагающий:

- 1) обеспечение необходимой полноты информации для оценки имеющихся стратегических альтернатив путем активного использования деловых игр и методов мозгового штурма;
- 2) поиск, разработку и включение инструментов и институтов, направленных :
- на повышение результатов финансово-хозяйственной деятельности не только субъектов рассматриваемой отрасли, но и прочих субъектов, которые

могут усилить конкурентные преимущества акторов рассматриваемой отрасли (построение сетей создания стоимости),

- обеспечение и поддержание требуемых параметров экономического пространства, в рамках которого будет реализовываться стратегия;
- 3) стандартизация инструментов и институтов путем их закрепления в соответствующих формах (нормативно-правовых актах, организационно-правовых формах и т.д.).

В этом случае предлагаемый подход можно трактовать как результат приложения стратегии Кайдзен к региону и отрасли (дополнение стабилизирующего цикла PDCA «планируй-делай-проверяй-воздействуй» циклом совершенствования SDCA «стандартизуй-делай-проверяй-воздействуй») [22].

Опыт Республики Карелия в подготовке стратегии развития рыбохозяйственной деятельности

Отметим, что в Республике Карелия получен уникальный опыт разработки стратегии развития рыбохозяйственной деятельности в рамках организации сотрудничества всех лиц, заинтересованных в успешном функционировании данной отрасли. Указанный документ был составлен в октябредекабре 2015 г. Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Институт экономики Карельского научного центра РАН» совместно с некоммерческим партнерством «Общество форелеводов Карелии».

Для консолидации и выявления факторов («узких мест»), препятствующих успешному развитию, состоялся ряд рефлексивно-проектировочных семинаров, в которых приняло участие более 120 ученых, предпринимателей, представителей органов государственной власти и местного самоуправления, бюджетных учреждений и некоммерческих организаций. В рамках семинаров проходил обмен мнениями и оценками, проведен совместный анализ сильных и слабых сторон, возможностей и рисков и, что самое важное, составлен контур будущего кластера, сформирован набор необходимых мероприятий, которые будут способствовать успешному развитию данного вида деятельности в будущем.

Рефлексивно-проектировочные семинары проводились при участии фонда поддержки инновационных проектов «Новое измерение», и их успешность, помимо широкого круга участников, определялась используемыми методами («мозговой штурм», рамочный анализ и т.д.), обеспечением участников необходимым фактологическим и статистическим материалом для работы в группе, а также многократным тестированием проекта стратегии. Обеспечение участников семинаров материалом осуществлялось со стороны Министерства сельского, рыбного и охотничьего хозяйства Республики Карелия и некоммерческого партнерства «Общество форелеводов Карелии». Это дало возможность оценить сопоставимость данных, а также согласовать проблемное поле и направления стратегического развития. После каждого семинара, с учетом высказанных пожеланий и замечаний, проект стратегии дорабатывался.

Согласование интересов в рамках сети создания стоимости рыбохозяйственной деятельности Республики Карелия

Для иллюстрации увеличения степени удовлетворенности интересов хозяйствующих субъектов и государства при организации сети добавленной стоимости приведем пример подобной сети, разработанной в отношении форелевых хозяйств Республики Карелия.

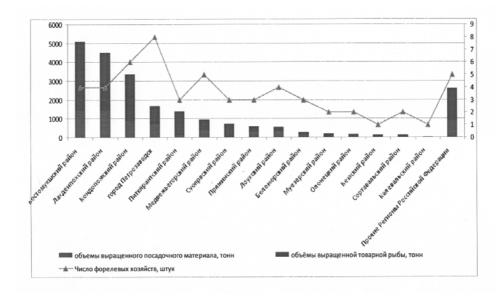

Рис. 3. Объемы выращенной форели форелевыми хозяйствами Республики Карелия и число форелевых хозяйств в регионе за 2014 г.

Источник: составлено авторами по данным НП «Общество форелеводов Карелии».

В настоящее время рыбохозяйственные предприятия Республики Карелия осуществляют практически исключительно только выращивание форели. В 2014 г. в регионе действовало 56 форелевых хозяйств, объем выращенной форели форелевыми хозяйствами Республики Карелия составил 22 447 т (рис. 3). Необходимое оборудование и корма закупались за рубежом.

У форелевых хозяйств отсутствуют мощности, позволяющие производить глубокую переработку рыбы и выпускать широкий ассортимент товаров конечного потребления. Более крупные производители имеют собственные цеха потрошения, поэтому их конечная продукция — потрошенная рыба в ящиках со льдом. Малые производители не имеют ни цехов для потрошения, ни складов и продают непотрошеную рыбу со спущенной кровью. При этом и крупные форелевые хозяйства, и малые работают не напрямую с розничными сетями, а с оптовыми продавцами и крупными дистрибьюторскими фирмами. Многие из них также продают форель не в розничную сеть, а прочим оптовым фирмам и торговым домам. Наличие нескольких (двух-трех) торговых посредников увеличивает цену реализации для конечных потребителей до 25%. В связи с этим актуальным вопросом становится развитие в регионе производственной и рыночной инфраструктуры отрасли.

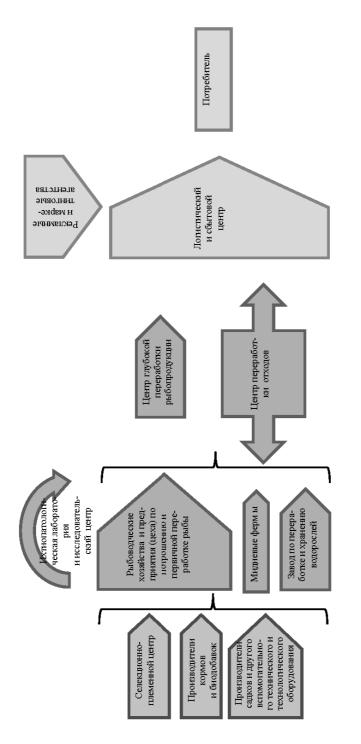

Рис. 4. Сеть создания стоимости рыбохозяйственной деятельности Республики Карелия Источник: составлено авторами.

В ходе разработки стратегии развития рыбохозяйственной деятельности Республики Карелия для данного вида деятельности была предложена сеть создания стоимости (рис. 4).

Было определено, что в настоящее время форелевые хозяйства производят только 13,7% потенциально возможной добавленной стоимости. Увеличение данного показателя требует системного решения вышеуказанных проблем и организации на территории региона сети создания стоимости. Комплексность стоящих задач обосновывает необходимость использования кластерного подхода для обеспечения сотрудничества и кооперации, реализации сравнительных преимуществ, снижения барьеров входа на рынок. Кластерный подход в сравнении с отраслевым характеризуется большей интеграцией хозяйствующих субъектов, их локализацией, устойчивостью и долгосрочным характером связей. В отличие от территориально-производственного комплекса, кластер предусматривает рыночные отношения и ориентирован на конечного потребителя.

Открытие собственного селекционно-племенного центра, производства кормов, садков и другого вспомогательного технического и технологического оборудования для рыбоводной деятельности снизит зависимость от экспортируемых посадочного материала, рыбной муки и рыбного жира, средств технического оснащения, что особенно актуально с учетом их удорожания вследствие существующей девальвации.

Наличие ихтиопатологической лаборатории и исследовательского центра даст возможность проводить диагностические, противоэпизоотические, лечебно-профилактические и ветеринарно-санитарные мероприятия на территории Республики Карелия, а не в центральных регионах Российской Федерации, что существенно сократит транспортные расходы и время, требуемое для проведения данных мероприятий.

Комплексный центр глубокой переработки рыбной продукции расширит ассортимент и снизит риски ее реализации. При этом стоимость рыбной продукции, подвергнутой глубокой переработке, может в разы превышать стоимость продукции, полученной в результате только ее первичной переработки (потрошения). В частности, в ноябре 2015 г. в Республике Карелия средняя цена потрошенной форели в ящиках со льдом, включая НДС, составила 350—380 руб. за килограмм, филе форели слабосоленой — 1 200 руб. за килограмм.

Создание единой логистической и дистрибьюторской сети позволит осуществлять реализацию продукции предприятий отрасли как в Республике Карелия, так и в других субъектах Российской Федерации, причем высокого качества, за счет минимального использования транзитных складов и по более низкой цене благодаря снижению издержек из-за сокращения цепочки оптовых фирм и торговых домов (возможно уменьшение цены реализации для конечных покупателей до 25%).

Цех переработки рыбных отходов снизит издержки на коммунальные ресурсы (например, топливо) и повысит прочие доходы, получаемые в результате реализации продукции из отходов. Кроме того, наличие данного цеха позволит соблюдать установленные экологические нормативы по обращению с отходами.

Создание и продвижение бренда рыбохозяйственного кластера Республики Карелия снизит частные маркетинговые издержки каждого карельского производителя при одновременном увеличении их общей доли на российском и зарубежном рынках за счет повышения лояльности потребителей. Благодаря этому будет возможно значительно увеличить существующие объемы производства (свыше 100 тыс. т в год) и при необходимости увеличить цену реализации продукции для конечных потребителей до 5%, что, например, приведет к 26 руб. дополнительной выручки от реализации каждого килограмма охлажденной радужной форели с учетом существующих средних цен по Российской Федерации.

При этом вовлекаемые и предполагаемые к строительству производственные мощности можно использовать для открытия мидиевых ферм (в частности, в Беломорском районе Республики Карелия), завода по переработке и хранению водорослей. Через отлаженную логистическую и дистрибьюторскую сеть может осуществляться реализация прочей продукции карельских производителей.

В отношении каждого экономического агента сети создания стоимости рыбохозяйственной деятельности Республики Карелия были определены по-казатели его деятельности (таблица).

Доля показателей деятельности групп субъектов в общей величине по сети создания
стоимости, %

Группа субъектов	Необходимая величина активов	Создаваемая добавленная стоимость	Получаемая прибыль	Выпла- чиваемая заработная плата	Выпла- чиваемая сумма налогов
Поставщики					
материалов					
и оборудо- вания	27,4	28,5	29,1	2,5	28,3
Произво-					_
дители го-					
товой	70.2	60.2	60.2	05.0	69.0
продукции	70,3	69,2	68,2	95,8	68,9
Продавцы	2,3	2,3	2,7	1,6	2,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено авторами с учетом минимальной торговой наценки для конечных потребителей.

Проведенное исследование показало, что переход от деятельности только по производству и первичной обработке (потрошению) форели к сети создания стоимости в форелеводческом бизнесе требует увеличения активов, вовлеченных в данную отрасль экономики, на 48,5%, что приведет к повышению:

- величины создаваемой добавленной стоимости на 50,1%;
- величины получаемой хозяйствующими субъектами прибыли на 53,1%;
- сумм выплачиваемой заработной платы на 28,5%;
- сумм собираемых налогов на 48.5%.

При этом оптимальная сеть создания стоимости, с учетом существующих ресурсных и рыночных ограничений, предполагает:

- увеличение доли добавленной стоимости в суммарной стоимости вовлеченных в производство активов на 1,1%;
- увеличение отношения величины прибыли к общей величине добавленной стоимости на 1,9%;
- снижение отношения начисленной заработной платы к общей величине добавленной стоимости на 14,4%;
- $\bullet$ снижение отношения суммы начисленных налогов к общей величине добавленной стоимости на 1,1%.

Таким образом, разработанный вариант сети создания стоимости по сравнению с текущим положением в регионе, когда функционирует лишь отдельный ее элемент — форелевые хозяйства, поставляющие оптовым продавцам непотрошеную или потрошеную рыбу — позволит повысить благосостояние как частных хозяйствующих субъектов, так и государства. Причем текущий вариант использования активов предполагает максимально возможный доход для государственных структур. При функционировании сети создания стоимости их общий доход увеличится, однако отдача от каждого рубля привлеченных инвестиций снизится. Увеличение как в абсолютном, так и в относительном выражении произойдет только для частных инвесторов.

План мероприятий по реализации стратегии развития

Отметим, что в отношении построенной сети создания стоимости должен быть определен перечень необходимых инвестиционных проектов, реализация которых позволит создать (трансформировать) хозяйствующие субъекты, производящие и реализующие сопутствующие товары и (или) оказывающие сопутствующие услуги таким образом, чтобы результаты их деятельности действительно увеличивали ценность продукции рассматриваемой отрасли экономики. Данные проекты должны быть систематизированы и включены в единую дорожную карту (рис. 5).

В настоящее время некоторые региональные стратегии включают в себя ряд проектов, требующих реализации, однако данные проекты проработаны недостаточно хорошо. В частности, не определен положительный эффект для всех сторон, заинтересованных в реализации проектов, что значительно затрудняет их презентацию и поиск инвесторов. Кроме того, разработка проектов не сопровождается исследованием факторов, ограничивающих или тормозящих возможность их реализации (см., например, Стратегию развития рыбопромышленного комплекса Камчатского края до 2025 г.). В частности, такими факторами могут выступать существующие технические проблемы (сложность подключения к электрическим или коммунальным сетям и др.) или институциональные барьеры, отсутствие совершенной нормативноправовой базы (длительность административных процедур при предоставлении участков для размещения хозяйственных объектов или необходимой инфраструктуры и др.).

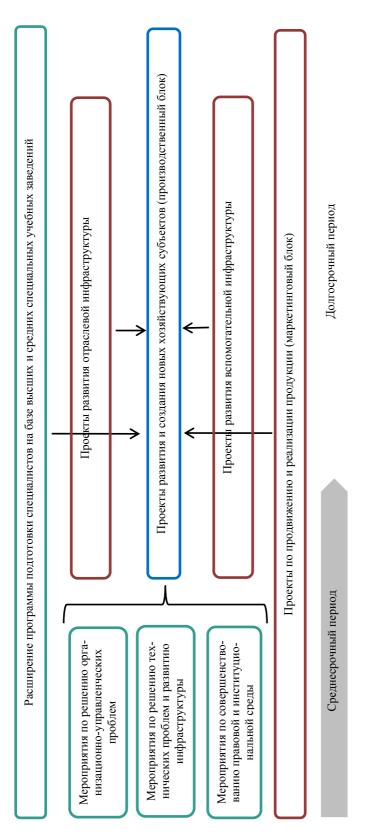

Рис. 5. Схема дорожной карты стратегии развития отрасли в регионе $\mathit{Hcmoчnux}$: составлено авторами.

Для каждого из выявленных факторов необходимо разработать перечень мероприятий по их решению. Так, в Республике Карелия наиболее перспективные рыбоводные участки расположены в рамках земель лесного фонда, при этом вблизи со многими из них отсутствуют дорожные и коммунальные сети. Для строительства требуемых инфраструктурных объектов необходим перевод лесных земель в нелесные, однако длительность и сложность существующей административной процедуры часто останавливают инвесторов. В результате имеющиеся водные ресурсы используются не в полном объеме, доходы частных производителей и государства уменьшаются. Для решения данной проблемы необходимо подготовить соответствующим комитетом Законодательного Собрания Республики Карелия проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и вынести Законодательным Собранием Республики Карелия данный проект на рассмотрение в Государственную Думу Российской Феде-рации.

Подобные мероприятия также должны быть включены в дорожную карту. Их реализация будет способствовать повышению и поддержанию требуемого качества экономического пространства, что, в свою очередь, позволит обеспечить выпуск максимального объема производимой продукции, в отношении которой у покупателей существует платежеспособный спрос.

Заключение

Стоит отметить, что в рамках работы над стратегией развития рыбохозяйственной деятельности Республики Карелия был выявлен наиболее перспективный механизм привлечения инвестиций в капиталоемкие отрасли экономики — это выработка совместной стратегии действий государства и бизнеса путем заключения соответствующих соглашений. В настоящее время для повышения инвестиционной привлекательности региона законодательно для инвесторов была предусмотрена возможность получения государственной поддержки путем заключения инвестиционных соглашений с Правительством Республики Карелия или иным органом исполнительной власти региона (ст. 2 Закона Республики Карелия от 5 марта 2013 г. № 1687-3PK «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Республике Карелия»). Однако в данных соглашениях было невозможно учесть отраслевые особенности каждого вида деятельности, решить систематические проблемы региона и обеспечить синхронизацию действий всех экономических субъектов.

Использование предложенного авторского подхода к формированию региональной стратегии развития определенной отрасли экономики позволит обеспечить переход от существующих цепочек создания стоимости к сетям создания стоимости и, следовательно, повысит величину создаваемой стоимости и обеспечит устойчивое развитие данной отрасли. Описанный порядок согласования региональных и федеральных стратегий развития будет способствовать комплексному развитию всей национальной экономики. Успешный опыт Республики Карелия по разработке стратегии развития рыбохозяйственной деятельности может быть применен другими регионами для привлечения инвесторов в капиталоемкие отрасли экономики и обеспечит переход к инновационному развитию.

Литература

- 1. Porter M.E. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. New York: Free Press, 1985. 557 p.
  - 2. Porter M.E. On Competition. Boston: Harvard Business School, 1998. 485 p.
- 3. *Thompson A.A., Strickland A.A.* Strategy and policy: Concepts and cases. Georgetown: Irwin Dorsey, 1981. 865 p.
- 4. *Gibbon P.* Upgrading primary production: A Global Commodity Chain Approach // World Development. 2001. Vol. 29, № 2. P. 345–363.
- 5. *Gereffi G.* The Organization of Buyer-Driven Global Commodity Chains: How U.S. Retailers Shape Overseas Production Networks // Commodity Chains and Global Capitalism, ed. by G. Gereffi M. Korzeniewicz. London: Praeger, 1994. P. 95–122.
- 6. *Kaplinsky R*. Spreading the Gains from Globalisation: What can be learned from value chain analysis? // Journal of Development Studies. 2000. Vol. 37, № 2. P. 117–146.
- 7. *Kaplinsky R., Morris M.* Governance Matters in Value Chains. Developing Alternatives // Developing Alternatives. 2003. Vol. 9, № 1. P. 11–18.
- 8. *Raikes F., Friis-Jensen M., Ponte S.* Global Commodity Chain Analysis and the French Filière Approach: Comparison and Critique // Economy and Society. 2000. Vol. 29, № 3. P. 390–417.
- 9. *Авдашева С.Б., Буданов И.А., Голиков В.В. и др.* Модернизация российских предприятий в цепочках создания стоимости (на примере трубной и мебельной промышленности России) // Экономический журнал ВШЭ. 2005. № 3. С. 361–377.
- 10. Вдовин А.Н. Формирование цепочек создания стоимости продукции предприятий топливно-энергетического комплекса России // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 44. С. 23–28.
- 11. Brandenburger A.M., Nalebuff B.J. Co-opetition. New York: Currency Doubleday, 1997. 804 p.
- 12. Андреева Т.В., Ермакова Ж.А. Добавленная стоимость в системе анализа цепочки производства продукции // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2011. № 10. С. 242–248.
- 13. Kaplan R.S., Norton D.P. Strategy Maps: Converting Intangible Assets into Tangible Outcomes. Boston: Harvard Business Review Press, 2004. 454 p.
  - 14. Фатхутдинов Р.А. Стратегический менеджмент. М.: Дело, 2008. 448 с.
- 15. Chandler A.D., Jr. Strategy and Structure: Chapters in the History of the American Industrial Enterprise. Cambridge: MIT Press, 1962. 463 p.
  - 16. Ansoff I. Strategic management. New York: Wiley, 1979. 236 p.
- 17. $3y\delta$ А.Т. Стратегический менеджмент: Теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2002. 415 с.
- 18. *Николаев И., Точилкина О.* Стратегии и программы развития регионов (сравнительный анализ) // Общество и экономика. 2006. №7/8. С. 269–287.
- 19. *Смирнов Е.П.* Стратегия развития регионов: теория, практика и новые подходы // Региональная социология в России: Сборник материалов социологических исследований / отв. ред. В.В. Маркин. М.: Экслибрис-Пресс, 2007. 480 с.
- 20. Симонова T.A. Особенности формирования отраслевых прогнозов в рыбохозяйственном комплексе Камчатского края // Вестн. Астрахан. гос. техн. ун-та. Сер. «Экономика». 2013, № 2. С. 155–162.
- 21. Феофанов К.А. О сценарном подходе к прогнозированию // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 67–74.
- 22. *Imai M.* Kaizen: The Key To Japan's Competitive Success. New York: McGraw-Hill, 1986. 260 p.

Karginova Valentina V., Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia). E-mail: vkarginowa@yandex.ru

Tishkov Sergey V., Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia). E-mail: insteco_85@mail.ru

Shcerbak Anton P., Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia). E-mail: scherbaka@mail.ru

THE STRATEGY OF CREATIONG VALUE IN THE BALANCE OF INTERESTS: FROM CHAIN TO NET

Keywords: region, strategy, integrated development, scenario method, road map, attraction of investments, fisheries activity, Republic of Karelia.

Sustainable growth of industries supposes the concentration of added value. The instrument of this can be a cluster strategy. The research of fishery activity of Karelia was carried out. Methodological approach to the formation of sectoral strategies is suggested. The destructive influence of the scenario approach and the faster growth of value added are shown when using the effect of the combination. Examples of administrative procedures adjustments are given.

References

- 1. Porter M. E. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. New York: Free Press, 1985, pp. 557.
  - 2. Porter M. E. On Competition. Boston: Harvard Business School, 1998, pp. 485.
- 3. Thompson A. A., Strickland A. A. Strategy and policy: Concepts and cases. Georgetown: Irwin Dorsey, 1981, pp. 865.
- 4. Gibbon P. Upgrading primary production: A Global Commodity Chain Approach // World Development. 2001. Vol. 29. № 2. pp. 345-363.
- 5. Gereffi G. The Organization of Buyer-Driven Global Commodity Chains: How U.S. Retailers Shape Overseas Production Networks // Commodity Chains and Global Capitalism, ed. by G. Gereffi M. Korzeniewicz. London: Praeger, 1994, pp. 95-122.
- 6. Kaplinsky R. Spreading the Gains from Globalisation: What can be learned from value chain analysis? // Journal of Development Studies. 2000. Vol. 37. № 2, pp. 117-146.
- 7. Kaplinsky R., Morris M. Governance Matters in Value Chains. Developing Alternatives // Developing Alternatives. 2003. Vol. 9. № 1, pp. 11-18.
- 8. Raikes P., Friis-Jensen M., Ponte S. Global Commodity Chain Analysis and the French Filière Approach: Somparison and Sritique // Economy and Society. 2000. Vol. 29. №3, pp. 390-417.
- 9. Avdasheva S.B., Budanov I.A., Golikov V.V. and others. Modernizatsiya rossiyskikh predpriyatiy v tsepochkakh sozdaniya stoimosti (na primere trubnoy i mebelnoy promyshlennosti Rossii) // Ekonomicheskiy zhurnal VSHE. 2005. № 3, pp. 361-377.
- Vdovin A. N. Formirovaniye tsepochek sozdaniya stoimosti produktsii predpriyatiy toplivnoenergeticheskogo kompleksa Rossii // Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika. 2011. №44. pp. 23-28.
- 11. Brandenburger A.M., Nalebuff B.J. Co-opetition. New York: Currency Doubleday, 1997.
- 12. Andreyeva T.V., Yermakova ZH.A. Dobavlennaya stoimost v sistemeanaliza tsepochki proizvodstva produktsii // Bulletin Orenburgskogo State University. 2011. № 10, pp. 242-248.
- 13. Kaplan R.S., Norton D.P. Strategy Maps: Converting Intangible Assets into Tangible Outcomes. Boston: Harvard Business Review Press, 2004, pp. 454.
  - 14. Fatkhutdinov R.A. Strategicheskiy menedzhment. M.: Delo, 2008, pp. 448.
- 15. Chandler A.D., Jr. Strategy and Structure: Chapters in the History of the American Industrial Enterprise. Cambridge: MIT Press, 1962. pp. 463.
  - 16. Ansoff I. Strategic management. New York: Wiley, 1979. 236 p.
- 17. Zub A. T. Strategicheskiy menedzhment: Teoriya i praktika. Moscow: Aspekt Press, 2002, pp. 415.
- 18. Nikolayev I., Tochilkina O. Strategii i programmy razvitiya regionov (sravnitelnyy analiz) // Obshchestvo i ekonomika. 2006. № 7/8, pp. 269-287.
- 19. Smirnov Ye. P. Strategiya razvitiya regionov: teoriya, praktika i novyye podkhody // Regional sociology in Russia: A collection of materials sociological research, edited by Markin V.V. Moscow: Ekslibris-Press, 2007, pp. 480.
- 20. Simonova T. A. Osobennosti formirovaniya otraslevykh prognozov v rybokhozyaystvennom komplekse Kamchatskogo kraya // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Ser.: Ekonomika. 2013, №2, pp. 155-162.
- 21. Feofanov K. A. O stsenarnom podkhode k prognozirovaniyu // Sociological research. 2008. №5, pp. 67-74.
- 22. Imai M. Kaizen: The Key To Japan's Competitive Success. New York: McGraw-Hill, 1986, pp. 260.

Karginova V.V., Tishkov S.V., Shcherbak A.P. Strategiya sozdaniya stoimosti pri balanse interesov_ ot cepochki k seti [The strategy of creating value in the balance of interests: from chain to net]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 39, pp. 24–39.

УДК 311.312

DOI: 10.17223/19988648/39/3

Е.Н. Клочкова, Е.С. Дарда

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ИНВАЛИДИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Приоритеты государственной политики в сфере поддержки инвалидов и лиц с ограниченными возможностями определены в Государственной программе Российской Федерации «Доступная среда» на 2011-2020 годы [1]. В качестве ключевых задач установлено, что мероприятия, проводимые органами государственной власти в этой сфере, направлены на обеспечение условий доступности объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности данных категорий граждан, а также на обеспечение данных категорий граждан техническими средствами реабилитации и оказание качественных услуг с целью формирования «доступный среды». Кроме того, система социальной защиты должна включать все элементы социального обеспечения нуждающихся категорий граждан как в денежной форме, так и в форме реальной социальной адаптации. Политика государства в отношении инвалидов должна быть ориентирована на обеспечение равных прав и возможностей инвалидов, основной целью которой выступает обеспечение всестороннего и реального участия инвалидов в политической, экономической, социальной и культурной жизни государства. В связи с вышесказанным актуальным является задача по комплексному изучению тендениий уровня инвалидизации в России с целью принятия обоснованных решений в социальной политике.

Ключевые слова: инвалидизация, социальное обеспечение, статистическое исследование.

По официальным оценкам, инвалидизация населения Российской Федерации сопоставима по уровню с развитыми странами [2]. По состоянию на 1 января 2016 г. численность инвалидов, находящихся на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации, составляла 12 418 тыс. чел. [3]. В целом за период 2010—2015 гг. прослеживалось сокращение рассматриваемого показателя (в среднем на 0,6% ежегодно), причем отрицательная динамика наблюдалась по всем группам инвалидности (табл. 1).

Таблица 1. Динамика численности инвалидов, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации (на 1 января, тыс. чел.)

Показатель	Год								
	2011	2012	2013	2014	2015	2016			
Всего инвалидов	12866	12843	12738	12608	12589	12418			
В том числе: І группы	1513	1487	1457	1423	1328	1255			
из них инвалиды с детства	175	181	183	199	202	214			
II группы	7074	6850	6624	6384	6266	6049			
из них инвалиды с детства	510	527	526	522	527	538			
III группы	3739	3945	4089	4221	4391	4497			
из них инвалиды с детства	207	225	235	248	264	297			
дети-инвалиды	541	560	568	580	605	617			

Источник: Росстат

За период 2010—2015 гг. распределение инвалидов по группам инвалидности не было подвержено вариации. Вместе с тем в 2015 г. по сравнению с 2011 г. численность инвалидов I и II групп сократилась на 1,7 и 6,3% соответственно, и, наоборот, на 7,2% увеличилась численность инвалидов III группы и менее чем на 1% увеличилась численность детей-инвалидов. По итогам 2015 г. наибольший удельный вес приходился на инвалидов II группы — 48,7, 36,2% — на инвалидов III группы; на долю инвалидов I группы приходилось 10,1% и на детей-инвалидов — 5% (рис. 1).

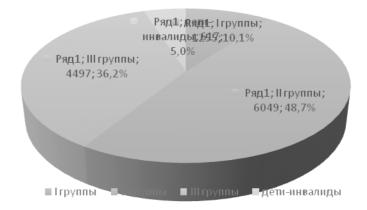

Рис. 1. Структура численности инвалидов, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации в 2015 г.

По оценкам Федеральной службы государственной статистики, общая численность инвалидов по состоянию на 1 января 2016 г. составляла 12 751 тыс. чел. [3], что незначительно превышает данные Пенсионного фонда РФ. На 1000 чел. населения приходилось 87 инвалидов, что на 5,4% меньше, чем в 2009 г. (табл. 2).

Таблица 2. Динамика численности инвалидов по группам инвалидности
(на 1 января, тыс. чел.)

Показатель	Год								
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016		
Всего инвалидов	13134	13209	13189	13082	12946	12924	12751		
В том числе: І группы	1920	1540	1515	1496	1451	1355	1283		
II группы	7086	7306	7076	6833	6595	6472	6250		
III группы	3609	3822	4038	4185	4320	4492	4601		
дети-инвалиды	519	541	560	568	580	605	617		
Общая численность инвалидов, приходящихся на 1000 чел. населения	00 0	92,5	92,2	91,3	90,1	88,4	87,0		

Источник: Росстат.

Крайне положительным моментом является установившаяся тенденция к сокращению численности инвалидов.

Динамика данного показателя за период с 2000 по 2016 г. характеризуется крайне разнонаправленными изменениями: с 2000 по 2009 г. наблюдался стремительный рост данного показателя. Численность инвалидов за указанный период увеличилась с 10,6 млн чел. до 13,9 млн чел., т.е. прирост составил 3,3 млн чел., или 23,3%. При этом следует отметить, что рост происходил с определенным ускорением. Наибольший рост численности инвалидов наблюдался в 2005 г. и составил 108,7% от уровня предыдущего года. В среднем за год прирост был равен 366,7 тыс. чел., или 3,1%. Дальнейшая динамика численности инвалидов приобретает менее интенсивный характер, а также меняет свое направление. С 2009 г. значения показателя начинают сокращаться и к началу 2016 г. достигают уровня 12,8 млн чел., т.е. за период с 2009 по 2016 г. численность инвалидов сократилась на 1,1 млн чел. В целом за рассматриваемый период с 2000 по 2016 г. численности инвалидов увеличилась на 2,1 млн чел., или на 19,8%.

При сохранении тенденции последних лет к 2018 г. можно ожидать сокращение численности инвалидов до 12 683,4 тыс. чел.

Существенное влияние на формирование государственной политики в сфере социальной защиты инвалидов оказывает показатель численности детей-инвалидов, получающих социальные пенсии.

Динамика данного показателя не подвержена большим колебаниям: значения показателя варьируют в пределах от 515 тыс. чел. в 2008 г. до 675 тыс. чел. в 2000 г. Вместе с тем характер изменений разнонаправленный: в период с 2000 по 2008 г. наблюдалось сокращение численности с 675 тыс. чел. в 2000 г. до 515 тыс. чел. в 2008 г, а с 2009 г. начала формироваться тенденция к увеличению данного показателя. За период 2000-2008 гг. сокращение составило 160 тыс. чел., или 23,7%. Наибольшее сокращение численности детей-инвалидов, получающих социальные пенсии, наблюдалось в 2004 г. и составило 31 тыс. чел. от уровня 2003 г., или 7,6%. С 2009 г. наметилось изменение направления динамики: численность детей-инвалидов, получающих социальные пенсии, начинает расти и к 2016 г. достигает значения 617 тыс. чел. Наибольший рост наблюдался в 2015 г. и составил 25 тыс. чел. от уровня предыдущего года. В среднем за рассматриваемый период численность детей-инвалидов сокращалась на 6,4 тыс. чел., или на 1% [4]. При сохранении тенденций в численности детей-инвалидов, получающих социальные пенсии, прогнозные оценки к 2020 г. могут достигнуть 730 775 чел.

В возрастной структуре инвалидов структурных изменений за последние три года не наблюдается — наибольший удельный вес занимает группа старше трудоспособного возраста, на долю которой по состоянию на 1 января 2016 г. приходится 65,3% [3].

Удельный вес инвалидов трудоспособного возраста составил 29,8% и соответственно детей в возрасте до 18 лет -4,9%, при этом на долю мужчин старше трудоспособного возраста приходится 49,4%, а женщин -77%. В распределении инвалидов по полу в группе трудоспособного возраста удельный вес мужчин составил 44,1%, женщин -19,3% [3].

В анализе динамики численности граждан за период 2008–2015 гг., впервые признанных инвалидами, следует отметить ежегодное сокращение показателя в среднем на 4,6% [3]. По данным Минтруда России, в 2015 г. их число составило 695 тыс. чел., что почти на 1/3 ниже уровня 2008 г. (рис. 2).

В 2015 г. на 10 000 чел. населения приходилось 59 лиц, впервые признанных инвалидами, в то время как в 2008 г. их число составляло 83,3 инвалида [3]. Существенное снижение численности лиц, вновь признанных инвалидами, наблюдалось по ІІ и ІІІ группам инвалидности. В 2015 г. по сравнению с 2008 г. их число уменьшилось на 48,0 и 14,7% соответственно, при этом число инвалидов І группы, вновь признанных, увеличилось на 23,8% и составило 125 тыс. чел.

В анализе структуры численности лиц, впервые признанных инвалидами, в общей численности инвалидов можно отметить два периода: период с 2008 по 2010 г. характеризовался преобладанием доли лиц, впервые признанных инвалидами ІІ группы, а в период 2011–2015 гг. наибольший удельный вес приходился на лиц, впервые признанных инвалидами в категории ІІІ группы. При этом на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдалось увеличение удельного веса лиц, впервые признанных инвалидами І и ІІІ групп при одновременном сокращении лиц ІІ группы с 52,2 до 37,7%.

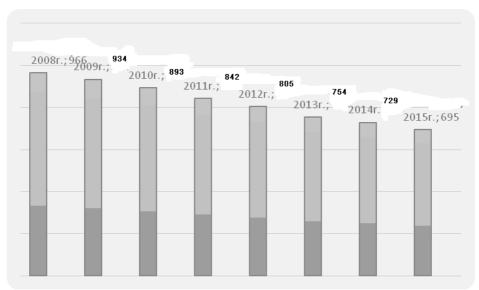

Рис. 2. Динамика численности лиц, впервые признанных инвалидами, за период 2008–2015 гг., тыс. чел.

Кроме того, можно отметить существенное сокращение числа лиц, впервые признанных инвалидами, в трудоспособном возрасте. По итогам 2015 г. их число сократилось на 25,8% по сравнению с 2008 г. (ежегодное сокращение в среднем на 4%). При этом доля таких лиц за рассматриваемый период возросла с 44,7 до 46,8%. Наибольший удельный вес наблюдается в 2011 г. – 49.5%.

Формирование государственной политики в сфере социальной защиты инвалидов во многом обусловлено региональной дифференциацией изменения численности данной группы населения [5]: по состоянию на начало 2014 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано было 1 684 206 чел., впервые признанных инвалидами. Распределение инвалидов по территории страны представлено в табл. 3.

Федерации (на 1 ливари 2014 г.)						
Федеральный округ	Численность инвалидов, % к итогу					
Центральный	28,9					
Северо-Западный	10,4					
Южный	9,5					
Северо-Кавказский	6,8					
Приволжский	22,4					
Уральский	8,2					
Сибирский	13,2					
Дальневосточный	0,4					

Таблица 3. Распределение инвалидов по федеральным округам Российской Федерации (на 1 января 2014 г.)

Можно констатировать, что 28,9% общей численности инвалидов проживают на территории Центрального ФО, 22,4% — на территории Приволжского ФО, 13,2% — на территории Сибирского ФО и 10,4% — на территории Северо-Западного ФО.

По данным Минтруда России, за период 2008–2015 гг. наблюдалась тенденция снижения численности лиц, вновь признанных инвалидами по всем причинам, за исключением причин, связанных со злокачественными образованиями и болезнями уха и сосцевидного отростка. Если в 2008 г. число лиц с онкологическими заболеваниями составило 170 тыс. чел., то в 2015 г. их количество увеличилось до 213 тыс. чел. (ежегодный прирост в среднем на 3,3%). Аналогично численность лиц с болезнями уха и сосцевидного отростка в среднем ежегодно увеличивалась на 2,6% и в 2015 г. составила 12 тыс. чел.

Существенное снижение лиц, впервые признанных инвалидами, наблюдается по причинам, связанным с последствиями производственных травм и профессиональными болезнями, – в среднем ежегодно на 19,3 и 14,5%. На 10,4% отмечается ежегодное сокращение численность лиц, впервые признанных инвалидами по причине болезней эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ. Вследствие травм, отравлений и других воздействий внешних причин численность инвалидов в среднем сокращалась на 8,7% в год; болезней системы кровообращения – на 9,1%; болезней органов дыхания – на 7,9%. По причине болезней костно-мышечной системы и соединительной ткани численность инвалидов сокращалась в среднем на 6,4% ежегодно [3].

В анализе структуры численности лиц, впервые признанных инвалидами, наибольшая концентрация лиц (на протяжении всего рассматриваемого периода) приходится на инвалидность по причине, связанной с болезнями системы кровообращения и злокачественными новообразованиями. Однако если в 2015 г. по сравнению с 2008 г. вследствие злокачественных новообразова-

ний доля таких лиц увеличилась с 17,6 до 30,6%, то по причине болезней системы кровообращения, наоборот, снизилась с 44,6 до 31,8%. Данная тенденция может быть частично связана с повышением оперативности оказания медицинской помощи. В случае инфарктов и инсультов это приводит к сохранению трудоспособности пациентов, а в случае онкологических заболеваний ранняя диагностика и операционные вмешательства уменьшают смертность, но увеличивают инвалидность.

По итогам 2015 г. наибольшая доля инвалидизации связана с болезнями системы кровообращения (31,8%) и злокачественными новообразованиями (30,6%). Далее следуют причины болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани (7,3%), затем психические расстройства и расстройства поведения (4,6%).

В целом следует отметить, что распределение инвалидов по причине смертности за рассматриваемый период существенно изменилось, например вследствие производственных травм и профессиональных болезней, ежегодно доля таких лиц уменьшалась на 15,5 и 10,4 п.п. Наоборот, по причине болезней уха и сосцевидного отростка удельный вес инвалидов возрастал на 7,6 п.п. ежегодно. Вследствие болезней эндокринной системы, расстройств питания и нарушений обмена веществ доля инвалидов сокращалась в среднем на 6,1 п.п. в год, болезней органов дыхания – на 3,5 п.п. ежегодно, туберкулеза – на 2,4 п.п. По причине психических расстройств и расстройств поведения удельный вес лиц, впервые признанных инвалидами, увеличивался в среднем на 3,9 п.п., а болезней нервной системы – на 2,7 п.п.

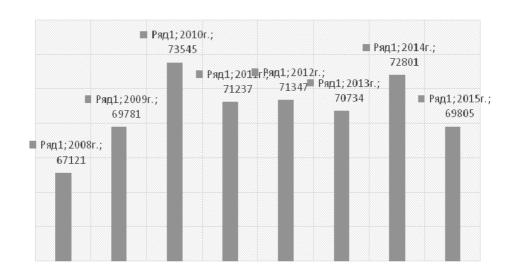

Рис. 3. Динамика численности детей, впервые признанных инвалидами, за период 2008–2015 гг., чел.

В анализе динамики численности детей, впервые признанных инвалидами, в целом за период 2008–2015 гг. наблюдается тенденция роста: средний темп роста составил 100,6%. Наибольший рост отмечался в 2010 и 2014 гг., а

за 2015 г. наблюдалось снижение уровня численности на 4,1%. Как видно из рис. 3, численность детей, впервые признанных инвалидами, в 2015 г. составила 69 805 чел. [6].

Основными причинами инвалидизации детей являются психические расстройства и болезни нервной системы, на долю которых в 2015 г. приходилось 24,7 и 20,3% соответственно. Удельный вес детей с врожденными аномалиями, деформациями и хромосомными нарушениями составляет 17,7%. На долю детей с болезнями эндокринной системы, расстройствами питания и нарушениями обмена веществ приходится 7,9%.

Таким образом, за период 2008–2015 гг. существенные изменения произошли в динамике структуры инвалидизации детей вследствие заболеваемости туберкулеза – доля таких детей снизилась с 1,6 до 0,7%. В 2 раза сократилась доля детей вследствие полученных травм, отравлений и некоторых других воздействий внешних причин. Наряду с этим увеличилась доля детейинвалидов вследствие психических расстройств и болезней нервной системы – на 5,6 и 2,7% соответственно [7].

По данным Росстата, в период с 2010 по 2015 г. наблюдалась тенденция увеличения среднего размера назначенных пенсий инвалидов, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации [3]. По итогам 2016 г. показатель увеличился на 56,9% и составил 11 972,9 руб. (рис. 4), при этом положительная динамика наблюдалась по всем группам инвалидности. Так, средний размер пенсий инвалидов І группы вырос на 57%, при этом тех, кто является инвалидами с детства, почти в 2 раза, уровень пенсий инвалидов ІІ группы – на 55,7%, инвалидов ІІІ группы – на 65%. Размер пенсий детей-инвалидов увеличился практически в 2 раза, при этом за счет средств из федерального бюджета по всем категориям инвалидности – практически в 1,5 раза [3].

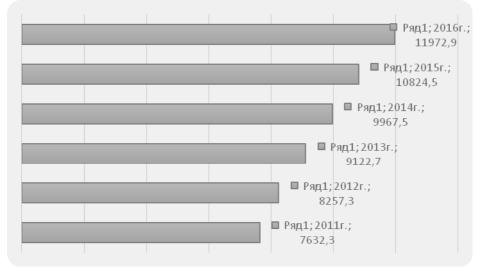

Рис. 4. Динамика среднего размера назначенных пенсий инвалидов, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации (на 1 января), руб.

Ежегодный темп роста за период 2009—2015 гг. составил в среднем 5,5% (табл. 4).

Таблица 4. Динамика среднего размера ежемесячных денежных выплат на человека за счет средств федерального бюджета (на 1 января), руб.

Показатель	Год								
Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016		
Инвалиды войны	2903	3209	3439	3658	3873	4071	4301		
Инвалиды, всего	1372	1502	1604	1696	1787	1868	1953		
В том числе:									
инвалиды I группы	1957	2165	2316	2460	2596	2720	2864		
инвалиды II группы	1376	1518	1629	1732	1833	1935	2025		
инвалиды III группы	1055	1161	1247	1324	1402	1463	1541		
Дети-инвалиды	1215	1338	1439	1596	1610	1680	1765		

Источник: Росстат.

За счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации численность инвалидов войны, получающих регулярные денежные выплаты, ежегодно в среднем снижалась на 4,5% за период 2010-2015 гг. [3]. Несмотря на положительную динамику в период с 2010 по 2012 г., с 2013 г. наблюдается сокращение численности данной категории получателей: по итогам 2015 г. их число составило 20 328 чел., что на 20,7% меньше, чем в 2010 г. Еще большее сокращение численности инвалидов, получающих регулярные денежные выплаты из средств бюджетов субъектов РФ, наблюдается в целом: в среднем за рассматриваемый период ежегодное сокращение произошло почти на 30%. Значительное снижение уровня показателя наблюдалось в 2011 и 2014 гг., о чем свидетельствуют цепные темпы прироста. Вместе с тем можно отметить существенный рост показателя в 2012 и 2013 гг. Противоположная ситуация наблюдалась в отношении детей-инвалидов, получающих регулярные выплаты: за период 2010-2015 гг. отслеживался неуклонный рост показателя на 6,2% ежегодно, а наибольшая динамика отмечалась в 2014 г. (цепной темп прироста составил 112,0%) (табл. 5).

Таблица 5. Динамика численности инвалидов-получателей регулярных денежных выплат за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации

		Средний					
Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	темп
							роста, %
Инвалиды войны, чел.	25639	34204	38313	31216	24546	20328	
Цепные темпы роста, %	_	133,4	112,0	81,5	78,6	82,8	95,5
Инвалиды, чел.	114779	30459	50191	80011	23911	21627	
Цепные темпы роста, %	_	26,5	164,8	159,4	29,9	90,4	71,6
Дети-инвалиды, чел.	25354	26717	28992	29343	32856	34199	
Цепные темпы роста, %	-	105,4	108,5	101,2	112,0	104,1	106,2

Источник: Росстат.

На фоне сокращения численности инвалидов войны в среднем можно наблюдать положительную динамику выплат за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации – средний темп прироста составлял 20% ежегодно. Сокращение выплат можно наблюдать только в 2012 г. с таким же уровнем в 2013 г. [3].

Наблюдая за общей тенденций регулярных выплат инвалидам, можно отметить существенное снижение уровня в 2012 и 2013 гг., в 2014 г. произошел резкий скачок вверх (в 3,8 раза по сравнению с предшествующим уровнем), а затем некоторое снижение интенсивности роста, но по-прежнему с положительной динамикой в 2015 г. Таким образом, уровень регулярных выплат данной категории в 2015 г. составил 3 654 руб., что в 3,3 раза выше уровня показателя 2010 г.

В анализе динамики регулярных выплат детям-инвалидам можно наблюдать положительную тенденцию: в среднем увеличение показателя составило 0,2% ежегодно [6]. Несмотря на отрицательную динамику в 2011 г., в 2012 и 2013 гг. наблюдался рост: цепные темпы роста составили 135,2 и 123,7% соответственно.

Численность инвалидов войны, получающих единовременные денежные выплаты, в 2015 г. сократилась в 2 раза по сравнению с 2010 г. и составила 64 766 чел. [3]. Отрицательная динамика наблюдалась практически на протяжении всего периода (за исключением последнего года), и, наоборот, существенно возросла численность инвалидов в целом: по итогам 2015 г. их число выросло в 6,7 раза по сравнению с базисным годом. Однако нельзя не отметить, что в 2012 г. их число сократилось почти на 65%. Положительная тенденция наблюдалась в отношении детей-инвалидов, получающих единовременные денежные выплаты [6]. Количество детей-инвалидов увеличилось более чем в 2 раза по сравнению с 2010 г., и в 2015 г. их было 35 802 чел. Ежегодный темп роста составил 26% в среднем.

Средний размер единовременной денежной выплаты на одного инвалида войны в $2015~\rm r.$ составил 8 772 руб. на человека, что более чем в 1,5 раза выше уровня $2014~\rm r.$ [3].

Отрицательная динамика наблюдалась только в 2012 г. (более чем на 30%). Вместе с тем в среднем на протяжении всего рассматриваемого периода можно отметить положительную тенденцию – средний темп роста составил 116,1%. В отношении единовременных выплат заметен нисходящий характер тенденции. Преимущественно это связано со значительным снижением уровня в 2013 г., хотя и уровень 2015 г. демонстрирует сокращение выплат по сравнению с 2014 г. Однако 2012 г. характеризовался значительным увеличением выплат – в 1,8 раза по сравнению с 2011 г. В итоге средний размер выплат в 2015 г. составил 1 144 руб./ чел., что на 10,4% ниже уровня 2010 г. Во многом похожая динамика выплат наблюдается и в отношении детей-инвалидов, причем рост выплат в 2014 г. аналогичен динамике выплат инвалидам. Существенное снижение наблюдалось в 2013 г. (почти на 60%) с последующим ростом в 2014 и 2015 гг. Таким образом, средний размер единовременной денежной выплаты детям-инвалидам за счет средств бюджетов субъектов РФ в 2015 г. составил 2 721 руб. [3].

По данным выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах за 2014 г., в среднем на одно домохозяйство, состоящее из инвалидов, приходилось 24 273,3 руб./мес., что на 2,4% выше уровня 2013 г. и на 19% выше уровня 2011 г. [3]. Существенных структурных изме-

нений за рассматриваемый период не произошло – большую часть доходов составляли социальные выплаты: пенсии, пособия, компенсации и др.

В 2014 г. в структуре доходов инвалидов удельный вес пенсий составил 65,7%, в 2013 г. – 63,1%, в 2011 г. – 61,5%. Наименьшую долю представляли доходы от собственности – около 1%, вместе с тем сократилась доля доходов от трудовой деятельности – с 13,2% в 2011 г. до 7,9% в 2015 г. Удельный вес денежных поступлений от частных лиц и организаций в 2015 г. составил 7,9%, что на 5,3% меньше, чем в 2011 г. [8]. В среднем на одного члена домохозяйства в 2015 г. приходилось 20 523,90 руб./мес., что на 17,8% выше, чем в 2011 г. В 2015 г. реальный располагаемый доход составил 20 279,3 руб. на одного члена домохозяйства.

По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения в 2014 г., большая часть домохозяйств, состоящих только из инвалидов, оценили свое финансовое положение как: «на еду денег хватает, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно» — 43,9%; 43,6% респондентов денег достаточно на еду и одежду, но не могут себе позволить покупать необходимые товары длительного пользования (телевизор, холодильник и т.п.). Среди опрошенных 5,3% домохозяйств не хватает средств даже на еду, а 3,1% домохозяйств достаточно средств, чтобы купить все необходимое.

По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения в 2014 г., 47,1% инвалидов в возрасте старше 15 лет оценили свое здоровье как плохое; 42,8% — удовлетворительное; 8,1% — очень плохое, причем проживающие в сельской местности инвалиды оценивают свое здоровье скорее как удовлетворительное, в то время как в городской местности больше инвалидов, оценивающих свое положение как плохое.

В распределении оценки своего здоровья по половому признаку отметим, что мужчин, оценивающих свое состояние как хорошее, на 0,7% больше, чем женщин. Соответственно, наоборот, процент женщин, которые оценивают свое здоровье как плохое, больше, чем мужчин. Среди всех опрошенных в возрасте старше 15 лет удельный вес респондентов, оценивающих свое здоровье как удовлетворительное, выше, чем у категории инвалидов. Совсем противоположная картина наблюдается с оценкой здоровья как хорошее. Более трети всех респондентов оценили свое положение как хорошее. В то время как среди инвалидов процент опрошенных составил всего 1,7 [8].

По данным Минздрава России, в 2015 г. было охвачено комплексными медицинскими осмотрами 98,7% от числа находящихся под наблюдением; получили стационарное лечение 96,9% от той же совокупности [3].

По результатам Комплексного обследования, 67,9% респондентовинвалидов отметили нуждаемость в специализированной медицинской помощи, из которых 50,2% указали на получение в 2013–2014 гг. направления на лечение или обследование, в том числе 36,5% были направлены в территориальную поликлинику (стационар), 14,3% – в специализированное учреждение (диспансер), 6,7% – в специализированный центр с применением высокотехнологичных методов. По факту прохождения лечения (обследования) в 2013–2014 гг. прошли назначенный курс лечения (обследования) полностью 79,7%, прошли назначенный курс лечения (обследования) не полностью 13,1%, не прошли назначенный курс лечения или обследования 7,2%, из общей численность указанных групп 35,7% инвалидов ожидают очереди для прохождения лечения, 29,3% инвалидам предлагается платное лечение, на которое у них нет средств.

По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения в январе-сентябре 2014 г., 74,9% инвалидов старше 15 лет обращались за амбулаторно-поликлинической помощью в медорганизации, из них использовали для записи на прием к врачу терминал, установленный в медорганизации, 12,3%. Среди причин, связанных с обращением в 2014 г. за амбулаторнополиклинической помощью в медорганизации и которую они получили, ключевой является отсутствие нужного специалиста – 28,8% обратившихся, 27,7% инвалидов необходимое лечение предлагалось на платной основе. По данным трех кварталов 2014 г. 34,0% инвалидов в возрасте старше 15 лет обращались с вызовами в скорую медицинскую помощь. Кроме того, зафиксировано 29,1% случаев госпитализации инвалидов. Наряду с этим отмечается, что 44,5% инвалидов испытывали потребность в получении медицинской помощи, но не обращались в медорганизации, при этом 38,3% лечились самостоятельно, 29,0% не удовлетворяет работа медорганизации; 25,9% не рассчитывают на эффективное лечение, 20,0% не могут добраться до медорганизации без посторонней помощи; 14,0% инвалидов было тяжело добраться до медорганизации [3].

Результаты наблюдения показали, что лишь 4,6% инвалидов в возрасте 15 лет и старше выезжали на санаторно-курортное лечение в 2014 г. По официальным данным, за летний период 2012–2014 гг. менее 1% детей-инвалидов от общего числа отдыхающих детей находились в детских оздоровительных учреждениях. Наибольший удельный вес отдыхающих детей-инвалидов наблюдался в Приволжском ФО (21,8% от общей численности отдыхающих детей-инвалидов), Сибирском ФО (21,6%), Центральном ФО (19,5%). Наиболее многочисленные субъекты отмечались в Приволжском ФО – Республика Башкортостан, Пермский край, Нижегородская и Оренбургская области и Сибирском ФО – Алтайский и Красноярский края (более 1 000 отдыхающих детей-инвалидов), а также в Центральном ФО – Белгородская, Липецкая и Тамбовская области [3].

Результаты проведенного исследования позволяют заключить, что инвалидизация в Российской Федерации находится на уровне развитых стран. По официальным данным, в последние годы численность инвалидов, в том числе детей, сокращается, однако немаловажным в определении числа инвалидов остается вопрос о реальной оценке состояния здоровья населения и, как следствие, уменьшении числа льготных категорий граждан, связанном с ужесточением требований к присвоению статуса инвалида [9]. Необходимо отметить также существенные межрегиональные различия в уровне инвалидизации: наибольшее число инвалидов сосредоточено в Центральном и Приволжском ФО, а самая большая концентрация инвалидов приходится на ІІ группу.

В ходе анализа причин инвалидности структурных изменений не наблюдалось, однако практически по всем из них присутствует снижение числа лиц, вновь признанных инвалидами. По-прежнему наибольший удельный вес инвалидизации взрослого населения приходится на болезни системы крово-

обращения и злокачественные новообразования, а у детей – на психические расстройства и болезни нервной системы. На фоне сокращения общей численности инвалидов можно наблюдать положительную динамику показателя среднего размера назначенных пенсий инвалидов: за период 2009-2015 гг. размер пенсий, выплачиваемых из средств федерального бюджета, увеличился в 1,5 раза. Данные выборочного наблюдения свидетельствуют об увеличении доходов в среднем на одно домохозяйство, состоящее из инвалидов, по сравнению с предшествующим обследованием. Результаты Комплексного наблюдения свидетельствуют о том, что финансовое положение таких домохозяйств затруднительно в части оплаты ЖКХ и покупки одежды, кроме того, большей части опрошенных не хватает еще и на покупку товаров длительного пользования. В целом почти половина опрошенных респондентов в возрасте старше 15 лет оценивают свое здоровье как плохое. При этом те, кто проживает в сельской местности, чувствуют себя лучше, чем городские жители. По итогам 2015 г. практически все инвалиды, находящиеся под наблюдением, охвачены комплексными медицинскими осмотрами.

Полученные результаты анализа могут служить ориентиром в части принятия стратегических решений в области формирования социальной политики инвалидов.

Литература

- 1. *Государственная* программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011-2020 годы». Утверждена Постановлением Правительства РФ от 01.12.2015 г. № 1237 (ред. от 25.05.2016).
- 2. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения (World Health Organization, WHO) [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/ru/ (дата обращения: 17.09.2016).
- 3. *Официальный* сайт Федеральной службы государственной статистики Росстат. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 15.09.2016).
- 4. *Тындик А.О., Васин С.А*. Положение детей-инвалидов и их семей по данным переписей населения // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 2. С. 167–180.
- 5. *Григорьева А.Г., Лебедев М.О.* Некоторые аспекты государственной политики в сфере занятости и трудоустройства инвалидов // Естественно-гуманитарные исследования. 2016. № 12 (2). С. 70–73.
- 6. *Лысенко К.Ю., Трифонова А.Д*. Исследование динамики детской инвалидности в России за 2000–2015 гг. // Молодой ученый. 2016. № 14 (118). С. 359–362.
- 7. Сон И.М., Поликарпов А.В., Огрызко Е.В., Голубева Т.Ю. Информационное обеспечение статистического наблюдения в части детской инвалидности // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. Т. 24, № 4. С. 223–229.
- 8. *Кучмаева О.В.* Возможности выборочных обследований в оценке и мониторинге положения инвалидов в Российской Федерации // Современная экономика: концепции и модели инновационного развития: Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 кн. 2016. С. 162–166.
- 9. *Официальный* сайт Агентства стратегических инициатив [Электронный ресурс]. URL: http://asi.ru/news/20010/
- 10. *Морозова О.С.* Государственная политика по обеспечению избирательных прав лиц с ограниченными возможностями // Выборы: теория и практика. 2016. № 1. С. 20–25.
- 11. *Кучмаева О.В., Петрякова О.Л.* Масштабы и распространенность инклюзивного образования для несовершеннолетних в столице: возможности количественной оценки // Статистика и экономика. 2014. № 5. С. 145–151.
- 12. Конвенция ООН о правах инвалидов (принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г. № 61/106) // Бюллетень международных договоров. 2013. № 7.
- 13. *Федеральный* закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

- 14. Федеральный закон от 01.12.2014 № 419-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов».
- 15. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2015). «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

Klochkova Elena N. Plekhanov Russian University of Economics, (Moscow, Russia). E-mail: mrelena @mail.ru

Darda Ekaterina S. Plekhanov Russian University of Economics, (Moscow, Russia). E-mail: mrelena @mail.ru

STATISTICAL STUDY OF THE DISABLEMENT LEVEL IN THE RUSSIAN FEDERATION Keywords: disablement, social security, statistical research.

Priorities of the state policy in the sphere of support for disabled people and persons with disabilities are defined in the State Program of the Russian Federation "Accessibility" for 2011-2020. As key tasks it was established that the activities carried out by state authorities in this sphere are aimed at providing conditions for the accessibility of facilities and services in priority spheres of life of these categories of citizens, as well as at providing these categories of citizens with technical means of rehabilitation and the provision of quality services to create an "accessibility". In addition, the social protection system should include all elements of social security for needy categories of citizens, both in cash and in the real social adaptation forms. The state policy on disabled people should be oriented towards ensuring equal rights and opportunities for disabled people, whose main goal is to ensure the full and effective participation of disabled people in the political, economic, social and cultural life of states. In connection with the foregoing, the current task is to comprehensively study the trends in the level of disablement in Russia in order to make informed decisions in social policy.

References

- 1. The state program of the Russian Federation "Affordable Environment" for 2011-2020, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 1237 of 01.12.2015 (as amended on May 25, 2016).
- 2. Official website of the World Health Organization (World Health Organization, WHO). [Electronic resource]. URL: http://www.who.int/en/ (date of circulation: 17.09.2016).
- 3. The official website of the Federal State Statistics Service Rosstat. URL: http://www.gks.ru/(reference date: September 15, 2016).
- 4. Tyndik A.O., Vasin S.A. Polozheniye detey-invalidov i ikh semey po dannym perepisey naseleniya. Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki. 2016. T. 14. №2. pp. 167-180.
- 5. Grigoryeva A.G., Lebedev M.O. Nekotoryye aspekty gosudarstvennoy politiki v sfere zanyatosti i trudoustroystva invalidov Yestestvenno-gumanitarnyye issledovaniya. 2016. № 12 (2). pp. 70-73.
- 6. Lysenko K.YU., Trifonova A.D. Issledovaniye dinamiki detskoy invalidnosti v Rossii za 2000-2015. Molodoy uchenyy. 2016. № 14 (118). pp. 359-362.
- 7. Son I.M., Polikarpov A.V., Ogryzko Ye.V., Golubeva T.YU. Informatsionnoye obespecheniye statisticheskogo nablyudeniya v chasti detskoy invalidnosti. Problemy sotsialnoy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. 2016. T. 24. № 4. pp. 223-229.
- 8. Kuchmayeva O.V. Vozmozhnosti vyborochnykh obsledovaniy v otsenke i monitoringe polozheniya invalidov v rossiyskoy federatsii. V sbornike: Sovremennaya ekonomika: kontseptsii i modeli innovatsionnogo razvitiya Materialy VIII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsii: v 3 knigakh. 2016. pp. 162-166.
- 9. The official website of the Agency for Strategic Initiatives. [Electronic resource]. Http://asi.ru/news/20010/
- 10. Morozova O.S. Gosudarstvennaya politika po obespecheniyu izbiratel'nykh prav lits s opytom. Vybory: teoriya i praktika. 2016. № 1. pp. 20-25.
- 11. Kuchmayeva O.V., Petryakova O.L. Masshtaby i rasprostranennost inklyuzivnogo obrazovaniya dlya nesovershennoletnikh v stolitse: vozmozhnosti kolichestvennoy otsenki. Statistika i Ekonomika. 2014. № 5. pp. 145-151.
- 12. UN Convention on the Protection of Human Rights (adopted Resolution No. 61/106 of 13 December 2006) // Bulletin of International Treaties. № 7.

- 13. Federal Law No. 256-FZ of December 29, 2006 (as amended on 03.07.2016) "On additional measures of state support for families and children"
- 14. Federal Law No. 419-FZ of December 1, 2014 (as amended on December 29, 2015) "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Social Protection of Persons with Disabilities in Connection with Ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities"
- 15. The Federal Law "On the Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation" dated 24.11.1995 No. 181-FZ (as amended on 29.12.2015)

Klochkova Elena N., Darda Ekaterina S. Statisticheskoe issledovanie urovnya invalidizacii v Rossijskoj Federacii [Statistical study of the disablement level in the Russian Federation]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 39, pp. 40–53.

УДК 332.15

DOI: 10.17223/19988648/39/4

Г.И. Панаедова, Н.В. Масленникова, С.М. Горлов

ИНДИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО МАКРОРЕГИОНА

В современной промышленной политике в качестве одной из эффективных форм функционирования и развития регионов рассматриваются индикативные подходы, обеспечивающие эффективное территориальное размещение, оптимизацию производства, повышение доходности региона и рост занятости населения. Объектом исследования являются субъекты Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), предмет исследования — динамика социально-экономических процессов регионов СКФО, наличие предпосылок и потенциала кластерного развития. Использованы методы: сравнительного и комплексного анализа статистических данных. В рамках исследования рассмотрены уровень и динамика основных макроэкономических показателей субъектов Северо-Кавказского федерального округа в сравнении со среднероссийскими достижениями, ресурсный потенциал, проблемы экономического развития макрорегиона, предпосылки формирования кластеров, обоснованы приоритетные направления долгосрочного социально-экономического развития субъектов в целях преодоления хронического отставания экономики и социальной сферы.

Ключевые слова: макрорегион, социально-экономические показатели, промышленное развитие, инвестиционная привлекательность, кластеры, индикаторы, векторы развития.

Введение

Современные условия и доминирующие тренды развития глобальной экономики сформировали ситуацию, при которой конкурентоспособность регионов и достижение стратегических целей определяются результатами деятельности хозяйствующих субъектов в промышленной сфере. Северный Кавказ относится к числу территорий, обладающих достаточно высоким промышленно-производственным потенциалом, не реализованным в полной мере. Кризисные явления в регионах Северо-Кавказского федерального округа обусловлены действием целого ряда специфических для территориального хозяйственного пространства факторов, отдельные из которых следует квалифицировать как пролонгированные, т.е. продолжающие длительно действовать и выходящие за рамки трансформационных процессов. Такие долговременные факторы тормозят эволюционный процесс в региональной экономике и деформируют его важнейшие параметры, что способствует длительному выходу из кризиса, превращению указанных факторов в доминирующие и реализации более негативных сценариев решения накопившихся противоречий.

Кроме того, в связи с введением антироссийских экономических санкций, сокращением доходов государственного бюджета, снижением мировых цен на энергоносители актуализируется эндогенный подход в управлении региональным промышленным развитием. Это вызывает необходимость проведе-

ния анализа промышленного развития макрорегиона и определения возможных источников и технологий обеспечения индустриального роста.

Решение научных проблем организации промышленности регионов с применением кластерного подхода отражено в работах зарубежных ученых М. Портера, М. Энрайта, П. Кралича, Т. Хойзера, а также в исследованиях российских авторов А.В. Бабкина, М.А. Гасанова, В.И. Канова, А.О. Котляровой, Л.С. Маркова, С.Н. Новикова и др. [2–9]. Вместе с тем анализ работ свидетельствует об отсутствии методологии формирования региональных кластеров в слаборазвитых регионах, их идентификации в условиях нехватки необходимой информации, оценки конкурентоспособности. Большинство исследователей регионов Северного Кавказа отмечают актуальность корректирования государственной политики по обширному перечню вопросов.

Постановка задачи

Цель исследования — обоснование необходимости формирования и реализации межрегиональных кластеров в качестве инструмента промышленного развития субъектов РФ. Объектом исследования выступают регионы Северо-Кавказского федерального округа, а предметом — динамика социально-экономических процессов регионов, потенциал кластерного промышленного развития и перспективы развития в сфере экономики.

Поставленная цель обусловливает необходимость рассмотрения теоретико-методологических и эмпирических аспектов в проблематике формирования региональных промышленных кластеров, исходя из следующих факторов: природно-климатических, ресурсных, рыночных, социальноэкономических, государственного регулирования, политических, производственных возможностей, инновационного потенциала, кооперативных связей, наличия трудовых ресурсов.

Методология исследования включает выявление факторов роста экономики регионов, анализ проблем развития и обоснование эффективных стратегий их решения. При проведении исследования использованы такие методы, как анализ различных теоретических концепций, сравнительный, метод группировки, комплексный анализ статистических данных, систематизация результатов исследования.

Результаты исследования

Анализ современного состояния отечественной промышленности позволил выделить основные проблемы и современные тенденции ее развития:

- отсутствие отраслевых промышленных комплексов и системы централизованного отраслевого управления их деятельностью;
  - низкую конкурентоспособность промышленной продукции;
- наличие тенденций возрастания роли регионального фактора, что проявляется в более широком распространении региональных проектов развития промышленности [7].

Данное обстоятельство обусловливает хозяйственную значимость региональной локализации промышленного производства и необходимость создания современных территориально-промышленных комплексов – региональных промышленных агломераций, которые могли бы интегрировать свои

усилия для достижения эффекта масштаба, внедрения инноваций, создания продукции высокого качества и решения других современных производственных задач, направленных на повышение локальной конкурентоспособности промышленности регионов [1].

Необходимость решения социально-экономических проблем регионов определила необходимость выработки мер, способствующих индустриальному развитию экономики на основе реализации государственной политики кластеризации. Важнейшими приоритетами этой политики являются задачи формирования эффективных механизмов осуществления модернизационных преобразований и создание конкурентоспособной промышленности. Кластерная концепция в практике экономической деятельности последних десятилетий получила широкое распространение и стала эффективным инструментом привлечения инвестиций и интеграции национальных производителей в мировой рынок высокотехнологичной продукции.

С 2012 г. в России в соответствии со «Стратегией инновационного развития на период до 2020 г.» реализуется программа поддержки инновационных территориальных кластеров. С этой целью были отобраны 25 пилотных образований, состоящих из двух групп, которые планировалось поддерживать средствами федерального бюджета. Процедуры отбора кластеров и механизмы их поддержки соответствовали методикам европейских программ. В первую группу вошли 14 кластеров, которые получили приоритетную поддержку и субсидии из федерального бюджета в 2013 г. в размере 1,3 млрд руб. Во вторую группу были включены 11 кластеров, которые с 2014 г. получили бюджетное финансирование [9].

Однако государственное финансирование не гарантирует успеха. Существуют значительные риски прекращения функционирования кластеров или их трансформации в другие образования в отсутствие государственной поддержки. Потому важен вопрос их устойчивого развития, который обусловлен степенью межфирменного взаимодействия локальных инновационных систем и процессом создания кластеров различной специализации в регионах страны [10. С. 295].

Северо-Кавказский федеральный округ занимает особое место в экономике Российской Федерации, что обусловлено географическим положением округа, его протяженностью от Каспийского моря до главного Кавказского хребта, наличием общих границ с государствами: Азербайджаном, Грузией, Казахстаном. Округ характеризуется достаточно развитой транспортной инфраструктурой, на его территории расположены морские порты, проходят международные трассы, обеспечивающие грузоперевозки между государствами. СКФО включает семь субъектов РФ: шесть республик (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия-Алания, Чеченская) и один край (Ставропольский) (рис. 1).

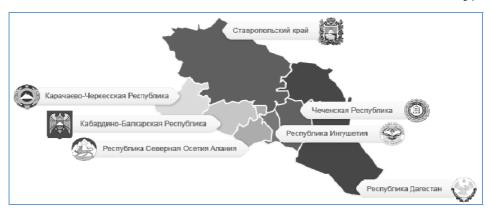

Рис. 1. Административно-территориальная структура Северо-Кавказского федерального округа

В субъектах Северного Кавказа на 01.01. 2016 г. проживает более 9 млн 700 тыс. чел. (6,6% населения России), территория 111,7 тыс. кв. км (0,6% территории РФ). В макрорегионе наиболее высокая рождаемость в стране, и субъекты округа занимают 2-е место по плотности населения — более 57 чел. на 1 кв. км (ЦФО — 60,12 чел./кв. км) [11. С. 476, 478]. Округ обладает значительными запасами полезных ископаемых, трудовыми ресурсами. Однако в округе на протяжении двух десятилетий низки темпы экономического роста, реальный сектор экономики развит недостаточно: высока доля аграрного сектора в валовом региональном продукте — 22% (по РФ — 5%); доля продукции обрабатывающих производств не превышает 15% (по РФ — 19%). Основной вклад в валовой региональный продукт вносит сектор государственного управления и сфера социальных услуг, доля которых в ВРП составляет до 55% (по РФ — 16%). Но крайне высокой остается безработица в Северо-Кавказском федеральном округе [12].

Для стимулирования экономического развития Северо-Кавказского макрорегиона федеральные органы власти за последние десятилетия реализовали несколько моделей региональной экономической политики: выравнивание уровня социально-экономического развития регионов, «удвоение ВВП», приоритетную поддержку регионов, использование инвестиционных мегапроектов для создания новых рабочих мест, прямое дотационное наполнение бюджетов. Безусловно, данные инструменты обеспечили ряд важных хозяйственно-экономических достижений.

Однако итоговый результат существенно отличается от намеченных целей. Так, усилилась неравномерность экономического и социального развития регионов Юга России, сохранилось отставание, фрагментарность рынков, устаревшая структура экономики, низкий уровень инновационного сектора, неэффективная политика увеличения числа новых рабочих мест, социальные контрасты. В результате в связи с низким уровнем экономического и социального развития субъекты СКФО относятся к числу наименее развитых субъектов РФ, что обусловило использование инновационных инструментов экономического развития в форме кластеров.

Для характеристики уровня развития регионов СКФО и построения гипотез исследования отобраны статистические показатели с учетом зарекомендовавших себя международных методик, применяемых для оценки конкурентоспособности [8]. Для характеристики уровня экономического развития регионов СКФО и выявления перспектив отобраны статистические показатели, применяемые для оценки конкурентоспособности: ВРП, ВРП на душу населения, производительность труда, численность экономически активного населения, численность занятых, среднемесячная заработная плата, среднедушевые доходы населения, численность населения по уровню образования и др.

На первом этапе рассмотрим удельный вес субъектов РФ в основных социально-экономических показателях в 2015 г. (табл. 1).

SKUHUMHACCHIA HUKASATCJINA B 2013 1., 70										
Субъ-	ВРП	Основ.	Про	Промышленное			Пост.	Инвест.		
екты		фонды	пр	оизвод	СТВО	во с/х	налог.и	в осн.	Экспорт	Импорт
РФ**			Добыча	Об-			сборов	капит.		
			ископ	раб.	Э/энерг.,					
				произ	газ					
РΦ	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
ЦФО	35,6	31,1	9,3	33,5	30,3	26,0	28,8	25,2	49,2	59,5
СЗФО	10,0	10,8	6,38	13,59	10,72	4,7	11,0	9,9	11,6	18,6
ЮФО	6,6	6,4	2,03	6,37	6,64	15,9	4,6	8,3	4,0	4,1
СКФО	2,6	2,5	0,20	1,09	2,55	7,9	1,1	3,5	0,3	0,6
ПФО	15,6	14,3	15,26	20,86	18,21	22,9	15,6	16,8	12,2	6,2
УФО	13,6	18,0	38,85	12,26	12,28	6,0	24,5	17,3	7,9	3,9
СФО	10,4	8,9	14,18	10,48	12,91	12,2	8,9	9,5	8,8	3,8
ДФО	5,4	6,6	13,73	1,71	5,69	3,2	5,1	6,1	6,0	3,2
КФО	0,2	1,3	0,08	0,17	0,65	1,2	0,4	0,3	0,0	0,1

Таблица 1. Удельный вес субъектов РФ в основных общероссийских социальноэкономических показателях в 2015 г., %*

Из данных табл. 1 следует, что СКФО занимает предпоследнее место в стране по объему ВРП (2,6%), по объемам основных фондов (2,5%), по объемам инвестиций в основной капитал (3,5%). Уровень развития промышленного сектора экономики СКФО в целом можно характеризовать как низкий. Так, в структуре ВРП по СКФО доля промышленности в 2015 г. составляла всего 12,9% (последнее место среди федеральных округов РФ) против 32,1% в среднем по России, что отражает низкую степень индустриализации округа и тенденцию к снижению ее общего уровня. В структуре производства валовой добавленной стоимости регионов СКФО вклад сельского хозяйства составлял 7,9%, оптовой и розничной торговли – 5,5% [14. С. 478]. С экономической точки зрения необходимо изменение структуры валовой добавленной

^{*} Составлено авторами по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16 14p/Main.htm

^{**} РФ — Российская Федерация, ЦФО — Центральный федеральный округ, СЗФО — Северо-Западный федеральный округ, ЮФО — Южный федеральный округ, СКФО — Северо-Кавказский федеральный округ, ПФО — Приволжский федеральный округ, УФО — Уральский федеральный округ, СФО — Сибирский федеральный округ, ДФО — Дальневосточный федеральный округ, КФО — Крымский федеральный округ.

стоимости по видам деятельности для перехода к информационно-индустриальному обществу и развития человеческого капитала.

Анализируя вклад отдельных субъектов СКФО в общероссийские объемы по основным макроэкономическим показателям, следует отметить, что он также является незначительным (табл. 2) [13. С. 568].

Таблица 2. Динамика основных социально-экономических показателей развития субъектов СКФО за 2010–2015 гг.

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ВРП, млн руб.	891,8	1066,3	1209,0	1397,6	1587,1	
ВРП на душу населения, тыс.руб.	94,9	112,6	127,0	146,1	164,9	•••
Инвест. в основ. капитал, млн.руб	313,4	347,5	402,8	445,9	494,2	508,1
Произв. продукции c/x, млн руб	205,3	246,4	258,2	299,9	341,5	408,6
Пост. налогов в бюджеты, млрд. руб.	97,0	106,0	121,0	136,0	146,0	148,0
Среднедуш. ден. доходы, тыс. руб.	13,3	15,1	17,2	18,9	20,7	23,0
Реальные ден. доходы насел, %	110,0	104,9	109,0	104,1	103,6	96,1
Среднемес. зар. плата, тыс. руб.	12,6	13,9	16,7	19,4	20,9	21,7
Среднегод. число занятых, тыс. чел.	3314,6	3374,3	3397,2	3423,3	3464,1	3466,9
Численность безработных, тыс. чел.	718,9	643,0	586,8	586,2	507,2	498,8

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/region/reg_sub16.pdf (дата обращения: 27.03.2017).

Данные табл. 2 показывают, что ВРП на душу населения в целом по стране составляет 445,1 тыс. руб., по субъектам Северного Кавказа он не превышает 164 тыс. руб., или 36,8 % от общероссийского уровня (–0,9% к 2014 г.). Более высокие показатели в Ставропольском крае – 217,6 тыс. руб. (48,8% от общероссийского уровня), в Северной Осетии – 181,0 тыс. руб. (40,6% от общероссийского уровня) и наиболее низкий ВРП в Республике Ингушетия – 116,0 тыс. руб. (26% от общероссийского уровня).

Нами был составлен рейтинг инвестиционной привлекательности регионов СКФО в координатах «инвестиционный потенциал – инвестиционный риск в регионах». Первый представляет собой рейтинговую оценку доли региона на общероссийском рынке, второй — оценку масштабов значимых для инвестора проблем в регионе. Так, высокие позиции в рейтинге свидетельствуют о достаточно высокой эффективности хозяйствования региона, способного привлечь средства потенциальных инвесторов. Как видно из рейтинга инвестиционной привлекательности российских регионов рейтингового агентства «Эксперт-РА», несмотря на общий рост инвестиций, доля респуб-

лик Северного Кавказа в суммарных значениях по России остается низкой (табл. 3).

Субъ- ект РФ**	Доля в инвест. потенциале РФ, %	Индекс инвест. риска	Группа инвестиционной привлекательности
РД	1,010	0,502	Низкий потенциал – экстремальный риск (3D)
РИ	0,303	0,528	Низкий потенциал – экстремальный риск (3D)
КБР	0,527	0,413	Незначительный потенциал – высокий риск (3C2)
КЧР	0,326	0, 384	Незначительный потенциал – высокий риск (3C2)
PCO - A	0,548	0,449	Незначительный потенциал – высокий риск (3C2)
ЧР	0,468	0,489	Незначительный потенциал – высокий риск (3C2)
СК	1,172	0,231	Пониженный потенциал – умеренный риск (3В1)

Таблица 3. Инвестиционная привлекательность субъектов СКФО, 2015 г.*

Оценивая риски и потенциал субъектов СКФО, следует отметить, что в общей классификации рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России в 2015 г. четыре региона относятся к группе 3С2, имеющей пониженный инвестиционный потенциал и высокий риск вложений. Две республики — Дагестан и Ингушетия имеют низкий потенциал — экстремальный риск и занимают соответственно 83-е и 84-е места среди 85 регионов РФ.

Что касается уровня инвестиций в основной капитал на душу населения, то следует отметить, что данный показатель претерпел некоторые изменения. Так, общероссийский показатель в 2015 г. составил 94 922 руб., при этом объем инвестиций в основной капитал на душу населения в Северо-Кавказском федеральном округе равнялся 49 116 руб., что составило 51,7% от общероссийского уровня. Исходя из анализа данных, следует, что по объемам инвестиций на душу населения Северо-Кавказский федеральный округ занимает последнее место среди федеральных округов страны [25].

В соответствии с широким списком инвестиционных проектов, реализуемых на территории СКФО, увеличение объема инвестиций является вполне закономерным. Также росту инвестиционной привлекательности региона способствует факт обладания СКФО благоприятными условиями для разви-

^{*} Составлено авторами по данным рейтингового агентства «Эксперт PA». URL: http://raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2015/tab02/

^{**} РД — Республика Дагестан, РИ — Республика Ингушетия, КБР — Кабардино-Балкарская Республика, КЧР — Карачаево-Черкесская Республика, РСО-А — Республика Северная Осетия-Алания, ЧР — Чеченская Республика, СК — Ставропольский край.

тия сельского хозяйства и промышленности. СКФО – единственный округ, где фиксируется уверенный рост населения, ежегодно повышается туристический уровень, а также медицинский. Проведенный анализ инвестиционной деятельности в СКФО позволяет сформулировать основные направления современной инвестиционной политики округа. Это прежде всего дальнейшее внесение крупных изменений в развитие социальной сферы и инфраструктуры, экономики СКФО, инфраструктуры обеспечения инвестиционных проектов, а также развитие курортов и медицинского кластера.

Кроме недостатка финансовых ресурсов, существуют и искусственные ограничения, которые являются стоп-фактором для значительного числа инвесторов: настороженность относительно безопасности, ограниченность информационных ресурсов, недостаток квалифицированных кадров.

Существуют не только прямые потери в экономическом развитии, но и косвенные – недоиспользование ресурсного, рекреационного и человеческого потенциала. В субъектах СКФО уровень благосостояния значительно ниже среднероссийского. В 2015 г. среднедушевые денежные доходы населения в среднем по стране составили 30,5 тыс. руб., по Северному Кавказу – 23,0 тыс. руб. Средняя заработная плата в стране составила 34,0 тыс. руб., по Северному Кавказу – 21,7 тыс. руб. В Республике Дагестан этот показатель равнялся 19,2 тыс. руб., что ниже среднероссийского на 36,2% [15. С. 78].

По данным Росстата РФ, в 2015 г. число безработных в стране выросло почти на полмиллиона человек по сравнению с 2014 г. и среднероссийский уровень безработицы составил 5,8 % от общей численности экономически активного населения России. В субъектах Северного Кавказа уровень безработицы в 2015 г. был равен 19,8% (498,8 тыс. чел. безработных). Высокий уровень безработицы привел к оттоку экономически активного населения. Так, по итогам 2015 г. число выбывших в другие регионы страны в целом по России составило 45,4% (от общего числа выбывших), по СКФО – 56,0%, в том числе по Кабардино-Балкарской Республике – 71,3%, Республике Северная Осетия-Алания – 71,1%, Карачаево-Черкесской Республике – 61,3%, Республике Дагестан – 60,1%, Чеченской Республике – 57,6% [16. С. 56].

Общий структурный и динамический анализ развития субъектов Северного Кавказа позволяет сделать вывод о том, что в регионах накоплен значительный нереализованный промышленный потенциал, существуют возможности для активизации деятельности, которые не используются в достаточной степени. В условиях ухудшения экзогенных финансово-экономических параметров решение данной проблемы требует поиска и использования инновационных технологий промышленного развития.

Подтверждением необходимости кластерного развития макрорегиона являются и современные рыночные тенденции, обусловливающие потребность в объединении:

- глобализация производства и распространение продукции;
- отсутствие единого центра планирования, несбалансированность спроса и предложения;
- ускорение внедрения инноваций для обеспечения лидерства на рынке и роста доли рынка;
  - необходимость повышения качества при снижении затрат;

- выполнение нормативных требований при сохранении приемлемой рентабельности;
- сохранение конкурентоспособности при изменяющихся рыночных трендах в различных регионах и покупательских группах;
  - создание комплексных сетей дистрибуции.

В регионах Северо-Кавказского федерального округа Правительством РФ определено 30 якорных инвестиционных проектов в сфере промышленности, на которые планируется направить 150 млрд руб. из федерального бюджета в сроки с 2016 по 2020 г. В числе приоритетных проектов СКФО: семь производств в сфере металлургии, тяжелого машиностроения и инструментальной промышленности, шесть — в сфере машиностроения, пять — в химикотехнологической отрасли, три — в сфере радиоэлектроники, три — в фармацевтической и медицинской промышленности, три — в легкой, два — в строительной промышленности и один проект — в судостроении [17. С. 123].

В 2015 г. в рамках реализации программ модернизации промышленного производства Северного Кавказа Министерством промышленности РФ отобраны приоритетные направления кластерного развития: инструментальная отрасль, радиоэлектронная и легкая промышленность, медицинская сфера, автомобилестроение (рис. 2).

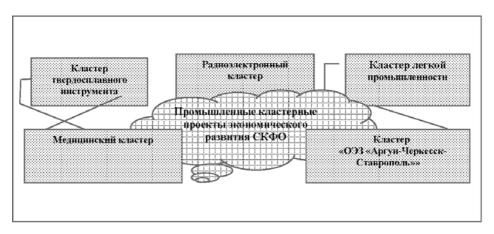

Рис. 2. Кластерные проекты промышленного развития субъектов СКФО

Зарубежный и отечественный опыт реализации региональных кластерных проектов развития промышленности показывает, что наиболее эффективным организационным подходом к формированию региональных промышленных агломераций в настоящее время является реализация в долгосрочной перспективе ряда проектов совместно с другими территориально близкими хозяйствующими субъектами (табл. 4).

Таблица 4. Ключевые показатели промышленных кластерных проектов субъектов Северо-Кавказского федерального округа*

Северо-кавказского	федерального округа
Участники проекта	Производство
Кластер по производству твердосг	лавного инструмента – 20 млрд руб.
ОАО «Компания Вольфрам» (Тырнауз-	Восстановление производства вольфрамо-
ский ГОК – КБР)	вого концентрата
ОАО «Гидрометаллург» КБР	Создание и модернизация производства
71	оксида вольфрама
ОАО «Победит»	Расширение мощностей по выпуску твердо-
Северная Осетия-Алания	сплавных заготовок и пластин
ОАО «ТерекАлмаз» КБР	Производство шлифовального алмазного
OAO «Специнструмент»,	инструмента
ОАО «СтИЗ» Ставропольский край	
	онный кластер
ОАО «Телемеханика»	Разработана концепция реорганизации
ОАО «НПО «Бином»	предприятий радиоэлектронного комплекса
ОАО «Гран», ОАО «Разряд»	СКФО государственной корпорации «Рос-
ОАО «Алагирский завод сопротивлений»	Tex»
ОАО «Нальчикский завод полупровод-	
никовых приборов»	
	пленности – 24, 4 млрд руб.
ООО «Квест-А»	Полный цикл производства 2 тыс. т в год
Карачаево-Черкесская Республика	шерстяной пряжи и 90 т ланолина для пар-
Trupu Iuozo Tophoodhan I oon youmu	фюмерии, фармацевтики и химической
	отрасли (3,8 млрд руб.)
Швейное объединение	Производство школьной формы, детской
«Ингушетия» Ингушская Республика	одежды и изделий для медицинских нужд
	(586 млн руб.)
ОАО «Нергиз Дагестан»	Производство синтетического волокна
Республика Дагестан (совместно с турец-	(20 млрд руб.)
кими инвесторами)	(==
	ский кластер – 40 млрд руб.
Международный центр развития меди-	Развитие медицины, фармацевтики, меди-
пини	цинской промышленности, науки и образо-
¬	вания, оказание медицинских услуг 1 млн
	чел. по девяти профилям (58,2 млрд руб.)
Approved was a superior of the	Аргун-Черкесск-Ставрополь» – 34,3 млрд руб.
Автомобильный завод Шпаковский р-н Ставропольского края	Строительство автомобильного завода по промышленной сборке легковых автомобилей
шпаковский р-н Ставропольского края	классов B, B+, C, C+, D, SUV, CUV
	Проектная мощность 200 тыс.
	автомобилей (9,6 млрд руб.)
Автомобильный завод	Строительство автомобильного завода в по
г. Аргун Чеченской Республики	промышленной сборке автомобилей клас-
	сов В, В+, С, С+, D, CUV, SUV, Pick-up,
	LCV, LDT, MDT и HDТ. Проектная мощ-
	ность 200 тыс. автомобилей (17 млрд руб.)
ООО АК «ДерВейс»	Модернизация и расширение мощностей
г. Черкесск Карачаево-Черкесской Рес-	автомобильного завода.
публики	Проектная мощность 100 тыс.
	автомобилей (2 млрд руб.)

^{*} Составлено авторами по данным М*инистерства* промышленности и торговли РФ. URL: http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!denis manturov_ na_ severnom_kavkaze_ budet realizovano 30 importozameshhayushhih investproektov

Источник: URL: http://www.medvestnik.ru/content/100-innovacionnyh-produktov-uchastnikov-medicinskogo- klastera-Severo-Kavkazskii-gotovy-k-kommercializacii.html

Так, для производства твердосплавного металлорежущего инструмента заявлено о создании в округе трех предприятий с единой производственной цепочкой (ОАО «Компания Вольфрам», ОАО «Гидрометаллург», ОАО «Победит») с общим объемом финансирования более 20 млрд руб. Ключевым направлением развития легкой промышленности в регионе станет создание трех предприятий общей стоимостью более 5,7 млрд руб.: компании «Квест-А» по производству шерстяной пряжи и ланолина (Карачаево-Черкесская Республика), швейной фабрики в Ингушетии и компании ОАО «Нергиз Дагестан» (Республика Дагестан) по производству синтетического волокна [18. С. 45].

Проект создания медицинского инновационного кластера включен в Государственную программу Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 г. и его планируется реализовать за 2016—2020 гг. В него войдут предприятия по производству лекарств и медицинской техники, технопарк, высокотехнологичная клиника, медицинский университет. Общий объем бюджетных ассигнований федерального бюджета за этот период составит 58,2 млрд руб., в том числе: в 2016 г. — 23 млрд руб.; в 2017 г. — 14,6 млрд руб.; в 2018 г. — 15 млрд руб.; 2019 г. — 13,3 млрд руб.; в 2020 г. — 13 млрд руб. [19. С. 20].

Проект данного кластера разрабатывает австрийская консалтинговая компания в области здравоохранения «СОЛВЕ Консалтинг Менеджментбератунг ГмбХ», имеющая опыт реализации значительного количества проектов в Европе, Юго-Восточной Азии, Африке. Компания специализируется на развитии систем здравоохранения, национальных и международных программах реструктуризации систем здравоохранения, исследованиях рынков медицинских кластеров и систем, функциональном и организационном планировании учреждений здравоохранения. Проект позволит существенно увеличить динамику роста экономики Северного Кавказа и значительно повысить качество и уровень жизни населения, переориентировать на внутренний рынок поток российских туристов. Предусматривается в рамках реализации проекта реконструкция всего санаторно-курортного комплекса на КМВ, создание 20 тыс. рабочих мест и предоставление медицинских услуг более 1 млн чел. по девяти медицинским профилям.

При использовании второго варианта реализации кластерной политики «снизу-вверх» развитие экономики осуществляется в результате накопления инвестиционных ресурсов в регионах. По инициативе администраций трех субъектов СКФО (Чеченской, Карачаево-Черкесской республик, Ставропольского края) заявлено о создании особой экономической зоны промышленнопроизводственного типа — автомобилестроительного кластера «Аргун-Черкесск-Ставрополь», одного из ключевых направлений в реализации промышленного потенциала СКФО (рис. 3).

На территориях предполагаемой реализации проекта сохраняются социальные вызовы (безработица, значительная дифференциация по доходам), высокий уровень федеральной поддержки для выравнивания бюджетной обеспеченности, относительно низкая инвестиционная привлекательность и существует необходимость предложения новых точек роста территорий.

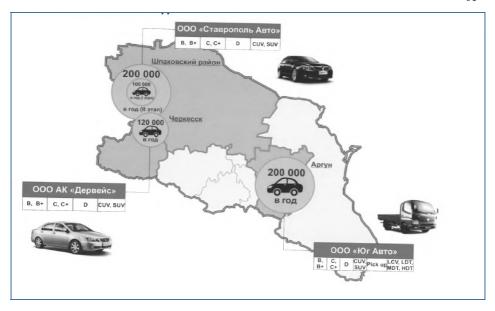

Рис. 3. Организации-участники автомобилестроительного кластера и их местоположение

Проведенный анализ российского автомобильного рынка показал, что в стране сохраняется низкий уровень автомобилизации населения — на 40% ниже, чем в развитых европейских странах. По данным аналитического агентства «Автостат», на 01.01.2014 г. российский парк легковых автомобилей составлял 39,3 млн единиц, при этом более половины рынка (52%) приходилось на а/м иностранных марок и более 50% легкового автопарка имеет возраст старше 10 лет. В 2015 г. сократились объемы продаж новых легковых а/м как сегмента импортных, так и сегмента отечественных до 2,3–2,4 млн единиц. Причины падения продаж: замедление темпов роста экономики, ослабление рубля и, как следствие, рост цен на а/м, удорожание автокредитования [21. С. 231].

По прогнозам экспертов, с 2016 г. ожидается возобновление роста продаж легковых автомобилей, темпы роста рынка могут составить 3–4% ежегодно до 2024 г. Факторами роста являются: стабилизация экономики, повышение потребительской уверенности, рост более доступного автокредитования, снижение доли новых импортных автомобилей с 2014 по 2024 г. с 27 до 23% [25].

Территориальный автомобилестроительный кластер объединяет 72 организации, общая площадь территории — около 70 кв. км, численность работающих в организациях-участниках кластера в 2015 г. составила 10,9 тыс. чел., объем отгруженной участниками кластера инновационной продукции 13 млрд руб. Специализация особой экономической зоны — производство легковых и грузовых автомобилей, сегменты которых характеризуются устойчивым ростом продаж в долгосрочной перспективе. По итогам реализации полнофункционального межрегионального автомобилестроительного кластера высокотехнологичных производств СКФО планируется:

- формирование в СКФО центра привлечения инвестиций, обладающего мультипликативным эффектом и обеспечивающего опережающий рост окружающих территорий;
- обеспечение взаимной интеграции регионов и капитализация конкурентных преимуществ;
  - увеличение создаваемой добавленной стоимости и налоговой базы;
- увеличение доходной части бюджетов всех уровней к 2025 г. на ~ 31,5 млрд руб., а после выхода на проектную мощность якорных резидентов достижение совокупного объема выручки в 256 млрд руб. (рис. 4) [22. С. 57];

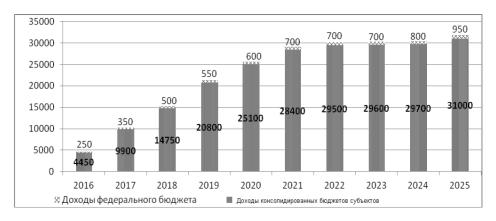

Рис. 4. Прогноз поступления доходов от автомобилестроительного проекта в бюджеты различных уровней, млн руб.

- обеспечение выпуска автомобилей общей мощностью 500 тыс. машин в год с размещением на территории ОЭЗ не менее 15 заводов по производству комплектующих изделий автокомпонентов: деталей шасси, внутренних стальных штампованных элементов кузова, штампованных деталей кузова из стали, электрооборудования, деталей подвески автомобиля, штампованных деталей шасси, автомобильных стекол и сидений, пластиковых деталей интерьера и экстерьера, системы климат-контроля и др.;
- создание современной экономики и новых мест приложения труда на предприятиях якорных резидентов до 7,7 тыс. и новых рабочих мест в смежных отраслях;
- обеспечение вовлечения местного бизнеса в связанных отраслях в рамках мультипликативного эффекта к 2022 г. и стимулирование этим в целом экономического и социального развития Северо-Кавказского макрорегиона.

Третья разновидность реализации кластерных инициатив – это поддержка федеральными органами власти трех проектов в СКФО в рамках возмещения расходов регионов на создание промышленной инфраструктуры на общую сумму 2,5 млрд руб.: индустриальные парки «Тюбе» (Республика Дагестан), «Невинномысск» и «Буденновск» (Ставропольский край). Так, в Ставропольском крае реализуется Национальный аэрозольный кластер (ОАО «Арнест», г. Невинномысск) по производству комплектующих для парфюмернокосметических изделий и бытовой химии. Объем финансирования

470 млн руб., с созданием 600 новых рабочих мест и ежегодными налоговыми поступлениями в объеме 114 млн руб. [23, 24].

Между тем анализ показывает, что зачастую недостаточно учитываются институциональные особенности, экономические и социальные практики сложного полиэтнического региона с многоукладной экономикой. Следует отметить, что, несмотря на высокий потенциал реализации кластерной политики, в регионах Северного Кавказа существуют и определенные проблемы:

- все заявленные проекты СКФО масштабные, а значит, высокорисковые и в значительной степени их реализация будет зависеть от бюджетного финансирования и корпоративных инвесторов;
- фактически не участвуют в кластерных проектах предприятия малого и среднего бизнеса субъектов СКФО, отсутствуют доверительные отношения между представителями предпринимательства и органами власти;
- имеются проблемы в обеспечении квалифицированными кадрами, что обусловливает необходимость формирования образовательного кластера на основе использования регионального трудового и образовательного потенциала. По нашему мнению, возможность привлечения на работу в СКФО квалифицированных сотрудников из других регионов может быть временным решением проблемы, а максимально возможный эффект вероятен при обеспечении рабочих мест в кластерных проектах местными кадрами. Для этого актуально создание условий для подготовки по востребованным специальностям и профессиям, обеспечение повышения квалификации и непрерывного обучения.

Выводы

Проведенный анализ, выявленные проблемы позволяют сделать следующие выводы и вызывают необходимость совершенствования региональной политики на Северном Кавказе:

- 1. Модели и инструментарий туристической кластерной политики на Северном Кавказе приносят фрагментарные результаты в сегментах экономики и социальной сферы, а в целом округ отстает от макроэкономической динамики по стране.
- 2. Значительная часть социально-экономических проблем обусловлена многоукладностью его хозяйственных структур, особенностями институциональной среды и имеющимся характером экономических и социальных отношений, что обусловлено многонациональным и многоконфессиональным составом населения, историческими, культурными, хозяйственными традициями.
- 3. Стандартные инструменты, приносящие качественные результаты в других регионах, на Северном Кавказе оказываются недостаточно эффективными. В связи с чем политика модернизации субъектов Северного Кавказа требует более адекватных по форме и содержанию подходов, нацеленных на адаптацию существующих хозяйственных и общественных традиций к экономическим реалиям.
- 4. Анализ эмпирических данных показывает, что экономический потенциал СКФО не представляет собой монолитного образования и в округе вы-

делено несколько определяющих направлений, в которых макрорегион имеет конкурентные преимущества. С учетом данных подходов нами были определены отраслевые комплексы, позволяющие создавать основные территориальные кластеры: добывающий и обрабатывающий сектор промышленности, строительная отрасль, агропродовольственный сектор, туристический, санаторно-курортный.

- 5. Реализация промышленного потенциала СКФО сдерживается недостаточным развитием инфраструктуры и транспортной сети в регионе, низким уровнем сервиса, недостаточным уровнем обеспечения безопасности и негативным имиджем СКФО, которые порождают высокие региональные риски и ограничивают приток инвестиций в развитие отрасли в регионе.
- 6. Анализ развития кластера на Северном Кавказе позволяет сделать вывод о необходимости комплексного подхода в мерах по государственному регулированию процесса реализации проекта.

Литература

- 1. Бабкин А.В., Новиков А.О. Кластер как субъект экономики: сущность, современное состояние, развитие // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2016. № 1 (235), С. 9–29.
- 2. Babkin A.V., Kudryavtseva T.J. Identification and Analysis of Instrument Industry Cluster on the Territory of the Russian Federation // Modern Applied Science. 2015. Vol. 9, no. 1. P. 109–118.
- 3. Канов В.И., Гасанов М.А. Кластер как структурный институт конкурентоспособности экономики // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2013. № 4(24). С. 13–22.
- 4. *Портер М.* Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 608 с.
- 5. *Котлярова С.Н.* Практика формирования кластеров в регионах России // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 24. С. 29–47.
- 6. *Марков Л.С.* Теоретико-методологические основы кластерного подхода. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. 300 с.
- 7. *Масленникова Н.В., Чичко А.А., Белозерова И.А.* Управление инновационным потенциалом в производственном секторе экономики региона. Ставрополь, 2012.
- 8. *Николаев М.А., Махотаева М.Ю.* Межрегиональные кластеры как инструмент экономического развития территорий // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2016. № 1 (235). С. 47–57.
- 9. *Пилотные* инновационные территориальные кластеры в РФ / под ред. Л.М. Гохберга, А.Е. Шадрина. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2013. 108 с.
  - 10. Промышленность России: стат. сб. М.: Росстат, 2014. 326 с.
  - 11. Российский статистический ежегодник, 2015: стат. сб. М.: Росстат, 2015.
- 12. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016.
- 13. Панаедова Г.И., Горлов С.М. Межрегиональные кластерные инициативы в экономике: факторы, тенденции, проблемы (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2016. № 4 (246). С. 85–97.
  - 14. Российский статистический ежегодник 2015. М.: Росстат, 2016. 795 с.
- 15. *Сайт* рейтингового агентства «Эксперт РА» [Электронный ресурс]. URL.http://raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2015/tab02/ (дата обращения: 27.03.2017).
  - 16. Труд и занятость в России в 2015: стат. сб. М.: Росстат, 2015. 274 с.
- 17. Государственная программа РФ «Развитие Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года». Утверждена Постановлением Правительства РФ № 148 (нов.

редакция) от 27 февраля 2016 года. URL: http:// investkavkaz.ru/national_program (дата обращения: 16.12.2016).

- 18. *Тенденции* развития промышленности: аналитический обзор. Дата актуализации: 16 декабря 2015 г. // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования [Электронный ресурс]. URL: http://www.for ecast.ru/_ ARCHIVE/Analitics/PROM/2015/pdf (дата обращения: 19.11.2016).
- 19. Государственная программа Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 года. URL: http:// government.ru/programs/235/events/
- 20. Паспорт подпрограммы «Создание медицинского кластера на территории Кавказских Минеральных Вод и реализация инвестиционных проектов Северо-Кавказского федерального округа» (в ред. Постановления Правительства РФ от 27.02.2016 № 148) [Электронный ресурс]. URL: http://investkavkaz.ru/ documents/10180/1820702/pasport sozd med klaster. pdf (дата обращения: 20.10.2016).
- 21. Концепция создания особой экономической зоны промышленнопроизводственного типа «Аргун-Черкесск-Ставрополь» на территории СКФО [Электронный ресурс]. URL: http://www.expert.ru/ printissues/ural/2014/14/klasternaya_ politika (дата обращения: 12.10.2016).
- 22. *Масленникова Н.В., Козел И.В.* SWOT-анализ как инструмент оценки рекреационного комплекса Ставропольского края // НаукаПарк. 2012. № 4 (9). С. 55–60.
- 23. *Сайт* аналитического агентства «Автостат» [Электронный ресурс]. URL: https://www.autostat.ru/ (дата обращения: 20.10.2016).
- 24. *Сайт* Министерства промышленности и торговли РФ [Электронный ресурс]. URL: http://minpromtorg.gov.ru/ (дата обращения: 27.03.2016).
- 25. Сайт информационного агентства REGNUM [Электронный ресурс]. URL: http://regnum.ru/news/economy/1981013.html http://www. gks.ru/wps/wcm/connect/ rosstat_main/ rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial

Panayedova G.I., The North-Caucasus Federal University. E-mail: afina-02@rambler.ru.

Maslennikova N.V., The North-Caucasus Federal University E-mail: vinikova@mail.ru

Gorlov S.M. The North-Caucasus Federal University E-mail: afina-02@rambler.ru.

INDICATIVE MODEL OF NORTH-CAUCASIAN MACRO-REGION DEVELOPMENT

Keywords: macro-region, socio-economic indicators, industrial development, investment attractiveness, clusters, indicators, development vectors.

In modern industrial policy, as an effective form of functioning and development of the regions, indicative approaches, ensuring effective territorial deployment, optimizing production and increasing the profitability of the region and increasing employment are considered. The objects of the study are subjects of the North Caucasus Federal District (NCFD); the subject of investigation is the dynamics of socio-economic processes in the NCFD regions, the presence of prerequisites and potential for cluster system development. Methods used: comparative and comprehensive analysis of statistical data, systematization of research results. Within the framework of the research, the level and dynamics of the main macroeconomic indicators of the North Caucasus Federal District subjects in comparison with the average Russian achievements are considered as well as the resource potential, the problems of the economic development of the macro-region, the prerequisites for the clusters formation, substantiates the priority areas of long-term socioeconomic development of the subjects in order to overcome the chronic economic backlog and social sphere are examined.

References

- 1. Babkin A.V., Novikov A.O. Klaster kak subyekt ekonomiki: sushchnost, sovremennoye sostoyaniye, razvitiye // Scientific and technical statements of SPbSPU. Economic sciences. 2016. No. 1 (235), pp. 9-29
- 2. Babkin A.V., Kudryavtseva T.J. Identification and Analysis of Instrument Industry Cluster on the Territory of the Russian Federation. Modern Applied Science, 2015, vol. 9, no. 1, pp. 109-118.

- 3. Kanov V.I., Gasanov M.A. Klaster kak strukturnyy institut konkurentosposobnosti ekonomiki // Bulletin of Tomsk State University. Economy. 2013. No. 4 (24). pp. 13-22
- 4. Porter M. Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otrasley i konkurentov. Moscow: Alpina Business Books, 2005. pp. 608
- 5. Kotlyarova S.N. Praktika formirovaniya klasterov v regionakh Rossii // Regional economy: theory and practice. 2012. No. 24. pp. 29-47.
- 6. Markov L.S. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy klasternogo podkhoda. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, 2015. pp. 300
- 7. Maslennikova N.V., Chichko A.A., Belozerova I.A. Upravleniye innovatsionnym potentsialom v proizvodstvennom sektore ekonomiki regiona. Monografiya. Stavropol, 2012.
- 8. Nikolayev M.A., Makhotayeva M.YU. Mezhregionalnyye klastery kak instrument ekonomicheskogo razvitiya territoriy // Scientific and technical statements of SPbSPU. Economic sciences. 2016. No. 1 (235). pp. 47-57.
- 9. Pilotnyye innovatsionnyye territorialnyye klastery v RF / edite by Gokhberga L.M., Shadrina A.Ye. Moscow: National Research University « Higher School of Economics », 2013. pp. 108.
  - 10. Industry of Russia. Stat. Moscow: Rosstat, 2014. pp. 326.
  - 11. Russian Statistical Yearbook, 2015. Stat. Moscow, Rosstat, 2015.
- 12. Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation. 2016: Stat. Sat. / Rosstat. Moscow, 2016. pp. 278-279.
- 13. Panayedova G.I., Gorlov S.M. Mezhregionalnyye klasternyye initsiativy v ekonomike: faktory, tendentsii, problemy (on the example of the North Caucasus Federal District) // Scientific and technical statements of SPbSPU. Economic sciences. 2016. No. 4 (246). pp. 85-97.
  - 14. Russian Statistical Yearbook. 2015. Moscow, Rosstat, 2016. pp. 795
- 15. The site of the rating agency "Expert RA". [Electronic resource]: Access mode: URL.http://raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2015/tab02/ (Date of circulation: 27.03.2017)
  - 16. Labor and employment in Russia in 2015. Stat. M.: Rosstat, 2015. 274 c.
- 17. State program of the Russian Federation "Development of the North Caucasus Federal District for the period until 2025". Approved by Resolution of the Government of the Russian Federation No. 148 (new edition) of February 27, 2016. Access mode: URL: http://investkavkaz.ru/national_program (Date of circulation 16.12.2016).
- 18. Trends in industrial development: an analytical review. Date of update: December 16, 2015 // Center for Macroeconomic Analysis and Short-Term Forecasting [electronic resource]: Access mode: URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/PROM/2015/pdf (Date of circulation: 19.11.2016).
- 19. The State Program of the Russian Federation "Development of the North Caucasus Federal District" for the period until 2025 // http://government.ru/programs/235/events/
- 20. The passport of the subprogram "Creation of a medical cluster on the territory of the Caucasian Mineral Waters and the implementation of investment projects of the North Caucasus Federal District" (in the edition of the Decree of the Government of the Russian Federation No. 148 of February 27, 2016) [electronic resource]: Access mode: http://investkavkaz.ru/documents/10180/1820702/pasport_sozd_med_klaster. Pdf (Date of circulation: 20.10.2016)
- 21. The concept of creating a special economic zone of the industrial-production type "Argun-Cherkessk-Stavropol" on the territory of the North Caucasus Federal District. [Electronic resource]: Access mode: URL: http://www.expert.ru/ printissues / ural / 2014/14 / klasternaya_ politika (Date of circulation 12.10.2016).
- 22. Maslennikova N.V., Kozel I.V. SWOT-analiz kak instrument otsenki rekreatsionnogo kompleksa Stavropolskogo kraya. // NaukaPark. 2012. № 4 (9). pp. 55-60.
- 23. The site of the analytical agency "Autostat". [Electronic resource]: Access mode: https://www.autostat.ru/ (Date of circulation: 20.10.2016).
- 24. Website Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation [electronic resource]: Access mode: URL.http://minpromtorg.gov.ru/ (Date of circulation: 27.03.2016).
- 25. The site of the news agency REGNUM [Electronic resource]: Access mode: URL.http://regnum.ru/news/economy/1981013.html Http:// www.gks.ru/wps/wcm/connect/ rosstat_main/rosstat/en/statistics/enterprise/investment/nonfinancial
- **Panayedova G.I., Maslennikova N.V., Gorlov S.M.** Indikativnaya model' razvitiya Severo-Kavkazskogo makroregiona [Indicative model of North-Caucasian macro-region development]. Vest-nik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 39, pp. 54–70.

УДК 332.8

DOI: 10.17223/19988648/39/5

С.В. Чернявский, Н.А. Золотарев

ТЕОРИИ ПРИРОДНОЙ (ГОРНОЙ) РЕНТЫ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЕЕ ИЗЪЯТИЯ (НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ)¹

В статье рассматриваются причины возникновения «сверхприбыльной концепции» ренты. Одной из них является образование в добывающих отраслях компаний и корпораций, внутри которых теряются особенности добычи полезных ископаемых на отдельных скважинах и месторождениях. В этих условиях «сверхприбыльная концепция» ренты становится теорией, объясняющей образование рентных доходов на уровне компаний и корпораций (объединений скважин, месторождений и т.д.). Рассматриваются проблемы и недостатки системы налогообложения в добывающих отраслях и в первую очередь налога на добычу полезных ископаемых и определяются направления совершенствования указанной системы.

Ключевые слова: природная рента, дифференциальная рента, квазирента, сверхприбыль, месторождение, недропользователь.

Советская промышленность располагалась на огромных территориях, где присутствовали различия и в местоположении, и в природных, и прочих условиях хозяйствования, а также в условиях государственной собственности на средства производства (т.е. дифференциальная рента-II, или квазирента, также являлась собственностью государства), сравнение замыкающих (наихудших) природных условий хозяйствования и добычи с индивидуальными условиями хозяйствования превратилось в сравнение среднеотраслевых (средних по бассейну, району, месторождению) условий с индивидуальными. Сравнение же средних и индивидуальных условий трансформировалось в сравнение средней и индивидуальной прибыли (рентабельности), а изъятие ренты превратилось в изъятие (налогообложение) сверхприбыли.

Однако рождение «сверхприбыльной теории ренты» большинство ученых, работающих в данной области, связывают с именем Д.А. Ворчестера и с выходом в свет его работы «Пересмотр теории ренты».

В первый раздел «Пересмотра теории ренты» автор помещает «...анализ логической необходимости и основных шагов, приведших к отказу от классической теории, согласно которой рента не влияет на рыночные цены товаров» [1]. Поэтому «Пересмотр теории ренты» начинается «...с определения земли. Нас не интересуют физические характеристики различных факторов производства, с которыми нам придется иметь дело. Скорее наше внимание привлекает их экономическое лицо. Таким образом, для целей нашего обсуждения землю мы будем рассматривать как такую группу производственных факторов, пригодность которых для специфического использования не изме-

 $^{^1}$ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-00513 а).

нится в результате изменения или даже отмены вознаграждения их владельцев» [1]. То есть, по мнению автора работы, образование ренты с природными факторами не связано. В соответствии с этим сегодня преобладает мнение о том, что «...природная рента находится как превышение прибыли добывающей промышленности и предприятий соответствующих отраслей над средней прибылью в стране» [2. С. 52].

По этому поводу А.П. Куликов отмечает: «Таким образом, в «сверхприбыльной концепции»... понятие природной ренты эквивалентно понятию «сверхприбыль», определение которого неоднозначно. Подход с точки зрения «сверхприбыли» в принципе может быть реализован, но тогда природа изъятия будет другой. В то же время величина природной ренты должна определяться в первую очередь природными факторами» [3. С. 403].

Итак, разговор идет не о природной ренте и не о природных факторах. Говорит ли об этом Д.А. Ворчестер? Да, говорит. В структуре «Пересмотра теории ренты» автор выделяет «...д) обоснование необходимости применения слова "рента" для выявления альтернативных затрат (или вознаграждения) единицы земли, как это определяется ниже, когда расчет ведется на уровне фирмы» [1]. Нам представляется, что не ниже, чем на уровне фирмы. Например, на уровне государства с развитым регулированием экономики. Тогда следует говорить не о природной ренте, вернее не только о ней, а о всей совокупности рентных доходов, на которые, полностью или частично, может претендовать государство. А также создавать адекватную систему налогообложения в области добычи полезных ископаемых. Все ли рентные доходы будут входить сферу государственных интересов? Очевидно, что нет. Дифференциальная рента-ІІ (квазирента), т.е. технологическая рента в области добычи полезных ископаемых, конечно, относится к компетенции фирмы. Однако следует отметить, что некоторые экономисты к числу видов квазиренты относят политическую (политические возможности изменения норм права); административную (право выдачи разрешения на доступ к ресурсу (регистрация, лицензирование, сертификация и т.п.)); статусную квазиренту (положение в иерархии, позволяющее контролировать деятельность по распределению ресурсов) [4. С. 61].

Е.В. Моргунов допускает деление природной ренты между собственником ресурса и арендатором путем «...компромисса между собственником недр и недропользователем при помощи конкурса (аукциона)» [5. С. 9–10]. Однако при наличии методики расчета размеров горной ренты отпадет необходимость компромисса между собственником недр и недропользователем. Задача выделения рентных «...доходов от разработки месторождений с лучшими горно-геологическими и географо-экономическими характеристиками при существующем развитии горной науки представляется решаемой» [6].

Собственно, необходимость четкого и обоснованного отделения рентных доходов, относящихся и не относящихся к компетенции государства или собственника природного ресурса, от общей их суммы во многом способствовала популярности «сверхприбыльной теории природной ренты». При этом следует отметить, что «сверхприбыльная теория природной ренты» трактует ренту принципиально иначе, чем классическая политэкономия: не как изли-

шек прибыли (доходов) за счет лучших природных условий, а как их превышение над средним уровнем прибыли или доходов [7. С. 102–105].

Однако если вернуться к структуре «Пересмотра теории ренты», то сразу обращаешь внимание на пункт «в) что является условием для сохранения концептуальной взаимосвязи между двумя теориями?» [4]. Также весьма интересны для нашего анализа пункты «...г) как паретианское понятие ренты вносит новые детали в классическую и неоклассическую теории, но серьезно ослабляет значение термина «рента»; д) обоснование необходимости применения слова "рента" для выявления альтернативных затрат (или вознаграждения) единицы земли... когда расчет ведется на уровне фирмы» [1].

Пункт «в» показывает, что автор допускает, в определенных условиях, возможность «...сохранения концептуальной взаимосвязи между двумя теориями» [1]. Следует определиться, в каких именно условиях. А. Смит считал, что рента есть арендная плата, которую арендатор может платить при данном качестве земли, но в случае, если цена продукта равна или ниже себестоимости и обычной прибыли, она «...не приносит никакой ренты землевладельцу» [8. С. 121]. Рента в таком случае – разность между замыкающими (самыми высокими затратами) и индивидуальными затратами – равна 0. Однако такое ослабление классического определения ренты возникает в случае, «...когда расчет ведется на уровне фирмы» [1]. То есть фирма владеет несколькими участками земли или арендует и обрабатывает несколько участков земли. Причем участков с разной плодородностью. А если участки разноплодородные (или полезные ископаемые находятся на разных глубинах залегания), мы должны перейти от замыкающих затрат и природных условий к средней по фирме, по промышленности, по народному хозяйству прибыли или рентабельности. Это и будет переходом от одной теории к другой. И в этом переходе их концептуальная взаимосвязь (единство) и противоречие между ними.

Кстати, Д.А. Ворчестер отмечает, что пояснить различия в классической и неоклассической теориях можно, «...сославшись на старый спор между классической и неоклассической теорией: входит рента в стоимость производства или нет? Взгляд, выраженный Маршаллом, постулирует гармонию между рыночными или альтернативными, и реальными затратами. Принимая такую позицию, Маршалл, казалось, поддерживал идею о том, что рента не входит в стоимость, и, исключая ее из предельных затрат производителя даже в долгосрочном плане» [1]. Это следует из того, «...что последняя единица, произведенная благодаря затратам труда (и капитала) на интенсивной или экстенсивной основе, где доход достаточно высок, чтобы покрыть затраты труда (и капитала), ничего не оставляет на долю ренты» [1].

Известен спор представителей классической политэкономии о том, влияет ли рента на величину (входит ли в состав) цены продукта. Видимо, Д.А. Ворчестер говорит именно о данном аспекте различий во взглядах на ренту. С классической точки зрения чисто в количественном аспекте рента – это разница между замыкающими (предельными) затратами и индивидуальными фактическими затратами. Цена строится на базе замыкающих (предельных) затрат и нормальной прибыли, и именно в этом случае доходы достаточны для покрытия наивысших (замыкающих) затрат, но рента при этом равна нулю. То есть рента в данном случае представляет собой плавающую

величину между замыкающими (предельными) затратами и индивидуальными фактическими затратами, которая может быть без ущерба арендатору изъята собственником ресурса. В этом случае рента на размер цены влиять не может. Цена определяется замыкающими (предельными) затратами.

Частный случай – все месторождения (скважины) находятся в приблизительно равных природно-географических условиях. Замыкающие (предельные) затраты совпадают с индивидуальными фактическими затратами, ренты просто не существует и индивидуальная цена производства (добычи, технологический фактор в расчет не берется) совпадает с ценой продажи или рыночной ценой. Естественно, мы не учитываем наценки и дополнительные расходы, сопутствующие продаже. Если же мы переходим на уровень фирмы (совокупность участков, скважин, шахт), то нам придется изменить слагаемые для определения ренты. При переходе от земельного участка (скважины) к фирме (совокупности участков, скважин, шахт) замыкающие (предельные) затраты следует заменить средней по отрасли или народному хозяйству прибылью (рентабельностью). Хотя замыкающие (предельные) затраты являются верхней границей ренты, а средняя по отрасли или народному хозяйству прибыль - нижней. Но устойчивым на определенное время барьером или границей для определения величины ренты будут являться именно они. Другим слагаемым ренты станет средняя по фирме прибыль или рентабельность. Или индивидуальная фактическая прибыль (рентабельность), если фирма разрабатывает одну скважину или месторождение.

В недавнем советском прошлом расчетные цены в угольной промышленности, как правило, устанавливались на уровне угольного бассейна. В этом случае управление шахтами устанавливало индивидуальные цены для каждой из них таким образом, чтобы с их помощью осуществлялось возмещение повышенных по сравнению со средними по отрасли (району, бассейну) индивидуальных затрат на добычу полезных ископаемых. В связи с этим их использование подразумевало использование двух типов цен: дифференцированных по индивидуальным затратам для производителей и единых оптовых для покупателей.

Именно поэтому следует согласиться с мнением, что природная горная рента, как экономическая категория, а затем и как сумма соответствующих изъятий в пользу государства, существует только на уровне первичного производителя (участок, скважина, шахта). То есть горная рента выступает как некая сумма, в которой выражаются его природные и территориальные преимущества по сравнению с замыкающим участком, скважиной, шахтой. Совокупность природных и территориальных преимуществ на уровне фирмы существует как некоторая дополнительная сумма прибыли, в которой суммируются природно-территориальные преимущества отдельных первичных производителей. Поэтому следует согласиться с Н.А. Волынской и С.С. Ежовым, считающих, что рента «...определяется только по объектам разработки, а не по отрасли в целом» [9. С. 60]. Без сомнения, права и А.В. Ложникова в том, что невозможно решить задачу «...точного измерения нормы и массы ренты на макроуровне с целью расширения ее дальнейшего изъятия» [10. С. 9]. Но при этом если рента существует на уровне месторождений, то на уровне отрасли рента существует как сумма их природных рент. Именно как сумма рент месторождений, но не природно-территориальные преимущества. Следует принять точку зрения о том, что природный характер ренты на уровне выше уровня первичного производителя теряется, а вернее, утрачивает всякий смысл.

Все ли вопросы нами перечислены в случае изменения статуса (уровня) получателя (плательщика) ренты? Следует согласиться, что нет. Переход от расчета рентных доходов на основании сравнения замыкающих и индивидуальных затрат к их исчислению как разницы между средней по фирме прибыли или рентабельности, с одной стороны, и среднеотраслевой, средней по промышленности, народному хозяйству прибыли или рентабельности – с другой, переводит изъятие и исчисление рентных доходов из положения: одна причина образования (природные условия) и один получатель (владелец ресурса – государство), в положение, при котором на рентный доход могут претендовать несколько его владельцев. Однако в этом случае изъятие из строго определенного природно-рентного изъятия специфического дохода в пользу единственного владельца - государства превращается в процесс весьма неопределенный. Чисто рентный доход превращается в многосоставной (как не вспомнить Д. Рикардо), при этом его природная составляющая, как и прежде, может полностью изыматься владельцем ресурса (государством). Хотя дифференциальная рента-ІІ (квазирента) может принадлежать как владельцу ресурса (в той мере, в какой он за счет своих средств улучшил качественные характеристики ресурса), так и арендатору-пользователю, если улучшение произведено им за счет собственных ресурсов.

Но в этом случае дифференциальную ренту-II (квазиренту) следует трактовать как соответствующую часть прибыли и изымать по соответствующему нормативу ее налогообложения. Таким образом, мы сталкиваемся с двумя или более частями суммарных доходов фирмы, одна из которых должна рассматриваться как прибыль с одними принципами изъятия, а другая — как доход собственника, изымаемый в его пользу полностью, — с иными.

Однако эта ситуация усугубляется тем, что в современной России налогообложение добывающих отраслей (в первую очередь газо- и нефтедобычи) должно обеспечить наполняемость федерального бюджета. Сегодня с этой задачей достаточно успешно справляется налог на добычу полезных ископаемых в совокупности с таможенными пошлинами. Несмотря на это, он подвергается постоянной критике за слабую привязанность к конкретным природным условиям работы добывающих предприятий: «Однако введенная дифференцируемая ставка НДПИ не решает всех проблем с эффективным изъятием сверхдоходов в нефтедобывающем комплексе», а кроме этого, «...применение единой ставки НДПИ привело к тому, что компании отказываются от эксплуатации низкодебитных скважин и добывают только легкодоступную нефть, а низкодебитные скважины консервируются. Такая налоговая политика негативно сказывается на нефтегазовом комплексе в целом и должна быть переориентирована на развитие стимулов нефтедобывающих компаний к развитию инновационных технологий, к снижению себестоимости углеводородов при максимальном объеме добычи» [12].

Однако необходимость выполнения функции обеспечения наполняемости федерального бюджета, прогнозирования и оперативного контроля за посту-

плением в него доходов практически исключает возможность выполнения налогом, подобным НДПИ, функции выравнивания природных и иных условий хозяйствования путем изъятия рентных доходов. В то же время: «Налогообложение минерально-сырьевого сектора, с одной стороны, должно обеспечить значительные и стабильные налоговые поступления в государственный бюджет, с другой — сохранять достаточные стимулы для инвестиций в данный сектор экономики» [11. С. 37].

То есть, выравнивая природные и иные условия хозяйствования, не зависящие от его усилий и дополнительных капиталовложений, путем изъятия соответствующих рентных доходов, налогообложение не должно затрагивать квазиренту (дифференциальную ренту-II). Более того, чтобы стимулировать деятельность, направленную на повышение технического уровня добычи с целью роста ее эффективности, следует изымать указанную часть рентных доходов по пониженному нормативу налогообложения прибыли, частью которой и выступает квазирента. Что касается остальной части нефтяных (газовых) и рентных доходов, то налог на добычу полезных ископаемых либо должен состоять (как минимум) из двух частей, либо налог, выравнивающий природные и иные условия хозяйствования, должен быть совершенно отдельным. Ведь сходные условия добычи и хозяйствования, как правило, существуют на определенной территории. Исходя из этого, такой налог должен быть местным и, как представляется, в значительной мере — социальным.

Основные потребности страны и территорий должны обеспечиваться налогом, подобным НДПИ: простое администрирование, единые ставки (льготы по территориям), прогнозируемость величины доходов. Конечно, может быть предусмотрена разветвленная система льгот по налогу, но рассмотрение уже существующих льгот позволяет сделать вывод о том, что имеющиеся льготы учитывают не только природные условия добычи и местоположение, но и приоритеты в развитии территорий и регионов, их социальные особенности и пр. Таким образом, свести все к учету природных условий добычи и местоположения просто нельзя. Следовательно, предположение о том, что специфических налогов в добыче нефти и газа (обеспечивающих ресурсов) должно быть как минимум два, не считая таможенных пошлин и акцизов, имеет под собой достаточно оснований. Такая практика является нормальной: «По целевой направленности налоги делятся на общие и целевые. Общие налоги распространяются на все виды предпринимательской деятельности, поступая в бюджет, расходуются без привязки к конкретным целям. Целевые или специфические налоги, взимаемые с определенных видов деятельности, как правило, образуют специальные бюджетные и внебюджетные фонды, расходуемые на конкретные цели» [12. С. 122].

Как было отмечено ранее, природный характер ренты на уровне выше уровня первичного производителя теряется. Поэтому учет в налогообложении природных условий добычи и местоположения должен устанавливаться для каждой шахты, скважины или месторождения (или их территориальной совокупности, но не отрасли), т.е. местным. Представляется, что с целью упрощения налогового администрирования следует установить для данного района (региона, ведь сходные природные и территориальные условия существуют именно здесь) как можно более простой способ его расчета (напри-

мер, границы изъятия) в местный бюджет. Первичный производитель будет сам рассчитывать размеры налога и выплачивать его. Налоговый орган будет проверять правильность подготовки данных (трансфертные цены никто не отменял) и исчисления самого налога.

Рассматривая различия классического и сверхприбыльного подхода к природной ренте (и ренты вообще), следует отдавать себе отчет в главной причине этих расхождений: «Одно из первых мест в теории и практике теперь стала занимать экономическая рента. В каких аспектах к ней проявляется сейчас повышенное внимание? Это, прежде всего, перенос рентного дохода из частного сектора в государственный (данный вопрос волнует не только российских экономистов, но и представителей других стран, независимо от форм собственности на природные ресурсы). Основное внимание здесь уделяется проблеме налогообложения» [13. C. 12]. Ведь если рента – это доход от собственности на недра, с обязательным ее изъятием в пользу государства, это один случай. А если рента – это сверхприбыль, то случай совсем другой. Сверхприбыль – это часть прибыли, которая должна облагаться соответствующим налогом по соответствующей ставке. Хотя сегодня есть и такое мнение: «...для целей определения размера ренты при добыче углеводородного сырья не будем разделять ее на соответствующие виды. Таким образом, рента при добыче углеводородного сырья может быть определена как разновидность горной ренты, которая образуется при добыче углеводородного сырья с последующей его реализацией и которая включает в себя абсолютную и дифференциальную ренту I и II». При этом: «...получаемая нефтегазовыми компаниями рента подлежит изъятию государством, поскольку природный ресурс – полезные ископаемые, формирующие ренту, являются собственностью государства» [14. С. 46].

И хотя рента в таком понимании сверхприбылью не является, однако дифференциальная рента-II (квазирента), как ее часть, без сомнения, является частью предпринимательской прибыли. И полностью изымать ее в доход государства нельзя.

Литература

- 1. Ворчестер Дин А. Пересмотр теории ренты [Электронный ресурс]. URL: http://www.studfiles.ru/preview/4341617.../ (дата обращения: 24.10.2012).
- 2. Анищенко В.А. Развитие системы налогообложения добычи и реализации углеводородного сырья в России: дис. ... канд. экон. наук. М., 2017. 210 с.
- 3. *Куликов А.П.* Подход к оценке природной ренты с точки зрения характеристик месторождения. // Науч. тр. / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2004. Т. 2. С. 398–419.
- 4. Эволюция, специфика и институциональные ловушки экономических институтов ресурсодобывающего региона (на примере Ханты-Мансийского автономного округа Югры / Р.К. Арасланов и [др.]; под науч. ред. д.э.н., доцента В.Ф. Исламутдинова. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2015. 444 с.
- 5. *Моргунов Е.В.* Институционализация горной ренты (на примере нефтегазового сектора народного хозяйства России); дис. ... канд. экон. наук. М., 2002. 122 с.
- 6. *Налогообложение* при недропользовании как фактор формирования инвестиционного климата // Деловая пресса. 2003. № 49 (239) [Электронный ресурс]. URL: http://www.businesspress.ru>newspaper/article_mId_36_aId_.../ (дата обращения: 24.10.2012).
- 7. Чериявский С.В. Критика «сверхприбыльной концепции» природно-ресурсной ренты // Вестн. ун-та. 2012. № 18. С. 102–105.

- 8. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 657 с.
- 9. Волынская Н.А., Ежов С.С. Рента в сырьевых отраслях топливно-энергетического комплекса России // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 4. С. 58–71.
- 10. Ложникова А.В. Рента в условиях модернизации и технологического развития: макро- и микроэкономическая природа. Томск: ТГУ, 2011. 300 с.
- 11. *Маршавина Л.Я., Анищенко В.А.* Актуальные проблемы налогообложения нефтедобывающей отрасли Российской Федерации // Изв. Рос. экон. ун-та им. Г.В. Плеханова. 2012. № 3 (8). С. 36–43.
- 12. *Хазанов Л.Г.* Принципы и механизмы налогового регулирования недропользования. // Горный информационно-аналитический бюллетень (науч.-техн. журн.) Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal). 2004. № 11. С. 115–123.
- 13. Рюмина Е.В. Экологическая версия предназначения природной ренты // Экономическая наука современной России. 2001. № 2. С. 11–22.
- 14. *Юдакова Е.П.* Построение эффективной системы налогообложения в нефтяной отрасли России // Международный бухгалтерский учет. 2011. № 38. С. 45–51.

Chernyavskiy Sergey V., doctor of Economics, Chief Researcher of the Institute for Market Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: vols85-85@mail.ru

Zolotarev Nikita A., is a competitor of the Institute for Market Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: ZNA-1987@yandex.ru

THEORIES OF NATURAL (MOUNTAIN) RENT AND SYSTEM OF ITS WITHDRAWAL (TAXATION) IMPROVEMENT

Keywords: natural rent, differential rent, Quasi-rent, Superprofits, Deposit, Subsoil user.

The article examines the reasons for the emergence of a "super-profitable concept" of rent, one of which is the formation in the extractive industries of companies and corporations within which the mineral resources extraction features in individual wells and fields are lost. In these conditions, the "super-profitable concept" of rent becomes a theory that explains the formation of rental income at the level of companies and corporations (wells, deposits, etc.). The problems and shortcomings of the taxation system in extractive industries and, first of all, the tax on extraction of minerals are considered and the directions of improvement of this system are determined.

References

- 1. Dean A. Worcester Revision of the theory of rent. [Electronic resource]. URL: http://www.studfiles.ru/preview/4341617.../ (date of circulation: 24.10.12).
- 2. Anishchenko V.A. Razvitiye sistemy nalogooblozheniya dobychi i realizatsii uglevodorodnogo syrya v Rossii: The dissertation of the candidate of economic sciences Moscow: RIU Plekhanova G.V., 2017. pp. 210
- 3. Kulikov A.P. Podkhod k otsenke prirodnoy renty s tochki zreniya kharakteristik mestorozhdeniya. // Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. 2004. T. 2. pp. 398-419.
- 4. Araslanov R.K., Bogomolova L.L., Islamutdinov V.F., Kiyanitsyna L.N., Korosteleva V.V., Panenko A.I., Porokhina O.V., Razdrokov Ye.N., Shubina V.I., Yatskiy S.A. Evolyutsiya, spetsifika i institutsional'nyye lovushki ekonomicheskikh institutov resursodobyvayushchego regiona (na primere Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga Yugry / edited by Doctor of Economics, Associate Professor Islamutdinova. V.F. Khanty-Mansiysk: OOO «Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk», 2015. pp. 444.
- 5. Morgunov Ye.V. Institutsionalizatsiya gornoy renty (na primere neftegazovogo sektora narodnogo khozyaystva Rossii): The dissertation of the candidate of economic sciences Moscow: GUU, 2002, pp. 122.
- 6. Taxation in subsoil use as a factor in the formation of the investment climate. // Business press. 14.12.2003. № 49 (239) [the Electronic resource]. URL: http://www. Businesspress.ru> newspaper / article_mId_36_aId_ ... / (date of circulation: 24.10.12).

- 7. Chernyavskiy S.V. Kritika «sverkhpribyl'noy kontseptsii» prirodno-resursnoy renty. // Bulletin of the University. 2012. № 18, pp. 102-105.
- 8. Smit A. Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov. Moscow: Directmedia Publishing, 2008, pp. 657.
- 9. Volynskaya N.A., Yezhov S.S. Renta v syryevykh otraslyakh toplivno-energeticheskogo kompleksa Rossii. // Russian foreign economic bulletin. 2006. № 4, pp. 58-71.
- 10. Lozhnikova A.V. Renta v usloviyakh modernizatsii i tekhnologicheskogo razvitiya: makro- i mikroekonomicheskaya priroda. Tomsk: TSU, 2011, pp. 300
- 11. Marshavina L.YA. Anishchenko V.A. Aktualnyye problemy nalogooblozheniya neftedobyvayushchey otrasli rossiyskoy federatsii // Proceedings of the Russian Economic University named after Plekhanov G.V. 2012. № 3 (8), pp. 36-43.
- 12. Khazanov L.G. Printsipy i mekhanizmy nalogovogo regulirovaniya nedropolzovaniya. // Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal). 2004. № 11. pp. 115-123.
- 14. Yudakova Ye.P. Postroyeniye effektivnoy sistemy nalogooblozheniya v neftyanoy otrasli Rossii. // International accounting. 2011. № 38, pp. 45-51.

Chernyavskiy S.V., Zolotarev N.A. Teorii prirodnoj (gornoj) renty i sovershenstvovanie sistemy ee iz"yatiya (nalogooblozheniya) [Theories of natural (mountain) rent and system of its withdrawal (taxation) improvement]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 39, pp. 71–79.

МАКРОРЕГИОН СИБИРЬ

УДК 331.52

DOI: 10.17223/19988648/39/6

И.А. Забелина, Е.А. Клевакина, И.С. Денисенко

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: ВОСТОЧНЫЕ РЕГИОНЫ НОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ¹

Статья посвящена исследованию структурных сдвигов в занятости населения регионов трансграничного взаимодействия с КНР. Установлено, что за рассматриваемый временной интервал структура занятости населения в этих регионах трансформировалась более существенно, чем на национальном уровне, что свидетельствует о наличии определенных особенностей. Использование метода разложения абсолютного изменения численности занятых в экономике на обусловившие его компоненты позволило выделить виды деятельности, которые в последние годы подверглись наибольшему воздействию регионального фактора в контексте развития трансграничных взаимоотношений.

Ключевые слова: структура занятости, приграничные регионы, российско-китайское сотрудничество, структурные сдвиги, отрасли специализации.

В настоящее время развитие Сибири и Дальнего Востока обозначено одним из ключевых направлений региональной политики РФ. Это связано с сохраняющимся отставанием в уровне социально-экономического развития восточных регионов, а также необходимостью активизации деятельности по включению их в международное сотрудничество со странами АТР. При этом особое внимание уделяется взаимодействию с Китаем, который в последние годы активно продвигает инициативу «Экономический пояс Шелкового пути...» (ЭПШП). Данная стратегия – это не конкретный механизм, а «идея и формула развития, платформа взаимодействия, эффективного регионального сотрудничества с опорой на двусторонние и многосторонние форматы, сложившиеся у Китая со многими странами» [1. С. 100]. В соответствии с концепцией ЭПШП стратегические интересы КНР существенно выходят за ее границы и сосредоточиваются на территории стран Азии, Европы и Африки. В основе этого крупнейшего проекта, который, по некоторым оценкам, охватывает 43% мировой территории и 66,9% численности населения [2], лежат торгово-инвестиционная область, а также политические и торговые свободы.

Китай и Россия, которая активно включилась в данный процесс, выдвинули идею и подписали совместное заявление о сопряжении строительства Евразийского Союза и ЭПШП [3]. Очевидно, что столь масштабная инициатива не может не оказать некоторое влияние на экономическое развитие при-

¹ Работа выполнена по проекту № 0386-2015-0001 «Социально-экономические и ресурсные аспекты трансграничного сотрудничества приграничных регионов Сибири». Базовый инструментарий разработан в рамках работ по Программе ФНИ СО РАН на 2017–2020 гг. (Проект XI.174.1.8).

граничных регионов Сибири и Дальнего Востока, поскольку именно в них в последние годы реализуются совместные российско-китайские проекты. В этой связи в научной литературе рассматриваются различные аспекты взаимоотношений двух стран. Например, в работе [4] выполнен анализ влияния эффекта приграничности на инвестиционные процессы, который показал, что приграничное положение не меняет тенденцию общего отставания восточных регионов от среднероссийского уровня. Другие авторы исследуют экологоэкономические аспекты взаимодействия между странами. В работе [5] показано, что экоинтенсивность хозяйственной деятельности в регионах РФ по некоторым показателям существенно выше, чем в регионах КНР, что означает для России более высокий уровень негативного воздействия на природные среды в расчете на единицу созданной добавленной стоимости. В работе [6] рассматривается процесс трансформации воспроизводственной структуры в российских и китайских регионах, вовлеченных в процессы трансграничного взаимодействия, а также в РФ и КНР. Авторы пришли к выводу, что качественные параметры структурных сдвигов не одинаковы – в КНР увеличивается доля услуг, в том числе финансового сектора, в то время как в регионах РФ активно расширяется доля добывающей промышленности.

Поскольку одним из положительных эффектов от реализации совместных проектов является создание новых рабочих мест, в данном исследовании мы сфокусируемся на анализе изменений, произошедших в структуре занятости населения в восточных регионах РФ, а также качественной оценке условий развития отдельных видов экономической деятельности.

Становление основных положений теории структурных сдвигов начинается с работ представителей различных экономических школ - А. Смита, К. Маркса, Р. Стоуна, Дж. Кейнса и др. Среди современных исследований, посвященных структурным изменениям, существует большое количество как теоретических, так и эмпирических работ. Теоретические работы посвящены развитию методологических основ и методов измерения наблюдаемых трансформаций [7-9]. Эмпирические исследования сосредоточены преимущественно на количественной оценке происходящих изменений в мировой экономике [10], национальных экономиках [11-12], а также на уровне отдельных регионов [13–16] или секторов [17–18]. Некоторые исследователи фокусируются на изучении взаимосвязи между структурными сдвигами и другими процессами, например, в работе [19] исследуется взаимосвязь между структурными изменениями и экономическим ростом, в работе [20] – уровнем развития технологий. Большое внимание уделяется моделированию структурных сдвигов при помощи традиционных [21–23] и нетрадиционных подходов. Например, в статье [24] авторы предлагают геометрический подход к моделированию структурных сдвигов в занятости населения трехсекторной экономики. На основе данного исследования авторы делают вывод о зависимости наблюдаемых изменений от унаследованного пути развития, что позволяет значительно сократить количество реально возможных сценариев трансформаций в обозримом будущем, принимаемых во внимание при разработке программных и стратегических документов со стороны органов государственной власти.

Основной целью данной работы является анализ структурных сдвигов в занятости населения восточных регионов РФ, вовлеченных в трансграничное взаимодействие с КНР. Временные рамки исследования определяются наличием статистических данных о структуре занятости населения в разрезе видов экономической деятельности (ВЭД), которые представлены Федеральной службой государственной статистики за период с 2005 по 2014 г. [25]. Были рассмотрены два временных интервала:

- 1) период с 2005 по 2014 г. для того, чтобы оценить произошедшие изменения в структуре занятости регионов;
- 2) период с 2010 по 2014 гг. для того, чтобы выявить возможные изменения в структуре занятости регионов, произошедшие под влиянием реализующейся программы приграничного сотрудничества между регионами РФ и КНР [26].

Количественная оценка сдвигов в структуре занятости населения выполнялась с использованием одного из наиболее распространенных показателей – индекса структурных сдвигов А. Салаи [6, 13]. Он учитывает интенсивность различий долей по отдельным группам, удельный вес сопоставляемой пары групп в сравниваемых структурах и количество выделенных категорий. Для расчета индекса используется следующая формула:

$$I_{s} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^{n} \left(\frac{d_{1} - d_{0}}{d_{1} + d_{0}}\right)^{2}}{n}},$$
(1)

где d_1 и d_0 – удельный вес (доля) части совокупности за рассматриваемый и базовый периоды; n – число групп.

Значение индекса Салаи изменяется в диапазоне от 0 до 1. Интерпретация полученных результатов выполнялась при помощи шкалы оценки меры существенности структурных различий [14]:

- от 0 до 0,030 тождественность структур;
- от 0,031 до 0,070 весьма низкий уровень различия структур;
- от 0,071 до 0,150 низкий уровень различия структур;
- от 0,151 до 0,300 существенный уровень различия структур;
- от 0,301 до 0,500 значительный уровень различия структур;
- от 0,501 до 0,700 весьма значительный уровень различия структур;
- от 0,701 до 0,900 противоположный тип структур;
- от 0,901 до 1 полная противоположность структур.

Также в работе рассматриваются факторы, которые обусловили наблюдаемые изменения в структуре занятости регионов. Для оценки их влияния был использован подход [15], который предполагает разложение абсолютного изменения численности занятых (SS) на компоненты — национальный (NS, отражает влияние национальных факторов роста), региональный (RS, отражает влияние региональных факторов роста) и отраслевой (IM, отражает влияние отраслевых факторов роста):

$$NS_{ir}^{t} = Q_{ir}^{t-1} \left(\frac{Q_{n}^{t}}{Q_{n}^{t-1}} - 1 \right), \tag{2}$$

$$IM_{ir}^{t} = Q_{ir}^{t-1} \left(\frac{Q_{in}^{t}}{Q_{in}^{t-1}} - \frac{Q_{n}^{t}}{Q_{n}^{t-1}} \right), \tag{3}$$

$$RS_{ir}^{t} = Q_{ir}^{t-1} \left(\frac{Q_{ir}^{t}}{Q_{ir}^{t-1}} - \frac{Q_{in}^{t}}{Q_{in}^{t-1}} \right), \tag{4}$$

где Q_n^t , Q_n^{t-l} — численность занятых в экономике страны в текущем и базовом периодах; Q_{in}^t , Q_{in}^{t-l} — численность занятых в i-й отрасли в целом по стране в текущем и базовом периодах; Q_{ir}^t , Q_{ir}^{t-l} — численность занятых в i-й отрасли в регионе в текущем и базовом периодах.

Сумма этих компонентов будет определять общую величину структурного сдвига:

$$SS = Q_{ir}^t - Q_{ir}^{t-1} = NS + IM + RS$$
. (5)

По соотношению показателей IM и RS можно классифицировать виды экономической деятельности и выявить отрасли, способные стать основой регионального развития [15]:

- -1-й тип (IM>0; RS>0) характеризуется наличием благоприятных региональных и отраслевых условий развития;
- -2-й тип (IM<0, RS>0, |IM|<|RS|) характеризуется преобладанием благоприятных региональных условий развития над не вполне благоприятными отраслевыми условиями развития;
- 3-й тип (IM>0, RS<0, |IM|>|RS|) характеризуется преобладанием благоприятных отраслевых условий развития над не вполне благоприятными региональными условиями развития;
- 4-й тип (IM<0, RS>0 |IM|>|RS|) характеризуется ситуацией, когда благоприятные региональные условия не в состоянии перевесить неблагоприятные отраслевые условия развития;
- 5-й тип (IM>0, RS<0 |IM|<|RS|) характеризуется ситуацией, когда благоприятные отраслевые условия не в состоянии перевесить неблагоприятные региональные условия развития;
- 6-й тип (IM<0; RS<0) характеризуется наличием неблагоприятных региональных и отраслевых условий развития.

Оценка степени специализации региона на каком-либо ВЭД выполнялась с использованием коэффициента локализации [16]. Он рассчитывается как отношение доли населения, занятого в секторе i региона $r(S_i^r)$, к соответствующему показателю для национальной экономики (S_i^r) :

$$LQ_{i} = \frac{S_{i}^{r}}{S_{i}^{n}} LQ_{i} = \frac{S_{i}^{r}}{S_{i}^{N}}.$$
 (6)

Таблица 1. Распределение занятых по ВЭД в регионах Сибири и Дальнего Востока (% от общей численности), 2005 и 2014 гг.

ДЄЯ	ÞΦ	Ф	Республик Бурятия	Республика Забайкальс- Бурятия кий край	Забайкальс кий край	сальс- срай		Иркутская 1 область	Приморский край	рский ıй	Хабаров- ский край	ров- край	Амурская область	СКАЯ	Еврейская AO		Республика Алтай	лика ай
	2005	2014	2005	2014	2005	2014	2005	2014	2005	2014	2005	2014	2005	2014	2005 2014	2014	2005	2014
С/х, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство	11,3	9,4	14,5	14,3	14,5	12,8	14,5 14,3 14,5 12,8 12,0	8,9	8,9 10,6 9,8		8,1	5,5	10,4 11,3 14,6 13,5 20,2 13,8	11,3	14,6	13,5	1 20,2	3,8
Добыча полезных ис- копаемых	1,6	1,6	2,4	2,0	5,2	3,8	1,8	2,4	1,4	1,1	1,8	1,7	2,6	3,1	1,5 1,7		0,9	8,0
Обрабатывающие про- изводства	17,2	14,6	10,5	11,6	4,7	6,3	15,1	15,1 12,4 12,5		10,4	12,5	10,3	5,4	6,5	11,8 9,6		4,0	5,2
Производство и рас- пределение электро- энергии, газа и воды	2,9	2,8	3,7	3,6	3,3	3,8	3,1	3,6	4,1	3,8	3,5	3,6	4,0	4,7	3,5 4,2		4,0 2	2,5
Строительство	7,4	8,4	5,3	6,4	5,1	7,3	5,5	8,5	5,4	6,3	7,5	9,1	9,2	11,4	5,8	8,5	5,8	9,3
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств и пр.	16,6	18,7	6 18,7 12,6 14,8 13,3	14,8	13,3	12,8	12,8 15,4 17,6 18,2	17,6	18,2	20,0 21,0	21,0	19,1	19,9 20,4 14,9 14,4 13,2	20,4	14,9	14,4		16,7
Гостиницы и рестора-	1,7	6,1	1,4	3,0	1,4	1,1	1,7	1,8	2,7	2,7	1,7	1,9	2,8	1,2	8,0	1,1	1,1	2,6
Транспорт и связь	8,0	8,0	9,5	7,5	13,1	12,1	10,1	9,1	10,9	11,6	10,3	10,7	14,2	10,3	10,3	8,6	9,9	5,6
Операции с недвижи- мым имуществом, аренда и предоставле- ние услуг	7,3	8,7	5,2	7,0	4,7	5,4	6,5	7,9	8,9	7,0	6,4	9,1	3,3	5,2	3,8 5,0	5,0	2,9	4,3

Образование	0,6	8,1	14,0	8,8	12,7	11,2	11,2	6,7	0,6	8,1	9,1	7,8	9,6	7,5	8,1 14,0 8,8 12,7 11,2 11,2 9,7 9,0 8,1 9,1 7,8 9,6 7,5 10,5 9,8 16,5 14,1	8,6	16,5	14,1
Здравоохранение и предоставление соци-альных услуг	8'9	9,9	7,9	8,7	9,4	0,6	7,3	7,1	7,1	6,2	6,7	6'9	7,3	7,2	6,6 7,9 7,8 9,4 9,0 7,3 7,1 7,1 6,2 6,7 6,9 7,3 7,2 8,2 8,1 9,5 8,6	8,1	5,6	8,6
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,7	3,7	4,2	3,6	3,1	3,3	3,7	2,9	3,6	3,3	3,6	4,1	4,5	3,2	3,7 4,2 3,6 3,1 3,3 3,7 2,9 3,6 3,3 3,6 4,1 4,5 3,2 4,8 3,6 4,4 4,4	3,6	4,4	4,
Прочие виды деятель- ности	5'9	9,7	8,7	9'6	9,4	11,1	9,9	8,2	7,8	7,6	8,0	10,1	7,0	8,7	7,6 8,7 9,6 9,4 11,1 6,6 8,2 7,8 9,7 8,0 10,1 7,0 8,7 9,7 10,8 10,9 12,3	8,01	10,9	12,3

Если значение коэффициента локализации больше 1, то отрасль считается отраслью специализации для данного региона. Чем больше значение показателя, тем выше степень концентрации данного ВЭД в регионе.

Сравнительный анализ среднегодовой численности занятых в регионах трансграничного взаимодействия показал, что основная часть занятого населения распределена в таких ВЭД, как «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство», «Обрабатывающие производства», «Оптовая и розничная торговля» и «Транспорт и связь» (табл. 1).

За период с 2005 по 2014 г. во всех регионах, а также на уровне страны отмечалось заметное увеличение удельного веса строительной отрасли в общей численности занятых. Наряду с этим сократилась доля населения, занятого в образовательной деятельности, что наиболее заметно в Республике Бурятия, Амурской области и Республике Алтай. Также в отдельных регионах (Иркутской области, Приморском и Хабаровском краях, Еврейской АО) отмечалось заметное снижение доли обрабатывающих производств в общей численности занятого населения. По данным за 2014 г., удельный вес работников, задействованных в добывающем секторе экономики, колебался от 0,8% (Алтайский край) до 3,8% (Забайкальский край).

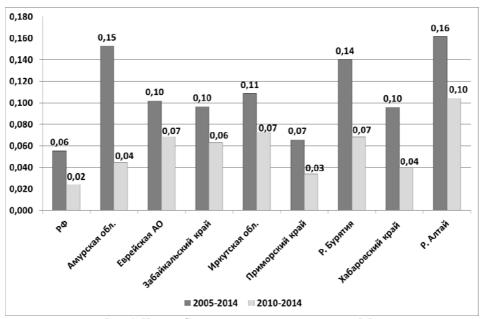

Рис. 1. Индекс Салаи для российских регионов и РФ

За весь исследуемый период структура занятости населения в регионах трансграничного взаимодействия с КНР трансформировалась следующим образом (рис. 1): значение индекса Салаи изменялось в диапазоне от 0,07 (Приморский край; в соответствии со шкалой существенности структурных различий — весьма низкий уровень различия структур) до 0,16 (Республика Алтай; существенный уровень различия структур). На национальном уровне изменения, наблюдаемые в структуре занятости населения, менее заметны —

значение показателя составило всего 0,06 (весьма низкий уровень различия структур), что свидетельствует о наличии определенных особенностей в регионах трансграничного взаимодействия.

Структура занятости в рассматриваемых регионах, несмотря на оживление приграничного сотрудничества, трансформировалась незначительно: уровень различия структур занятости в базовом (2010 г.) и рассматриваемом (2014 г.) периодах характеризовался как весьма низкий (Амурская область, Еврейская АО, Республика Бурятия, Забайкальский, Приморский и Хабаровский края: значение индекса составляет 0,034-0,068) и низкий (Иркутская область и Республика Алтай: значение индекса составило 0,073 и 0,104 соответственно). Это связано в том числе с тем, что первоначальный перечень включенных в программу сотрудничества ключевых инвестиционных проектов неоднократно пересматривался, в него были внесены существенные коррективы. Так, например, в связи с ухудшением экономической ситуации в Забайкальском крае реализация некоторых инициатив (разработка Култуминского, Лугоканского и Солонеченского месторождений) была отложена инвестором на неопределенное время [27], а строительство и ввод в эксплуатацию горно-обогатительных комбинатов в рамках уже реализующихся проектов (например, Быстринский ГОК, на котором планируется создание 3 500 рабочих мест) осуществляется с существенным опозданием [28]. Подобная ситуация наблюдается и в отдельных регионах Дальневосточного федерального округа. Детальный анализ ситуации в отношении реализации ключевых проектов, которые были запланированы в Программе-2018, выполнен в работе [29]. Автор отмечает, что вследствие отсутствия реального интереса инвесторов не начата реализация отдельных проектов в минерально-сырьевом секторе и они находятся на стадии «Поиск инвестора».

Далее проанализируем компоненты, обусловившие структурные сдвиги в занятости населения регионов, вовлеченных в трансграничное взаимодействие. Более детально остановимся на ситуации в Забайкальском крае (табл. 2). Согласно полученным результатам, ВЭД «Обрабатывающие производства» занимает лидирующие позиции по показателю *RS* и не меняет их под возможным воздействием реализующейся программы приграничного сотрудничества. Также к числу отраслей, в которых изменение численности занятых происходит преимущественно под влиянием регионального фактора, можно отнести такие ВЭД, как «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство» и «Прочие виды деятельности», в состав которых входит «Государственное управление» и «Финансовая деятельность».

Воспользуемся описанным выше подходом и по соотношению компонентов RS и IM выделим значимые для занятости населения отрасли. Анализируя рис. 2, можно заключить, что благоприятными региональными и (или) отраслевыми условиями развития (отрасли 1–3-го типов) за рассматриваемые временные интервалы характеризовались следующие ВЭД: «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электрической энергии, газа и воды», «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг», «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг», а также «Прочие виды деятельности». При этом обрабатывающая промышленность и электроэнергетическая отрасль по соотношению показа-

 $\it Tаблица~2$. Компоненты структурных сдвигов в занятости Забайкальского края, 2005—2014 и 2010—2014 гг.

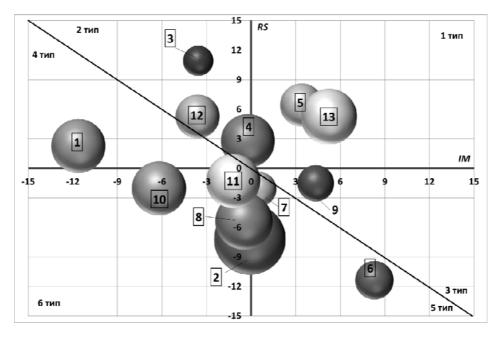
	SS	NS	IM	RS	Ранг	SS	NS	IM	RS	Ранг
ВЭД			5-2014		RS			0-2014		RS
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство	-8,30	1,07	-11,64	2,27	6	-2,10	0,22	-4,11	1,78	3
Добыча полезных ископаемых	-6,90	0,38	-0,09	-7,19	12	-7,20	0,09	0,06	-7,35	13
Обрабатывающие производства	7,70	0,35	-3,57	10,92	1	7,60	0,08	-1,01	8,53	1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,80	0,24	-0,23	2,79	5	0,50	0,06	-0,35	0,79	4
Строительство	10,20	0,38	3,39	6,43	2	-1,20	0,13	1,79	-3,12	12
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	-2,10	0,98	8,29	-11,37	13	3,50	0,20	2,88	0,41	6
Гостиницы и рестораны	-1,50	0,10	0,52	-2,12	10	-0,30	0,02	0,39	-0,71	8
Транспорт и связь	-4,90	0,97	-0,49	-5,37	11	-2,20	0,21	0,49	-2,90	11
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	3,20	0,35	4,35	-1,50	8	-0,20	0,09	2,38	-2,67	10
Образование	-7,30	0,94	-6,21	-2,03	9	-3,10	0,20	-3,90	0,60	5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	-1,80	0,69	-1,21	-1,28	7	-2,80	0,16	-1,41	-1,56	9
Предоставление прочих коммунальных услуг, социальных и персональных услуг	0,90	-0,76	-3,61	5,27	3	-0,60	-1,16	1,16	-0,60	7
Прочие виды деятельности	8,20	-2,28	5,23	5,25	4	0,00	-3,75	-4,06	7,82	2

телей *IM* и *RS* не меняли своего положения (в отличие от двух других видов деятельности) и устойчиво входили в группу отраслей 2-го типа, которая ха-

рактеризуется преобладанием благоприятных региональных условий над не вполне благоприятными отраслевыми условиями развития.

Строительная отрасль, которая изначально вошла в группу отраслей с благоприятными региональными и отраслевыми условиями развития (1-й тип), со временем изменила свое положение: переместилась в группу отраслей, в которых благоприятные отраслевые условия не в состоянии перевесить неблагоприятные региональные условия развития (5-й тип). Обратная ситуация наблюдается в оптовой и розничной торговле: в 2005–2014 гг. имела место ситуация, когда благоприятные отраслевые условия были не в состоянии перевесить неблагоприятные региональные условия развития, а с 2010 по 2014 г. развитие данного вида деятельности характеризовалось благоприятными как региональными, так и отраслевыми условиями.

В соответствии со значением коэффициента локализации (на рис. 2 определяется размером пузырька) выделены виды деятельности, на которых специализируется Забайкальский край. К ним относятся «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство», «Добыча полезных ископаемых», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», «Транспорт и связь», «Образование», «Здравоохранение и предоставление социальных услуг» и «Прочие виды деятельности».

а) 2005-2014 гг.

Рис. 2 (Начало)

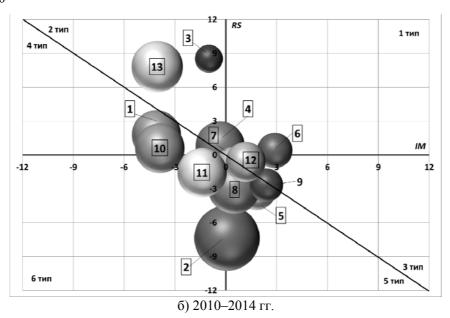

Рис. 2 (Окончание). Определение типов отраслей по соотношению показателей *IM* и *RS* в Забайкальском крае:

1 – сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство; 2 – добыча полезных ископаемых; 3 – обрабатывающие производства; 4 – производство и распределение электроэнергии, газа и воды; 5 – строительство; 6 – оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств и пр.; 7 – гостиницы и рестораны; 8 – транспорт и связь; 9 – операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; 10 – образование; 11 – здравоохранение и предоставление социальных услуг; 12 – предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг; 13 – прочие виды деятельности

Результаты расчетов, выполненных для регионов трансграничного взаимодействия, представлены в табл. 3. С 2005 по 2014 г. во многих из них благоприятные условия развития в контексте занятости населения складывались в таких видах деятельности, как «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» (за исключением Еврейской АО, Приморского края и Республики Алтай), «Строительство» (за исключением Забайкальского края), «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» (за исключением Еврейской АО и Хабаровского края), «Гостиницы и рестораны» (за исключением Амурской области, Забайкальского и Приморского краев), «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» (за исключением Забайкальского края) и «Прочие виды деятельности». В период активного развития приграничных взаимоотношений с КНР наиболее заметные изменения отмечались в строительной отрасли. Так, благоприятные региональные и отраслевые условия развития отрасли, которые отмечались в 7 из 8 регионов трансграничного взаимодействия, в большинстве из них сменились ситуацией, когда благоприятные отраслевые условия не в состоянии перевесить неблагоприятные региональные условия развития. В число этих регионов входят Еврейская АО, Приморский край, республики Алтай и Бурятия.

Перспективы социально-экономического развития восточных регионов РФ связывают преимущественно с расширением горно-добывающей, топливной и лесозаготовительной промышленности, а значительная часть российско-китайских проектов, планируемых и уже реализуемых на территории российских регионов, ориентирована на добычу и первичную переработку природных ресурсов. Так, в Приморском крае в рамках утвержденной Программы социально-экономического развития предложено свыше 100 инвестиционных проектов во всех сферах деятельности, наиболее крупные из которых сосредоточены в топливно-энергетическом комплексе (строительство нефтехимического комплекса) и развитии транспортной системы [30]. В Еврейской АО наиболее масштабные инициативы – это строительство горнообогатительного комбината, запуск которого состоялся в 2016 г., строительство мостового перехода и металлургического завода, газификация области [31]. В Хабаровском крае самые капиталоемкие из реализуемых в настоящее время проектов – строительство металлургического и целлюлозно-бумажного заводов, разведка и освоение месторождений меди и золота [32].

В Амурской области большое количество проектов сосредоточено в сельском хозяйстве, на добыче не топливно-энергетических (в т.ч. золото) полезных ископаемых, создается ГМК «Приамурье» с перспективой экспорта продукции в КНР, для чего предусмотрена соответствующая инфраструктура [33]. В Иркутской области существуют планы по увеличению золотодобычи, добычи редкоземельных металлов, разработке и обустройству нефтегазоконденсатных месторождений нефти, а также строительству завода черной металлургии [34]. В Забайкальском крае в ближайшее время будут запущены два горно-обогатительных комбината, расширяется добыча угля и золота, создается горно-металлургический кластер в г. Краснокаменске [35].

Далее проанализируем условия развития ВЭД «Добыча полезных ископаемых» в регионах трансграничного взаимодействия. Только в трех регионах (Еврейской АО, Амурской и Иркутской областях) отмечены благоприятные региональные условия развития, которые в состоянии перевесить не вполне благоприятные отраслевые условия развития. В остальных регионах наблюдается ситуация, когда более благоприятные отраслевые условия не могут перевесить неблагоприятные региональные условия развития (Забайкальский край) или имеются неблагоприятные как региональные, так и отраслевые условий развития (Приморский и Хабаровский края, республики Алтай и Бурятия). Однако в период с 2010 по 2014 г. коренным образом меняется ситуация в двух регионах (Хабаровском и Приморском краях) и они, наряду с Еврейской АО и Иркутской областью, уже характеризуются благоприятными региональными и отраслевыми условиями развития добывающей отрасли. В Хабаровском крае прирост промышленного производства в добывающей отрасли за это время составил 35% [36]. Расширение производства в Приморском крае обусловлено увеличением добычи полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических. Только в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом объем добычи ресурсов данного вида увеличился на 68,5% [37], что также способствует созданию новых рабочих мест.

Таблица 3. Определение типов отраслей по соотношению показателей IM и RS, регионы трансграничного взаимодействия

-		Хабаровский край	9	*	9	2*	3*			5*	1*	1*	5*	4	2*		4	2*
иствия		Республика Бурятия	2*	5*	2	*9	2			3	1*	1	*	*9	*		9	2*
имоде		Республика Алтай	*9	5	7	9	5*		-	1	1*	5	1	*9	4		*	5*
)10 B3a	.014 rr.	край Приморский	*4	1	9	*9	5		-	2*	*1	*5	1	4	9		4	1*
ничн	2010-2014	Иркутская обл.	9	1*	9	2*	1*			1	1	5*	1	*9	*9		9	3*
анстра	. 1	Забайкальский край	*4	*9	2	2*	1			5	5	*9	3	*9	*9		2	1
ны тра		ОА врейская АО	*4	1*	9	*9	5*			5	5	1*	5	4*	*9		2	2*
perno		Амурская обл.	*9	5*	4	*9	1*		-	1^*	5	5*	5	9	*9		9	1*
и л.Э,		Хабаровский край	9	*9	9	2*	+			5*	1*	2*	*	9	2*		2*	1*
іси пл		Республика Бурятия	2*	*9	2	2*	1			1	1*	9	*	*9	2*		4	3*
asare		Республика Алтай	*9	9	2	9	1*		-	1	1*	9	1	*9	*9		3*	3*
IEO IIOK	014 rr.	край Приморский	*	9	9	*9	1		-	3*	2*	2*	3	9	9		4	1*
ошень	2005-2014	Иркутская обл.	9	2*	9	2*	1*			3	3	e^*	3	*9	*9		5	1*
соотн	. 1	Забайкальский край	*4	2*	2	2*	5			1	5	*5	5	*4	*9		3	2*
еи по		ОА врейская АО	*4	2*	9	*9	1*			5	1	e^{*}	1	*9	*9		9	3*
01par		Амурская обл.	*2	2*	7	2*	1*			3*	5	*9	1	9	*		5	1*
таблица э. Определение типов отраслен по соотношению показателен ли и съ, регионы гранстраничного взаимоденствия		ВЭД	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение		Оптовая и розничная торговля;	ремонт автотранспортных	средств и пр.	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь	Операции с недвижимым имуще- ством, аренда и предоставление услуг	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	Предоставление прочих комму-	:	Прочие виды деятельности

Примечание. *ВЭД, на которых специализируется регион ($LQ_i > 1$)

Резюмируя все вышесказанное, можно заключить, что за весь исследуемый период структура занятости населения в регионах трансграничного взаимодействия с КНР трансформировалась более существенно (значение индекса Салаи изменялось в диапазоне от 0,07 до 0,16), чем на национальном уровне, что свидетельствует о наличии определенных особенностей в регионах трансграничного взаимодействия. Использование метода разложения абсолютного изменения численности занятых в экономике на обусловившие это изменение компоненты позволило выделить часть видов деятельности, которые подверглись наибольшему воздействию регионального фактора. На фоне общего развития отрасли ввиду наличия благоприятных региональных условий стал развиваться гостиничный бизнес (в Иркутской области и Приморском крае), оптовая и розничная торговля (в Амурской и Иркутской областях), строительство (в Забайкальском крае), добыча полезных ископаемых (в Еврейской АО, Иркутской области, Хабаровском и Приморском краях).

Тенденция усиления сырьевой направленности экономики, наблюдаемая в настоящее время в отдельных регионах Сибири и Дальнего Востока, не может не вызывать определенных опасений. Необходимость снижения ресурсной направленности признается и органами государственной власти. Так, в предусмотренного Стратегией социальнооснову базового сценария, экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. [38], положено развитие новых секторов экономики с глубокой переработкой сырья и создание инновационных предприятий, а также масштабное технологическое обновление и модернизация производств. Однако данные направления не стыкуются с конкретными программными документами в сфере приграничного сотрудничества [26], которые предусматривают реализацию на российской стороне преимущественно сырьевых проектов. Опасной тенденцией также можно считать и перенесение устаревших и экологически небезопасных технологий в приграничные регионы РФ под видом инвестиций из Китая [39, 40], который в последние годы взял курс на развитие низкоуглеродной и энергоэффективной экономики и ведет активную политику, направленную на сохранение собственных природных ресурсов и улучшение качества окружающей среды.

Другой не менее важной проблемой является наблюдаемая в последние годы устойчивая тенденция оттока населения с восточных территорий РФ. Так, по данным за 2014 г. [41], миграционная убыль населения была отмечена во всех упомянутых выше регионах (за исключением Республики Алтай). Исследование миграционных настроений молодежи в Забайкальском крае показало, что основные мотивы покинуть приграничный регион связаны с отсутствием возможности получить интересную работу и сделать карьеру, а также низкий уровень заработной платы в регионе [42]. Таким образом, о заметных изменениях в структуре экономических систем, интенсификации модернизационных процессов [43], а также заметном повышении благосостояния населения в восточных регионах говорить не приходится.

Необходимо заключить, что в условиях предполагаемого расширения сотрудничества в рамках ЭПШП важным направлением для достижения сбалансированного социально-экономического развития является создание региональных «точек» роста, зон свободного предпринимательства, развитие

малого бизнеса и сферы услуг, что, в свою очередь, будет способствовать росту занятости и улучшит современную ситуацию с миграционной убылью населения в восточных регионах.

Литература

- 1. *Чжу Ю*. «Один пояс, один путь» и китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 100–106.
- 2. *Dong S., Li Z., Li Y. et al.* Resources, Environment and Economic Patterns and sustainable development modes of the Silk Road Economic Belt // Journal of Resources and Ecology. 2015. Vol. 6, № 2. P. 65–72.
- 3. *Идея* сопряжения проектов ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути [Электронный ресурс]: Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: http://economy.gov.ru/minec/press/interview/2015082704 (дата обращения: 24.01.2017).
- 4. Глазырина И.П., Фалейчик А.А., Фалейчик Л.М. Приграничное сотрудничество в свете инвестиционных процессов: пока минусов больше, чем плюсов // ЭКО. 2011. № 9. С. 51–70.
- 5. Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А. Экологическая составляющая экономического развития: приграничные регионы России и Китая // ЭКО. 2014. № 6. С. 5–24.
- 6. *Забелина И.А., Клевакина Е.А.* Структурные сдвиги в экономике приграничных регионов РФ и КНР // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 46 (331). С. 41–55.
- 7. Esteban-Marquillas J.M. A reinterpretation of shift-share analysis // Regional and Urban Economics. 1972. Vol. 2, № 3. P. 249–255.
- 8. Arcelus F. An extension of shift-share analysis // Growth and Change. 1984. Vol. 15, № 1. P. 3–8.
- 9. Спасская О.В. Макроэкономические методы исследования и измерения структурных изменений // Науч. тр. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2003. Т. 1. С. 20–39.
- 10. *Memedovic O.* Structural change in the world economy: Main features and trends. Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2010. 52 p.
- 11. Ehmer P. Structural change in China // Deutsche Bank Research. [Electronic resourse]. URL: http://www.dbresearch.com/MAIL/DBR_INTERNET_EN-PROD/PROD0000000000270068.pdf (access date: 16.02.2011).
- 12. Luukkanen J., Panula-Ontto J., Vehmasa J. et al. Structural change in Chinese economy: Impacts on energy use and CO₂ emissions in the period 2013–2030 // Technological Forecasting and Social Change. 2015. № 94. P. 303–317.
- 13. *Аралбаева Г.Г., Афанасьев В.Н.* Прогнозирование структурных сдвигов в отраслевой структуре экономики Оренбургской области на основе системы эконометрических уравнений // Вестн. Оренбург, гос. ун-та. 2011. № 13. С. 23–29.
- 14. *Елхина И.А.* Структурные сдвиги и структурные различия хозяйственных систем в России // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. 2014. № 4 (53). С. 38–41.
- 15. *Карлина Т.В.* Идентификация ядер региональных экономических кластеров на основе анализа структурных сдвигов в условиях циклично развивающейся экономики // Вестн. Перм. ун-та. 2011. № 4. С. 22–25.
- 16. Строева Г.Н. Структурные изменения в занятости населения Хабаровского края // Учен. заметки ТОГУ. 2014. Т. 5, № 4. С. 1396–1398.
- 17. Shi Ch. Y., Yang Y.A. Review of shift-share analysis and its application in tourism // International Journal of Management Perspectives. 2008. № 1. P. 21–30.
- 18. Шмидт И.Ю. Структурные сдвиги в аграрном секторе экономики. Тверь: Тверская государственная сельскохозяйственная академия, 2014. 175 с.
- 19. Fan Sh., Zhang X., Robinson Sh. Structural change and economic growth in China // Review of Development Economics. 2003. № 7(3). P. 360–377.
- 20. *Urraca-Ruiz A*. The technological dimension of structural change under market integration // Structural Change and Economic Dynamics. 2013. № 27. P. 1–190.
- 21. Chen B. Modeling and testing smooth structural changes with endogenous regressors // Journal of Econometrics. 2015. Vol. 185, № 1. P. 196–215.
- 22. Stock J.H., Watson M.W. Evidence on structural instability in macroeconomic time series relations // Journal of Business and Economic Statistics. 1996. № 14. P. 11–30.

- 23. *Hansen B*. The new econometrics of structural change: Dating breaks in U.S. Labor Productivity // Journal of Economic Perspectives. 2001. № 15. P. 117–128.
- 24. Stijepic D. A geometrical approach to structural change modeling // Structural Change and Economic Dynamics. 2015. Vol. 33. P. 71–85.
- 25. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 20.10.2017).
- 26. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009 2018 годы) [Электронный ресурс]: Право РФ и КНР. URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm (дата обращения: 01.09.2016).
- 27. Горные проекты Забайкалья [Электронный ресурс]: Региональный портал Дальний Восток и недропользование. URL: http:// nedradv.ru/news/ branch/?id_obj= 02938b5c2157b22e8f17b92010001b4a (дата обращения: 01.09.2016).
- 28. *Норникель* пообещал запустить Быстринский ГОК на юго-востоке края в IV квартале 2017 г. [Электронный ресурс]: Городской портал Чита.ру. URL: https://www.chita.ru/news/88321/ (дата обращения: 02.12.2016).
- 29. *Ломакина Н.В.* Промышленное развитие Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая: цели, результаты и возможности для сотрудничества // ЭКО. 2014. № 6. С. 25–39.
- 30. Программа социально-экономического развития Приморского края на 5 лет (2013–2017 годы) [Электронный ресурс]: Официальный сайт Администрации Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края. URL: http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics /program-of-socio-economic-development-of-the-primorsky-territory-for-5-years-2013-2017.php (дата обращения: 19.01.2017).
- 31. Стратегия социально-экономического развития Еврейской автономной области до 2020 года [Электронный ресурс]: Портал органов государственной власти Еврейской автономной области. URL: http://www.eao.ru/o-eao/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-eao-/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-eao-do-2020-goda--2/ (дата обращения: 19.01.2017).
- 32. Инвестиционные предложения [Электронный ресурс]: Инвестиционный портал Хабаровского края. URL: http://invest.khabkrai.ru/ (дата обращения: 19.01.2017).
- 33. Программа социально-экономического развития Амурской области на 2013-2017 годы [Электронный ресурс]: Официальный сайт Министерства экономического развития Амурской области. URL: http://mer.amurobl.ru/ru/sections/55 (дата обращения: 25.11.2015).
- 34. *Карта* инвестиционных проектов [Электронный ресурс]: Инвестиционный портал Иркутской области. URL: http://invest.irkobl.ru/ru/catalog?type=projects&hide-map=0&area=&otrasl=&nm=&cost%5Bmin%5D=&cost%5Bmax%5D= (дата обращения: 19.01.2017).
- 35. Концепцию Забайкальского горно-металлургического кластера обсудили на КЭФ [Электронный ресурс]: Российская кластерная обсерватория. URL: http://cluster.hse.ru/news/1372/ = (дата обращения: 24.01.2017).
- 36. Показатели социально-экономического развития Хабаровского края в 2015 году [Электронный ресурс]: Официальный сайт Правительства Хабаровского края. URL: https://www.khabkrai.ru/?menu=getfile&id=29179 (дата обращения: 26.01.2017).
- 37. Итоги социально-экономического развития Приморского края за 2014 год [Электронный ресурс]: Официальный сайт Администрации Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края. URL: http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/development/results/ (дата обращения: 26.01.2017).
- 38. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Информационно-правовой портал Гарант. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6632462/ (дата обращения: 26.01.2017).
- 39. Экологические риски российско-китайского трансграничного сотрудничества // [Электронный ресурс]. URL: wwf.ru/data/pub/shvarts/russia-china_for_web.pdf
- 40. Глазырина И.П., Забелина И.А. Перспективы «зеленого» роста на востоке России и Новый Шелковый путь // ЭКО. 2016. № 7. С. 5–20.
- 41. Демографический ежегодник России 2015 г. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15 16/Main.htm (дата обращения: 26.01.2016).

- 42. *Богомолова Т.Ю.*, *Глазырина И.П.* Мотивы потенциальной миграции забайкальских студентов // Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски / под ред. И.П. Глазыриной, Л.М. Фалейчик. Чита: ЗабГУ, 2014. С. 420–425.
- 43. Глазырина И.П. Минерально-сырьевой комплекс в экономике Забайкалья: опасные иллюзии и имитация модернизации // ЭКО. 2011. № 1. С. 19–35.

Zabelina I.A., Department for ecological economics, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of the Siberian branch, Russian Academy of Sciences. Chair of Informatics, Computer Science and Applied Mathematics, Transbaikal state university. E-mail: i zabelina@mail.ru

Klevakina E.A., Department for ecological economics, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of the Siberian branch, Russian Academy of Sciences. Chair of Informatics, Computer Science and Applied Mathematics, Transbaikal state university. E-mail:bedew@yandex.ru

Denisenko I.S. Department for ecological economics, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of the Siberian branch, Russian Academy of Sciences. Chair of Informatics, Computer Science and Applied Mathematics, Transbaikal state university. E-mail: innesadis@mail.ru

REGIONAL STRUCTURAL SHIFTS IN THE POPULATION EMPLOYMENT: EASTERN REGIONS OF THE NEW SILK ROAD

Keywords: employment structure, border regions, Russian-Chinese cooperation, structural shifts, specialization branches.

The article is devoted to the study of structural shifts in employment of the population of the regions of transboundary interaction with China. It is established that for the time interval under consideration the structure of employment of the population in these regions has been transformed more significantly in comparison with the average national level, which indicates the presence of certain features. The use of the method of decomposition of the absolute change in employment in the economy on the causing components made it possible to identify certain activities that in recent years have been most affected by the regional factor in the context of the development of transboundary relationships.

References

- 1. Chzhu YU. «Odin poyas, odin put» i kitaysko-rossiyskoye torgovo-ekonomicheskoye sotrudnichestvo // Problems of the Far East. 2016. № 4, pp. 100-106.
- 2. Dong S., Li Z., Li Y., Shi G., Yu H., Wang J., Li J., Mao Q., Huang Y. Resources, Environment and Economic Patterns and sustainable development modes of the Silk Road Economic Belt // Journal of Resources and Ecology. 2015. Vol. 6. № 2, pp. 65–72.
- 3. The idea of conjugation of the projects of the EAEC and the Economic belt of the Silk Road [Electronic resource]: The official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Access mode: http://economy.gov.ru/minec/press/interview/2015082704 (reference date: January 24, 2017).
- 4. Glazyrina I.P., Faleychik A.A., Faleychik L.M. Prigranichnoye sotrudnichestvo v svete investitsionnykh protsessov: poka minusov bolshe, chem plyusov // EKO. 2011. № 9, pp. 51–70.
- 5. Glazyrina I.P., Zabelina I.A., Klevakina Ye.A. Ekologicheskaya sostavlyayushchaya ekonomicheskogo razvitiya: prigranichnyye regiony Rossii i Kitaya // EKO. 2014. № 6, pp. 5–24.
- 6. Zabelina I.A., Klevakina Ye.A. Strukturnyye sdvigi v ekonomike prigranichnykh regionov RF i KNR // Natsionalnyye interesy: prioritety i bezopasnost. 2015. № 46 (331), pp. 41-55.
- 7. Esteban-Marquillas J.M. A reinterpretation of shift-share analysis // Regional and Urban Economics. 1972. Vol. 2. № 3. pp. 249-255.
- 8. Arcelus F. An extension of shift-share analysis // Growth and Change. 1984. Vol. 15. № 1, pp. 3–8.
- 9. Spasskaya O.V. Makroekonomicheskiye metody issledovaniya i izmereniya strukturnykh izmeneniy // Scientific works of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. 2003. T. 1, pp. 20-39.
- 10. Memedovic O. Structural change in the world economy: Main features and trends. Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2010, pp. 52.

- 11. Ehmer P. Structural change in China // Deutsche Bank Research. 16.02.2011 [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.dbresearch.com/MAIL/DBR_INTERNET_EN-PROD/PROD000000000270068.pdf.
- 12. Luukkanen J, Panula-Ontto J, Vehmasa J, Liyong L., Kaivo-ojaa J., Häyhäa L., Auffermanna B. Structural change in Chinese economy: Impacts on energy use and CO2 emissions in the period 2013–2030 // Technological Forecasting and Social Change. 2015. № 94, pp. 303–317.
- 13. Aralbayeva G.G., Afanasyev V.N. Prognozirovaniye strukturnykh sdvigov v otraslevoy strukture ekonomiki Orenburgskoy oblasti na osnove sistemy ekonometricheskikh uravneniy // Bulletin of the Orenburg State University. 2011. № 13, pp. 23-29.
- 14. Yelkhina I.A. Strukturnyye sdvigi i strukturnyye razlichiya khozyaystvennykh sistem v Rossii // Bulletin of the Saratov State Social and Economic University. 2014. No. 4 (53), pp. 38-41.
- 15. Karlina T.V. Identifikatsiya yader regionalnykh ekonomicheskikh klasterov na osnove analiza strukturnykh sdvigov v usloviyakh tsiklichno razvivayushcheysya ekonomiki // Bulletin of Perm University. 2011. № 4, pp.22-25
- 16. Stroyeva G.N. Strukturnyye izmeneniya v zanyatosti naseleniya Khabarovskogo kraya // Educational notes of the Pacific University. 2014. T.5, No. 4, pp. 1396-1398.
- 17. Shi Ch. Y., Yang Y.A. Review of shift-share analysis and its application in tourism // International Journal of Management Perspectives. 2008. № 1, pp. 21–30.
- 18. Shmidt I.YU. Strukturnyye sdvigi v agrarnom sektore ekonomiki. Tver: Tver State Agricultural Academy, 2014, pp. 175.
- 19. Fan Sh., Zhang X., Robinson Sh. Structural change and economic growth in China. Review of Development Economics. 2003. № 7(3), pp. 360–377.
- 20. Urraca-Ruiz A. The technological dimension of structural change under market integration // Structural Change and Economic Dynamics. 2013. № 27, pp. 1–190.
- 21. Chen B. Modeling and testing smooth structural changes with endogenous regressors // Journal of Econometrics. 2015. Vol. 185. № 1, pp. 196-215.
- 22. Stock J.H., Watson M.W. Evidence on structural instability in macroeconomic time series relations // Journal of Business and Economic Statistics. 1996. № 14, pp. 11-30.
- 23. Hansen B. The new econometrics of structural change: Dating breaks in U.S. Labor Productivity // Journal of Economic Perspectives. 2001. № 15, pp. 117-128.
- 24. Stijepic D. A geometrical approach to structural change modeling // Structural Change and Economic Dynamics. 2015. Vol. 33, pp. 71-85.
- 25. Regions of Russia. Socio-economic indicators [Electronic resource]: Official site of the Federal State Statistics Service. Access mode: http://www.gks.ru/wps/wcm/Connect / rosstat_main / rosstat / en / statistics / publications / catalog / doc 1138623506156 (date of circulation: 20.10.2017).
- 26. Program of cooperation between the regions of the Far East and Eastern Siberia of the Russian Federation and the Northeast of the PRC (2009 2018) [Electronic resource]: The law of the Russian Federation and the PRC. Access mode: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm (reference date: 01/09/2016).
- 27. Mountain projects of Transbaikalia [Electronic resource]: Regional portal Far East and subsoil use. Mode of access: http://nedradv.ru/news/branch/?id_obj=02938b5c2157b22e8f17b92010001b4a (circulation date ^ 01/09/2016).
- 28. Norilsk Nickel promised to launch Bystrinsky GOK in the southeast of the region in the fourth quarter of 2017. [Electronic resource]: City portal Chita.ru. Access mode: https://www.chita.ru/news/88321/ (reference date: 02.12.2016).
- 29. Lomakina N.V. Promyshlennoye razvitiye Dalnego Vostoka Rossii i Severo-Vostoka Kitaya: tseli, rezultaty i vozmozhnosti dlya sotrudnichestva // EKO. 2014. № 6. pp. 25-39.
- 30. Program of socio-economic development of Primorsky Krai for 5 years (2013 2017) [Electronic resource]: Official site of the Primorsky Krai Administration and executive authorities of the Primorsky Territory. Access mode: http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/ departments/economics/program-of-socio-economic-development-of-the-primorsky-territory-for-5-years-2013-2017.php (date of circulation: January 19, 2017).
- 30. Programma sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Primorskogo kraya na 5 let (2013-2017 gody) [Elektronnyy resurs]: Ofitsial'nyy sayt Administratsii Primorskogo kraya i organov ispolnitel'noy vlasti Primorskogo kraya. Rezhim dostupa: http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics /program-of-socio-economic-development-of-the-primorsky-territory-for-5-years-2013-2017.php (data obrashcheniya: 19.01.2017).

- 31. Strategy for the socio-economic development of the Jewish Autonomous Region until 2020 [Electronic resource]: Portal of government authorities of the Jewish Autonomous Region. Access mode: http://www.eao.ru/o-eao/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-eao-/strategiya-sotsialno-ekesticheskogo-razvitiya-eao-do-2020-goda--2/ (date of circulation: 19.01.2017).
- 32. Investment proposals [Electronic resource]: Investment portal of the Khabarovsk Territory. Mode of access: http://invest.khabkrai.ru/ (date of circulation: 19.01.2017).
- 33. Program of social and economic development of the Amur Region for 2013-2017 [Electronic resource]: Official website of the Ministry of Economic Development of the Amur Region. Access mode: http://mer.amurobl.ru/en/sections/55 (reference date: 25.11.2015).
- 34. Map of investment projects [Electronic resource]: Investment portal of Irkutsk region. Access mode: http://invest.irkobl.ru/en/catalog?type=projects&hide-map=0&area= &otrasl= &nm= &cost%5Bmin%5D=&cost%5Bmax%5D= (date of circulation: January 19, 2017).
- 35. The concept of the Transbaikalian mining and metallurgical cluster was discussed at the KEF [Electronic resource]: Russian cluster observatory. Access mode: http://cluster.hse.ru/news/1372/ = (date of circulation on 01.24.2017).
- 36. Indicators of socio-economic development of the Khabarovsk Territory in 2015 [Electronic resource]: Official site of the Government of the Khabarovsk Territory / Access mode: https://www.khabkrai.ru/?menu=getfile&id=29179 (reference date: 26/01/2017).
- 37. Results of social and economic development of Primorsky Krai for 2014 [Electronic resource]: Official site of the Administration of Primorsky Krai and executive authorities of Primorsky Krai. Access mode: http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/ economics/development/results/ (reference date: January 26, 2017).
- 38. Strategy of socio-economic development of the Far East and the Baikal region for the period until 2025 [Electronic resource]: Information and Legal Portal Garant. Access mode: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6632462/ (reference date: January 26, 2017).
- $39.\ Environmental\ risks\ of\ Russian-Chinese\ cross-border\ cooperation\ [Electronic\ resource].\ URL:\ wwf.ru/data/pub/shvarts/russia-china\_for\_web.pdf$
- 40. Glazyrina I.P., Zabelina I.A. Perspektivy «zelenogo» rosta na vostoke Rossii i Novyy Shelkovyy put // EKO. 2016. № 7. pp. 5-20.
- 41. Demographic Yearbook of Russia 2015 // [Electronic resource]: Official site of the Federal State Statistics Service. Access mode: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm (date of circulation on 01/26/2016).
- 42. Bogomolova T.YU., Glazyrina I.P. Motivy potentsialnoy migratsii zabaykalskikh studentov // Prirodnyy kapital regiona i rossiysko-kitayskiye transgranichnyye otnosheniya: perspektivy i riski / edited by Glazyrinoy I.P., Faleychik L.M. Chita: ZabGU, 2014. pp. 420-425.
- 43. Glazyrina I.P. Mineralno-syryevoy kompleks v ekonomike Zabaykalya: opasnyye illyuzii i imitatsiya modernizatsii // EKO. 2011. № 1. pp. 19-35.

Zabelina I.A., Klevakina E.A., Denisenko I.S. Regional'nye strukturnye sdvigi v zanyatosti naseleniya: vostochnye regiony novogo shelkovogo puti [Regional structural shifts if the population employment: eastern regions of the new silk road]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 39, pp. 80–98.

УДК 332.135

DOI: 10.17223/19988648/39/7

Р.Е.Мансуров, А.А.Заседова

РЕЙТИНГ УРОВНЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ САМООБЕСПЕЧЕННОСТИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ АПК

На основе анализа современной ситуации по обеспечению продовольственной безопасности России было получено, что в настоящее время необходимой является разработка действенных индикаторов, показывающих уровень самообеспеченности регионов основными продуктами питания. Также было выявлено, что сейчас такого индикатора в системе регионального управления АПК нет. В результате обобщения существующих подходов была предложена авторская методика рейтинговой оценки уровня продовольственной самообеспеченности районов Томской области по основным видам продуктов питания. Предлагаемый подход основан на использовании аналитических методов математическог и сравнительного анализа и предусматривает формирование итогового рейтинга. В исследовании учтены статистические материалы результатов работы АПК области за 2016 г. Предлагаемая методика может быть применена в системе регионального управления агропромышленным комплексом на федеральном и местном уровне. Научная новизна данного исследования заключается в авторском подходе к оценке уровня самообеспечения основными продуктами питания в регионе с определением рейтингового значения.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, самообеспеченность продовольствием, региональное управление АПК, рейтинговая оценка.

Введение. В настоящее время вопросы достижения самообеспеченности в регионах основными продуктами питания становятся все более актуальными. С одной стороны, это обусловлено постоянным изменением и ужесточением ситуации на внешнеполитической арене, выражающимися во введении различных запретов и санкций и представляющими потенциальную угрозу для продовольственной безопасности страны. С другой стороны, существует адекватная потребность в развитии собственных агропромышленных производств, что повышает уровень жизни и занятости сельского населения [1–3]. Почвенно-климатическими ресурсами при этом основная часть регионов нашей страны хорошо обеспечена. Таким образом, сейчас важной представляется разработка действенных управленческих механизмов, способных контролировать динамику уровня продовольственной самообеспеченности в разрезе районов соответствующего региона страны. Решению данной проблемы и посвящена настоящая статья. Анализ ряда научных и практических материалов [4-6] показал, что в настоящее время в системе регионального управления АПК единого индикатора уровня самообеспеченности регионов основными продуктами питания нет. В результате обобщения существующих подходов [7-9] предлагается нижеизложенная авторская методика рейтинговой оценки уровня самообеспеченности регионов и приводится ее апробация на примере районов Томской области. Научная новизна данного исследования заключается в авторском подходе к оценке уровня самообеспечения основными продуктами питания в регионе с определением рейтингового значения. При этом практическая значимость заключается в предложенной методике рейтинговой оценки самообеспеченности основными продуктами питания, которая может быть использована в системе регионального управления агропромышленным комплексом на федеральном и местном уровне.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является разработка методики оценки уровня самообеспеченности продовольствием, а также оценка уровня самообеспеченности основными видами продуктов питания районов Томской области. Для достижения поставленной цели в работе были решены следующие задачи: провести общий анализ системы регионального управления АПК на предмет применяемости индикаторов уровня самообеспеченности основными продуктами питания, разработать рейтинговую методику оценки уровня самообеспеченности продовольствием, провести апробацию разработанной методики на примере деятельности АПК Томской области.

Материалы и методы исследования. В исследовании используются статистические материалы результатов работы АПК Томской области за 2016 г. В работе применяются аналитические методы, в том числе математического и сравнительного анализа.

Результаты исследования. Рекомендуемые объемы потребления основных пищевых продуктов согласно Приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ [10] представлены в табл. 1.

Предлагается следующая методика расчета рейтинга самообеспеченности основными продуктами питания:

І. Формируется аналитическая таблица (табл. 2).

В ней в разрезе районов (городов) области приводятся данные о фактическом производстве сельскохозяйственной продукции по основным видам. Далее с учетом численности населения районов (города) и вышеприведенных норм потребления основных пищевых продуктов рассчитываются нормативные показатели. Рассмотрим данный этап более подробно:

•	
Группа продуктов	Рекомендуемый объем, кг/год/чел.
Хлебобулочные и макаронные изделия в пересчете на муку	95–105
Картофель	95–100
Овощи и бахчевые	120–140
Фрукты и ягоды	90–100
Мясо и мясопродукты	70–75
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	320–340
Яйца	260 шт.
Caxap*	24–28

Таблица 1. Рекомендуемые объемы потребления основных пищевых продуктов [10]

^{*} Данная позиция не участвует в оценке уровня самообеспеченности в связи с тем, что в регионе не возделывают сахарную свеклу и отсутствуют сахарные заводы.

Таблица 2. Расчет отклонений фактических и нормативных значений обеспеченности основными продуктами питания в разрезе районов Томской области в 2016 г.

	Зернс	новые культуры, тыс.т	ьтуры,	Kap	Картофель, тыс.т	HC.T	og O	Овощи, тыс.т	T	Фрукть	Фрукты и ягоды, тыс. т	Thic. T	Скот и	Скот и птица на убой живом весе), тыс.т	а убой (в тыс.т	Mo	Молоко, тыс.т	T.	 	Яйца, млн. штук	ук
Муниципальный район, городской округ, город	тявФ	вмдоН	.IDITO	Факт	вмдоН	Откл.	ТЖВФ	вмдоН	Откл.	тявФ	нормя	Откл.	тявФ	вмдоН	.IDITO	ТЯВФ	вмдоН	Откл.	ТЯВФ	вмдоН	OTKII.
г. Томск	0,2	82,7	-82,5	13,2	59,1	45,9	4,056	82,7	-78,7	0,496	59,1	-58,6	0,32	44,3	-44,0	2,05	200,9	-198,8	0,43	153,6	-153,2
г. Кедровый		0,5	-0,5	0,7	0,3	0,4	0,315	0,5	-0,1	0,029	0,3	-0,3	0,03	0,2	-0,2	0,30	1,1	8'0-	0,17	6,0	-0,7
г. Стрежевой		5,9	6'5-	3,8	4,2	-0,4	6990	5,9	-5,2	860,0	4,2	-4,1	0,13	3,1	-3,0	2,13	14,3	-12,1	60,0	10,9	-10,8
г. Северск*		16,0	-16,0		11,5	-11,5		16,0	-16,0		11,5	-11,5		9,8	9,8-		38,9	-38,9		29,8	-29,8
Александровский		1,2	-1,2	1,3	8,0	0,4	0,460	1,2	-0,7	0,052	8'0	8'0-	0,07	9,0	9,0-	92'0	2,8	-2,0	60'0	2,1	-2,1
Асиновский	8,0	8,4	3,2	0,11	3,4	7,5	3,224	4,8	-1,6	0,085	3,4	-3,3	1,01	2,6	-1,6	11,36	11,7	-0,3	1,05	6,8	-7,9
Бакчарский	4,2	1,7	2,5	5,6	1,2	4,4	1,835	1,7	0,1	0,061	1,2	-1,2	98'0	6'0	-0,1	3,55	4,1	9,0-	1,02	3,2	-2,1
Верхнекетский		2,3	-2,3	4,0	1,6	2,4	1,705	2,3	5,0-	0,051	1,6	-1,6	0,16	1,2	-1,0	1,57	5,5	-3,9	0,48	4,2	-3,7
Зырянский	22,0	1,7	20,3	7,1	1,2	6,5	2,268	1,7	9,0	0,013	1,2	-1,2	1,35	6'0	0,4	11,11	4,1	7,0	1,54	3,1	-1,6
Каргасокский		2,8	-2,8	6,0	2,0	4,1	2,309	2,8	-0,5	0,180	2,0	-1,8	0,21	1,5	-1,3	2,27	6,7	4,4	0,35	5,1	4,8
Кожевниковский	59,4	2,8	9'95	11,8	2,0	8,6	2,616	2,8	-0,2	0,169	2,0	-1,9	2,57	1,5	1,0	23,99	6,9	17,1	1,66	5,3	-3,6
Колпашевский		5,4	-5,4	8,6	3,9	4,8	2,809	5,4	-2,6	0,193	3,9	-3,7	0,37	2,9	-2,5	4,01	13,2	-9,2	0,47	10,1	9,6-
Кривошеннский	9'9	1,7	6'4	6,5	1,2	4,6	1,889	1,7	0,2	0,067	1,2	-1,2	98'0	6'0	-0,1	13,44	4,2	9,2	0,73	3,2	-2,5
Молчановский	8,0	1,8	6'0-	5,3	1,3	4,1	1,688	1,8	-0,1	0,174	1,3	-1,1	0,32	6'0	9'0-	3,87	4,3	-0,4	0,43	3,3	-2,9
Парабельский		1,7	-1,7	3,6	1,2	2,4	1,679	1,7	-0,1	0,116	1,2	-1,1	0,21	6,0	-0,7	1,83	4,2	-2,4	0,24	3,2	-3,0
Первомайский	5,1	2,4	2,7	0,6	1,7	7,2	2,637	2,4	0,2	0,266	1,7	-1,5	1,23	1,3	-0,1	8,80	5,8	3,0	0,70	4,5	-3,8
Тегульдетский		6,0	6'0-	2,2	9,0	1,6	1,056	6,0	0,2	0,015	9,0	9,0-	0,15	5,0	-0,3	1,72	2,1	-0,4	0,16	1,6	-1,5
Томский	23,3	10,1	13,1	59,2	7,2	52,0	27,515	10,1	17,4	1,215	7,2	-6,0	52,5	5,4	47,1	32,10	24,6	7,5	109,3	18,8	5,06
Чаинский	1,8	1,7	0,1	4,4	1,2	3,2	2,287	1,7	9,0	0,033	1,2	-1,2	09,0	6,0	-0,3	6,87	4,0	2,8	0,57	3,1	-2,5
Шегарский	20,2	2,7	17,5	11,1	1,9	9,1	1,759	2,7	-1,0	0,140	1,9	-1,8	0,93	1,5	5'0-	7,69	9,9	1,1	1,49	5,0	-3,5
Всего	151,6	151	6'0	174	107,7	1,99	62,802	150,8	-88,0	3,454	107,7	-104,2	63,9	808	6'91-	139,43	366,2	-226,7	121	280,0	-159,0

 $\mathit{Источник}$: составлено авторами по официальным данным Федеральной службы государственной статистики. * Данный населенный пункт является закрытым административно-территориальным образованием (ЗАТО).

- 1) Зерновые культуры. Берутся фактические значения валового сбора пшеницы, ржи, тритикале, ячменя и овса, как основных источников сырья для мукомольной промышленности. Из них вычитаются потери зерна на отходы и усушку 7% [11], а также расход зерна на кормовые цели 50% (экспертный показатель). Затем рассчитываются нормативные значения. Для этого берется численность населения, проживающего в районе (городе), и умножается на приведенный в табл. 1 норматив 105 кг/год/чел. Здесь и далее брались максимальные значения нормы. Далее полученное количество муки, необходимое для обеспечения населения на нормативном уровне, пересчитывалось на зерно с учетом выхода муки из зерна на уровне 0,75 [12]. Таким образом, были рассчитаны фактические значения полученных зерновых культур, которые можно использовать в качестве сырья для мукомольного производства, и нормативная потребность населения района (города) в хлебобулочных и макаронных изделиях в пересчете на зерно. Далее находится отклонение нормативных и фактических значений (табл. 2).
- 2) К а р т о ф е л ь. Берутся фактические валовые сборы картофеля. Из них вычитаются потери при хранении и транспортировке 30% [13]. Затем рассчитываются нормативные значения потребления картофеля. Для этого берется численность населения, проживающего в районе (городе), и умножается на приведенный в табл. 1 норматив 100 кг/год/чел. Далее находится отклонение нормативных и фактических значений (см. табл. 2).
- 3) Овощи. Расчет значений аналогичен картофелю. Потери при хранении и транспортировке также принимались на уровне 30% [14].
- 4) Фрукты и ягоды. Расчет значений аналогичен картофелю и овощам. Потери при хранении и транспортировке также принимались на уровне 30% [15].
- 5) Скот и птица на убой. Берутся фактические значения скота и птицы на убой в живом весе. Принимается убойный выход на уровне 50% [16]. Затем рассчитываются нормативные значения. Для этого берется численность населения, проживающего в районе (городе), и умножается на приведенный в табл. 1 норматив 75 кг/год/чел. Далее находится отклонение нормативных и фактических значений.
- 6) Молоко. Берутся фактические значения полученного товарного молока. Рассчитываются нормативные потребности населения в молоке с учетом численности и нормы (табл. 2) 340 кг/год/чел. Далее находится отклонение нормативных и фактических значений.
- 7) Яйца. Также берутся фактические значения полученных товарных яиц. Рассчитываются нормативные потребности населения в яйце с учетом численности населения и нормы (табл. 2) 260 штук/год/чел. Затем находится отклонение нормативных и фактических значений.

Стоит отметить, что г. Северск Томской области имеет статус закрытого административно-территориального образования (ЗАТО). Ввиду отсутствия сведений официальной статистики по нему в рамках нашего исследования фактические значения агропромышленного производства по видам продукции условно принимались равными 0. При этом норматив потребления основных продуктов питания рассчитывался в зависимости от официальной

Таблица 3. Результаты расчета рейтингового значения самообеспеченности основными продуктами питания в разрезе районов Томской области в 2016 г.

	Ранг	-	2	3	4	S	9	7	8	6	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	x
	R	0,881	0,786	0,759	0,753	0,743	0,738	69'0	999'0	0,597	0,563	0,464	666,0	0,353	0,334	0,332	0,292	0,269	0,178	0,043	0	0,579
и	$\sum_{i=I} C_{fc}$	6,168	5,500	5,315	5,269	5,203	891'5	4,880	4,656	4,176	686'8	3,250	162,7	2,474	2,336	2,325	2,045	1,883	1,247	6,303	0	4,052
	Яйца, млн. штук	1	0,489	0,313	0,157	0,227	0,322	0,183	0,295	0,117	0,131	0,099	0,075	0,068	0,196	0,115	0,046	0,042	0,008	0,003	0	0,432
	Молоко, тыс.т	1	1	1	1	1	0,857	1	1	0,973	0,901	808'0	0,434	0,338	0,265	0,287	0,304	0,272	0,149	0,010	0	0,381
	Скот и птица на убой (в жи- вом весе), тыс.т	1	1	1	0,957	0,922	0,939	699'0	0,639	0,390	0,342	0,319	0,223	0,142	0,105	0,134	0,127	0,108	0,040	0,007	0	0,791
$C_{\!$	Фрукты и ягоды, тыс. т	0,168	0,011	0,083	0,155	0,055	0,050	0,028	0,072	0,025	0,138	0,024	0,093	0,091	0,089	0,031	0,050	0,063	0,023	0,008	0	0,032
	Овощи, тыс.т	1	1	0,918	1	1	1	1	0,649	0,671	0,955	1	996'0	0,835	0,681	0,757	0,518	0,399	0,118	0,049	0	0,417
	Картофель, тыс.т	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0,908	0,223	0	1
	Зерновые культуры, тыс.т		1	1	П	1	1	1	1	П	0,471	0	0	0	0	0	0	0	0	0,002	0	1
Мунининан н й	му пидинальный район, городской округ, город	Томский	Зырянский	Кожевниковский	Первомайский	Кривошеинский	Бакчарский	Чаинский	Шегарский	Асиновский	Молчановский	Тегульдетский	Парабельский	Каргасокский	г. Кедровый	Верхнекетский	Колпашевский	Александровский	г. Стрежевой	г. Томск	г. Северск*	Всего

^{*} Данный населенный пункт является закрытым административно-территориальным образованием (ЗАТО). *Источник*: составлено авторами.

численности населения данных административно-территориальных образований.

II. Рассчитывается рейтинг самообеспеченности основными продуктами питания по области в разрезе районов:

$$R = \frac{\sum_{i=1}^{n} C_{fc}}{\sum_{i=1}^{n} C_{i}},$$
(1)

где R — рейтинговое значение самообеспеченности основными продуктами питания; $i=1\dots n$ — количество категорий основных продуктов питания, используемых в расчете; C_{fc} — значения отклонений фактических и нормативных показателей (рассчитанные в табл. 2), приведенные к условному виду; C_i — эталонные значения отклонений фактических и нормативных показателей.

Поясним, каким образом предлагается приводить значения отклонений фактических и нормативных показателей, рассчитанных в табл. 2, к условному виду. Рекомендуется следующий подход: если значение отклонения $C_f \ge 1$, т.е. обеспечение продуктом питания полное или избыточное, то C_{fc} принимается равным1. Если $C_f < 1$, то C_{fc} остается на уровне рассчитанного значения отклонения. Смысл данного условия заключается в том, чтобы в рейтинге самообеспеченности не учитывать объемы производства продуктов питания выше нормативного уровня. Таким образом, получается, что эталонные значения отклонений C_i будут равны 1. Следовательно, с учетом того, что у нас рассматривается 8 основных видов продуктов питания, знаменатель формулы 1 будет равен 8. Показатели по районам (городу) были рассчитаны и проранжированы по убыванию рейтинга. Результаты представлены в табл. 3.

Заключение. Таким образом, расчеты показали, что в десятке лидеров находятся Томский, Зырянский, Кожевниковский, Первомайский, Кривошеинский, Бакчарский, Чаинский, Шегарский, Асиновский и Молчановский районы. Это, прежде всего, обусловлено тем, что в данных районах уделяется более сбалансированное внимание развитию агропромышленных производств по всем семи основным группам продуктов питания. При этом очевидно, что существенное и обоснованное влияние на данный рейтинг оказывает фактор действующего размещения сельскохозяйственных посевов и производств в разрезе районов. Исходя из этого крупные города – Томск, Стрежевой – не будут занимать ключевое место в рейтинге. Возможно, целесообразно при практическом применении данной методики объединить показатели деятельности города с близлежащими районами. Такой подход даст более достоверную и практически применимую оценку ситуации.

Также на последней позиции в рейтинге расположился г. Северск – закрытое административно-территориальное образование. Это обусловлено отсутствием по нему данных официальной статистики об агропромышленном производстве основных видов продуктов питания.

Предлагаемая система позволяет ранжировать районы по степени их самообеспеченности основными продуктами питания. Это, в свою очередь, позволяет уделять внимание развитию отстающих агропродовольственных направлений и принимать соответствующие управленческие решения. Например, если рассматривать результаты по Александровскому району, который занимает последнее место (без учета ЗАТО и крупных городов), то получается что необходимо уделить внимание развитию: зерноводства (показатель — 0), овощеводства (0,399), мясного скотоводства и птицеводства (0,108), молочного скотоводства (0,272), яйцеводства (0,042), а также выращиванию фруктов и ягод (0,063). Последнее направление в плане достижения самообеспеченности региона основными продуктами питания актуально практически для всех районов. Очевидно, что приведенные значения низкие и требуются определенные управленческие и организационные вмешательства для повышения самообеспеченности в этих районах по данным группам продовольствия.

Итоговое рейтинговое значение региона — 0,579, полученное по результатам анализа ситуации в Томской области, говорит о том, что ситуация в вопросах самообеспечения основными продуктами питания в целом удовлетворительная. Однако есть и резервы, так как максимально возможное значение рейтинга составляет 1. При применении предлагаемой методики для оценки ситуации в различных регионах страны возможно сопоставление и оценка ситуации с выработкой соответствующих управленческих решений.

В системе регионального управления АПК предлагаемую методику рейтинговой оценки самообеспеченности основными продуктами питания рекомендуется применять на уровне региональных министерств сельского хозяйства. При этом оценка должна проводиться ежегодно, в начале текущего календарного года с выявлением слабых агропродовольственных позиций и отстающих районов. По результатам данной оценки следует вносить коррективы в действующие программы поддержки АПК региона, а также разрабатывать новые программы и подпрограммы развития. На уровне районных органов управления сельского хозяйства также предполагается расчет соответствующего рейтинга. Он будет показывать место района в решении вопроса самообеспеченности продовольствием. Также результаты данной оценки будут показывать проблемные точки – отстающие агропродовольственные направления, которым следует уделять повышенное внимание. При этом на уровне районов должны разрабатываться конкретные, практически применимые мероприятия по развитию.

Литература

1. Логанцова Н.В. Самообеспеченность населения России продукцией растениеводства / Н.В. Логанцова // Евразийский Союз ученых. 2015. № 6-1(15). С. 89–93

- 2. Лущик А.А. Продовольственная самообеспеченность, независимость и безопасность страны / А.А. Лущик // Проблемы современной науки. 2011. № 2. С. 216–223.
- 3. *Хайруллина О.И*. Государственная поддержка животноводства в контексте самообеспеченности региона / О.И. Хайруллина // Аграрный вестник Урала. 2012. № 5. С.115–117.
- 4. *Егорова Е.В.* Самообеспеченность субъектов Нечерноземной зоны основными продуктами питания / Е.В. Егорова // Интернет-журнал Науковедение. 2014. № 3 (22). С. 112–114.
- 5. *Китаев Ю.А.* Региональные аспекты продовольственной безопасности / Ю.А. Китаев, З.Ч.Пак, Ю.Н. Рудая // Terra Economicus. 2013. № 2–3, т. 11. С. 92–95.
- 6. *Королева Л.А*. Анализ продовольственной самообеспеченности региона на примере Ленинградской области / Л.А. Королева, Е.С. Альтбрегина // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 21. С. 218–224.
- 7. *Трибушинина О.С.* Оценка уровня продовольственного самообеспечения региона / О.С. Трибушинина, Н.Р. Куркина // Фундаментальные исследования. 2014. № 5–6. С. 1023–1027.
- 8. *Антамошкина Е.Н.* Моделирование и оценка продовольственной безопасности региона / Е.Н. Антамошкина // Изв. Нижневолж. агроуниверситетского комплекса: наука и высшее профессиональное образование. 2015. № 1(37). С. 69–76.
- 9. *Атаманова О.В.* Индикаторы самообеспеченности Брянской области молочной продукцией: инструменты оценки, анализ и прогноз / О.В. Атаманова // Проблемы прогнозирования. 2013. № 6. С. 44–49.
- 10. *Приказ* Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. № 593н «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания»: Сайт информационноправового портала Гарант.ру. URL: http://base.garant.ru/12179471. 7.02.2017. Загл. с экрана (дата обращения: 08.02.2017).
- 11. Юкиш A.E. Техника и технология хранения зерна / А.Е. Юкиш, О.И. Ильина. М.: Дели принт. 2009. 717 с.
- 12. Дойловский Э.А. Мукомольное и крупяное производство / Э.А. Дойловский. М.: АСТ, 2005. 192 с.
- 13. Пиеченков К.А. Технологии хранения картофеля / К.А. Пшеченков, В.Н. Зейрук, С.Н. Еланский, С.В. Мальцев. М.: Картофелевод, 2007. 191 с.
- 14. *Козлова В.Ф.* Хранение и переработка овощей / В.Ф. Козлова. М.: Россельхозиздат, 1981. 104 с.
- 15. Скрипников Ю.Г. Прогрессивная технология хранения и переработки плодов и овощей. / Ю.Г. Скрипников, М.: Агропромиздат, 1989. 132 с.
- 16. Сборник технических нормативов: сб. рецептур блюд и кулинарных изделий для предприятий общественного питания / В.А. Ананина и [др.]; под ред. Ф.Л. Марчука. М.: Хлебпродинформ, 1996. 620 с.

Mansurov Ruslan E., candidate of economic sciences, associate professor, director of the Zelenodolsky branch "Kazan Innovation University named after VG Timiryasova (IEUP) ", Kazan, Russia. E-mail: Russell_1@mail.ru

Zasedova Alina A., candidate of economic sciences, associate professor of the department of "Innovative Entrepreneurship and Financial Management" "Kazan National Research Technological University", Kazan, Russia. E-mail: zalina0312@yandex.ru

THE RATING OF THE TOMSK OBLAST FOOD SELF-SUFFICIENCY LEVEL IN THE REGIONAL MANAGEMENT SYSTEM FOR AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Keywords: food supply security, self-sufficiency in food, regional management system for agroindustrial complex, rating evaluation.

Based on the analysis of the current situation concerning Russia's food security provision, it was found that it is now necessary to develop effective indicators showing the level of self-sufficiency of regions with basic food products. It was also revealed that at present there is no such indicator in the regional management system for agro-industrial complex. As a result of the generalization of existing

approaches, an author's methodology was proposed for rating the level of food self-sufficiency for basic types of food products in the regions of the Tomsk Oblast. The proposed approach is based on the use of analytical methods of mathematical and comparative analysis and provides for the formation of a final rating. The study uses statistical materials of the agro-industrial complex work results of the Oblast for 2016. The proposed methodology can be used in the system of regional management of the agro-industrial complex at the federal and municipal levels. The scientific novelty of this study lies in the author's approach to assessing the level of self-sufficiency of basic food products in the region, including the definition of a rating value. Practical significance of the proposed methodology for rating self-sufficiency in basic food products lies in its use in the regional management of the agro-industrial complex at the federal and municipal levels.

References

- 1. Logantsova, N.V. Samoobespechennost naseleniya Rossii produktsiyey rasteniyevodstva / Logantsova N.V. // Eurasian Union of Scientists. 2015. № 6-1(15), pp. 89–93.
- 2. Lushchik, A.A. Prodovolstvennaya samoobespechennost, nezavisimost i bezopasnost strany / Lushchik A.A.// Problemy sovremennoy nauki. 2011. № 2, pp. 216–223.
- 3. Khayrullina O.I. Gosudarstvennaya podderzhka zhivotnovodstva v kontekste samoobespechennosti regiona / Khayrullina O.I. // Agrarian herald of the Urals. 2012. №5, pp.115–117.
- 4. Yegorova Ye.V. Samoobespechennost subyektov Nechernozemnoy zony osnovnymi produktami pitaniya / Yegorova Ye.V. // Internet-journal Naukovedenie. 2014. №3 (22), pp. 112–114.
- 5. Kitayov YU.A. Regionalnyye aspekty prodovolstvennoy bezopasnosti / Kitayev YU.A., Pak Z.CH, Rudaya YU.N. // Terra Economicus. 2013. № 2–3, Vol. 11, pp. 92–95.
- 6. Koroleva L.A. Analiz prodovolstvennoy samoobespechennosti regiona na primere Leningradskoy oblasti / Koroleva L.A., Altbregina Ye.S. // Prioritetnyye nauchnyye napravleniya: ot teorii k praktike. 2016. №21, pp. 218–224.
- 7. Tribushinina O.S. Otsenka urovnya prodovolstvennogo samoobespecheniya regiona / Tribushinina O.S., Kurkina N.R. // Fundamental researches. 2014. № 5–6, pp. 1023–1027.
- 8. Antamoshkina Ye.N. Modelirovaniye i otsenka prodovol'stvennoy bezopasnosti regiona / Antamoshkina Ye.N. // Izvestiya Nizhnevolzhskogo agrouniversitetskogo kompleksa: nauka i vyssheye professionalnoye obrazovaniye. 2015. №1(37), pp. 69–76.
- 9. Atamanova O.V. Indikatory samoobespechennosti Bryanskoy oblasti molochnoy produktsiyey: instrumenty otsenki, analiz i prognoz / Atamanova O.V. // Problems of Forecasting. 2013. №6. pp. 44–49.
- 10. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of August 2, 2010 N 593n "On the approval of recommendations on rational norms for the consumption of food products that meet modern requirements for healthy eating" // Website of the information and legal portal Garant.ru. Access mode: http://base.garant.ru/12179471. 7/02/2017. Ver. From the screen. [Date of circulation on 8.02.2017].
- 11. Yukish A.Ye. Tekhnika i tekhnologiya khraneniya zerna / Yukish A.Ye., Ilina O.I. Moscow: Deli print. 2009. pp. 717.
- 12. Doylovskiy E.A Mukomolnoye i krupyanoye proizvodstvo. / Doylovskiy E.A.. Moscow: AST. 2005, pp. 192.
- 13. Pshechenkov K.A. Tekhnologii khraneniya kartofelya / Pshechenkov K. A., Zeyruk V. N., Yelanskiy S. N., Maltsev S. V. Moscow: Kartofelevod. 2007, pp. 191.
- 14. Kozlova V.F. Khraneniye i pererabotka ovoshchey. / Kozlova V.F. Moscow: Rosselkhozizdat. 1981, pp. 104.
- 15. Skripnikov YU.G. Progressivnaya tekhnologiya khraneniya i pererabotki plodov i ovoshchey. / Skripnikov YU.G. Moscow: Agropromizdat. 1989, pp. 132.
- 16. Ananina V.A. Sbornik tekhnicheskikh normativov. Sbornik retseptur lyud i kulinarnykh izdeliy dlya predpriyatiy obshchestvennogo pitaniya. / Ananina V.A., Akhiba S.L., Lapshina V.T., Malgina

R.M., Sokolov V.L., Ruban A.P., Asyuchenya Z.I., edited by Marchuka F.L. Moscow: Khlebprodinform. 1996, pp. 620.

Mansurov R.E., Zasedova A.A. Rejting urovnya prodovol'stvennoj samoobespechennosti Tomskoj oblasti v sisteme regional'nogo upravleniya APK [The rating of the Tomsk Oblast food self-sufficiency level in the regional management system for agro-industrial complex]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 39, pp. 99–108.

ЭКОНОМИКА ТРУДА

УДК 331.483.084.62

DOI: 10.17223/19988648/39/8

А.Н. Поздняков

СТИМУЛИРОВАНИЕ РАБОТОДАТЕЛЕЙ К БЕЗВРЕДНОМУ И БЕЗОПАСНОМУ ТРУДУ

Анализ несчастных случаев, профзаболеваемости и условий труда показывает, что травматизм в целом по РФ и по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» имеет положительную тенденцию к снижению. Однако в вопросах профзаболеваемости и условий труда в целом по РФ и по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» отмечается негативная тенденция роста отдельных показателей. В РФ руководство подавляющего большинства предприятий и организаций основной упор делает на обеспечение безопасности труда, а вопросы охраны здоровья рассматриваются по остаточному принципу. В целях дополнительного стимулирования работодателей, а также системного подхода со стороны государства к вопросам охраны здоровья на производстве рассмотрен ряд предложений. Предложен механизм стимулирования работодателей к безопасному и безвредному труду путем законодательного установления стоимости жизни, адекватной со странами с развитой рыночной экономикой.

Ключевые слова: травматизм, профзаболеваемость, условия труда, служба безопасности труда и здоровья, стоимость человеческой жизни, механизмы стимулирования работодателей.

Присутствие на рабочих местах вредных и опасных производственных факторов, не соответствующих требованиям нормативных правовых актов (НПА) и нормативных технических документов (НТД) в области охраны труда, низкий уровень профессиональной квалификации отдельных категорий персонала, неправильная оценка уровня производственных рисков различной природы способствуют возникновению травматизма и профессиональной заболеваемости.

Риск возникновения несчастных случаев и профзаболеваемости на производстве нельзя исключить в полной мере ни на одном предприятии (в организации), однако его необходимо и вполне возможно снизить за счет предупреждающих мероприятий в области безопасности и охраны труда.

По данным Росстата [1–10], за период с 2004 по 2013 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в РФ возросла с 6 739,5 до 29 792 руб., или в 4,42 раза. За указанный период годовые затраты на мероприятия по охране труда в РФ возросли с 55 913 до 229 251,4 млн руб., или в 4,1 раза, а годовые затраты на мероприятия по охране труда в РФ (в пересчете на одного работника) — с 0,842 до 3,376 тыс. руб., или в 4,0 раза [11].

За указанный период общая численность пострадавших при несчастных случаях на производстве в РФ снизилась с 87,8 до 35,6 тыс. чел., или на

59,45%, коэффициент частоты общего травматизма ($K_{\rm q}$) снизился с 3,4 до 1,7, или на 50%, а потери рабочего времени от несчастных случаев в РФ – с 2,8 до 1,7 млн человеко-дней, или на 39,29% [11]. Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве со смертельным исходом в РФ снизилась с 3 292 до 1 699 чел., или на 48,39%, а коэффициент частоты травматизма со смертельным исходом ($K_{\rm cm}$) снизился с 0,129 до 0,080, или на 37,98% [11].

За это же время в РФ наметилась негативная тенденция роста ущерба от потери рабочего времени от несчастных случаев с 0,9435 до 2,5323 млрд руб., или в 2,68 раза [11].

В целях выявления закономерностей роста указанного ущерба, по данным Росстата [1–10], выполним линеаризующие преобразования и методом наименьших квадратов [12] получим эмпирические зависимости (табл. 1): ущерба от потерь рабочего времени от несчастных случаев $Y_{\text{прв рф}}$ (млн руб.) от годовых затрат на мероприятия по охране труда $3_{\text{ от рф}}$ (млн руб.) в РФ (1) и динамики колебания ущерба от потерь рабочего времени от несчастных случаев $Y_{\text{прв рф}}$ (млн руб.) в РФ (2) [11].

 Таблица 1. Эмпирические зависимости ущерба от потерь рабочего времени от несчастных случаев (млн руб.) в РФ

 Математическая
  r_{vv} d_{vv} r_{vv} t_{vv} t_{v

Математическая формула	r_{yx}	<i>d_{yx},</i> %	$r_{yx \text{ pacy}}^*$	t _{pac4} **	№ фор му-
					ЛЫ
$V_{\text{прв P}\Phi} = 4283 - 836294 * 3_{\text{ or P}\Phi}^{-0.5}$	-0,9642	93,0	2,89	10,28	(1)
$y_{\text{прв P}\Phi} = 16770 * T^{0.5} - 749671$	0,9225	85,1	2,77	6,76	(2)

^{*} $r_{\text{табл}0,05}$ = 0,602; ** $t_{\text{табл}.0,05}$ =2,31 [12]. Таким образом, гипотезы о статистической значимости выборочных коэффициентов корреляции r_{yx} в табл. 1 подтверждаются.

Математические модели (1) и (2) [11] отражают негативную тенденцию роста, сложившуюся в настоящее время в РФ (рис. 1 и 2).

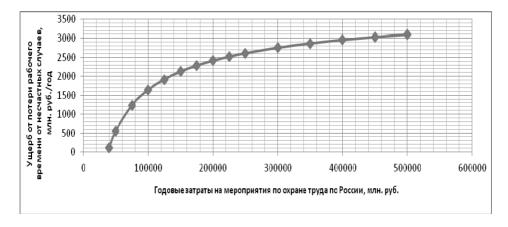

Рис. 1. Эмпирическая зависимость $y_{\text{пов. РФ}}$ (млн руб.) от $3_{\text{от. РФ}}$ (млн руб.) в РФ

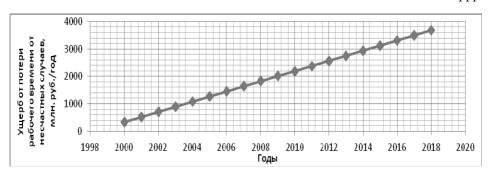

Рис. 2. Эмпирическая зависимость динамики колебания $y_{\text{прв РФ}}$ (млн руб.) в РФ

В табл. 2 приведены данные по профзаболеваемости в РФ за период с 2004 по 2013 г. Профзаболеваемость в РФ за указанный период не имеет устойчивой тенденции к снижению и колеблется в определенных пределах (табл. 2).

No	Год	Среднегодовая	Численность больных с	Численность больных с
Π /		численность	впервые установленным	впервые установленным
П		занятых в эко-	профессиональным забо-	профессиональным забо-
		номике, тыс.	леванием (отравлением),	леванием (отравлением),
		чел.	чел.	на 10 000 работающих
1	2004	66407	9888	2,04
2	2005	66792	8156	1,69
3	2006	67174	7715	1,60
4	2007	68019	7501	1,54
5	2008	68474	7265	1,47
6	2009	67463	8081	1,70
7	2010	67577	7671	1,64
8	2011	67727	7836	1,71
9	2012	67968	6696	1,46
10	2013	67901	6993	1,53

Таблица 2. Данные по профзаболеваемости в РФ за период с 2004 по 2013 г.

Аналогичные тенденции прослеживаются и на предприятиях энергетического комплекса РФ. Проведем анализ травматизма и состояния условий труда по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» (далее – ВЭД ПРЭГВ).

По данным Росстата [1–10], среднегодовая численность занятых в экономике по ВЭД ПРЭГВ в РФ после наметившегося с 2004 г. роста снизилась в 2008 г. до 1 884 тыс. чел., что обусловлено кризисными явлениями в мировой экономике. Начиная с 2009 г. отмечается определенный рост и стабилизация среднегодовой численности занятых в экономике по ВЭД ПРЭГВ в РФ на уровне 1 936–1 950 тыс. чел.

За период с 2004 по 2013 г. годовые затраты на мероприятия по охране труда по ВЭД ПРЭГВ в РФ возросли с 2 566,2 до 8 984 млн руб., или в 3,5 раза, а годовые затраты на мероприятия по охране труда по ВЭД ПРЭГВ в РФ (в пересчете на одного работника) – с 1,38 до 4,64 тыс. руб., или в

3,36 раза [11]. За указанный период общая численность пострадавших, при несчастных случаях на производстве по ВЭД ПРЭГВ в РФ снизилась с 3,3 до 1,6 тыс. чел., или на 51,52%, а коэффициент частоты общего травматизма ($K_{\rm ч}$) снизился с 1,9 до 0,9, или на 52,63% [11].

За период с 2011 по 2013 г. численность пострадавших при несчастных случаях на производстве со смертельным исходом по ВЭД ПРЭГВ в РФ снизилась с 0,2 до 0,1 тыс. чел., или в 2 раза, по сравнению с периодом с 2004 по 2010 г., а коэффициент частоты травматизма со смертельным исходом ($K_{\text{см}}$) не имеет устойчивой тенденции к снижению и колеблется в пределах 0,069 – 0,116 [11].

В целях выявления закономерностей, по данным Росстата [1–10], выполним линеаризующие преобразования и методом наименьших квадратов [12] получим эмпирические зависимости по ВЭД ПРЭГВ в РФ: динамики колебания работников, занятых во вредных условиях труда $N_{\rm ByT}$ э (тыс. чел.) (3); динамики колебания работающих под воздействием повышенного уровня шума $N_{\rm шум}$ э (тыс. чел.) (4); динамики колебания работающих под воздействием повышенного уровня вибрации $N_{\rm вибр}$ э (тыс. чел.) (5); динамики колебания работающих, занятых тяжелым физическим трудом, $N_{\rm тяж}$ э (тыс. чел.) (6); динамики колебания работающих, занятых на оборудовании, не отвечающем требованиям безопасности, $N_{\rm обор}$ э (тыс. чел.) (7) [11]. Указанные зависимости представлены в табл. 3.

вредных условиях груда, по вод 111 от в в т									
№	Математическая	r_{yx}	d _{yx} , %	r_{yxpacq} *	Трасч. **	№			
Π /	формула					фор-			
П						мулы			
1	$N_{\text{BYT }9} = 1,205 * 10^{-6} * T^3 - 9169,3$	0,9156	83,8	2,75	6,44	(3)			
2	$N_{\text{шум } 9} = 619,04 * T^{0,5} - 27432,5$	0,8600	74,0	2,58	4,77	(4)			
3	$N_{\text{вибр } 3} = 143,63 * T^{0,5} - 6372,64$	0,8509	72,4	2,55	4,58	(5)			
4	$N_{\text{TSJK }9} = 1229,03 * \text{T}^{0.5} - 54912,6$	0,9893	97,9	2,97	19,20	(6)			
5	$N_{\text{ofop a}} = 76,25 * T^{0,5} - 3406$	0,8891	79,1	2,67	5,49	(7)			

Таблица 3. Эмпирические зависимости динамики колебания работников, занятых во вредных условиях труда, по ВЭД ПРЭГВ в РФ

Математические модели (3) – (7) [11] отражают негативную тенденцию роста $N_{\text{вут } 3}$, $N_{\text{шум } 3}$, $N_{\text{вибр } 3}$, $N_{\text{тяж } 3}$, $N_{\text{обор } 3}$ по ВЭД ПРЭГВ в РФ, сложившуюся в настоящее время (рис. 3).

Анализ несчастных случаев, профзаболеваемости и условий труда показывает, что травматизм в целом по РФ и по ВЭД ПРЭГВ имеет положительную тенденцию к снижению. Однако в вопросах профзаболеваемости и условий труда в целом по РФ (табл. 2; рис. 1, 2; (1), (2)) и по ВЭД ПРЭГВ (рис. 3, (3)–(7)) отмечается негативная тенденция роста отдельных показателей [11].

- РФ Федеральным законом [13] ратифицировала Конвенцию МОТ [14]. В соответствии с [15] национальный профиль в области безопасности и гигиены труда должен включать информацию о следующих элементах:
- службах гигиены труда в соответствии с национальными законодательством и практикой;

^{*} $r_{\text{табл. 0,05,9}}$ =0,602; ** t $_{\text{табл.0,05}}$ =2,31 [12]. Таким образом, гипотезы о статистической значимости выборочных коэффициентов корреляции r_{vx} в табл. 3 подтверждаются.

– персонале, занятом в области безопасности и гигиены труда, включая инспекторов, специалистов по безопасности и гигиене труда, врачей-профилактологов и врачей-гигиенистов.

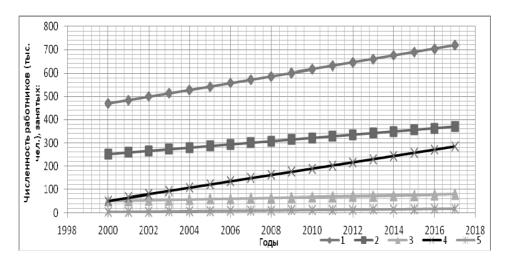

Рис. 3. Эмпирические зависимости динамики колебания численности работников (тыс. чел.), занятых: *I* – во вредных условиях труда; *2* – в условиях труда под воздействием повышенного уровня шума, ультра- и инфразвуков; *3* – под воздействием повышенного уровня вибрации; *4* – тяжелым физическим трудом; *5* – на оборудовании, не отвечающем требованиям безопасности по ВЭД ПРЭГВ в РФ

В соответствии с Конвенцией МОТ [16], не ратифицированной РФ в настоящее время, на службы гигиены труда возложены «в основном профилактические функции и ответственность за консультирование работодателя, работников и их представителей на предприятии по вопросам: і) требований относительно создания и поддержания безопасности и здоровой производственной среды, которая будет содействовать оптимальному физическому и психическому здоровью в связи с трудовым процессом; іі) приспособления трудовых процессов к способностям работников с учетом состояния их физического и психического здоровья».

В соответствии с [17] службы гигиены труда должны располагать достаточным числом технических работников, имеющих специальную подготовку и опыт в таких областях, как производственная медицина, гигиена труда, эргономика, в выполнении функций среднего медицинского персонала по охране здоровья на предприятии и в других смежных областях. Эти работники должны по мере возможности следить за последними научно-техническими достижениями, необходимыми для выполнения своих функций, и иметь такую возможность без потери в заработке. Кроме того, для выполнения своих функций службы гигиены труда должны располагать необходимым административным персоналом.

В мировой практике термин «охрана труда» (англ. labour protection) в последние десятилетия не применяется либо применяется в отношении трудовых прав, дискриминации, социальной защиты и т.п. В экономически разви-

тых странах охрана труда (в российском понимании термина) разделена на два направления: «безопасность труда» (англ. оссupational safety) и «охрана здоровья» (англ. оссupational health), которые курируют специалисты с техническим и медицинским образованием соответственно [18].

За рубежом четко различают термины «здоровье» и «безопасность», в последние годы отдавая предпочтение первому. Например, эти термины использованы в законе Великобритании «Health and Safety at Work etc Act 1974» («Здоровье, безопасность и благополучие в связи с работой ...») и в стратегии «Здоровье и безопасность в Великобритании в 21 столетии». Инспектор по здоровью и безопасности (HSE) контролирует исполнение этого закона и его нормы: «Обязанностью каждого работодателя должно быть обеспечение, насколько это практически реально, здоровья, безопасности и благополучия на работе для всех его работников» [18].

Глобализация приводит к тому, что транснациональные корпорации в целях специализации сокращают непрофильные структуры, но создают в критических областях собственные органы, в том числе по здоровью и безопасности. Изменяются и формы организации охраны здоровья работников. В крупных компаниях наметилась тенденция создания профилактических подразделений во главе со специалистами-медиками, чаще лечебного профиля, которые отвечают за меры по охране здоровья и координируют свою деятельность со специалистами по безопасности труда и другими структурными подразделениями. Например, в нефтегазовом секторе Северной Европы окончательное решение по вопросам медосмотров и пригодности к работе остается за медицинским советником (medical adviser) компании-оператора [18].

В РФ руководство подавляющего большинства предприятий и организаций основной упор делает на обеспечение безопасности труда, а вопросы охраны здоровья рассматриваются по остаточному принципу. Мероприятия по охране здоровья: специальная оценка условий труда, производственный санитарно-гигиенический контроль, предварительные и периодические медосмотры, содержание фельдшерских здравпунктов, санаторно-курортное оздоровление и т.п. — выполняются силами сторонних организаций по договорам, в связи с чем у работодателя не в полной мере формируется система сохранения здоровья персонала.

На начало 2011 г., по данным центров профпатологии, в России насчитывалось около 160 тыс. работников, страдающих различными формами профзаболеваний, при этом численность заболевших ежегодно увеличивается на 7–8 тыс. чел. Потери из-за неудовлетворительного состояния условий и охраны труда составляют ежегодно около 1,94 трлн руб., или 4,3% ВВП [18].

Действующие в настоящее время в РФ НПА и НТД, определяющие квалификационные требования [19–20] и количественный состав [21] специалистов в области охраны труда, не предполагают наличие работников, имеющих специальную подготовку и опыт в таких областях, как производственная медицина, гигиена труда, эргономика, в выполнении функций среднего медицинского персонала по охране здоровья в соответствии с [17].

В соответствии с п. 17 [19] на должность специалиста по охране труда назначаются, как правило, лица, имеющие квалификацию инженера по охране

труда, либо специалисты, имеющие высшее профессиональное (техническое) образование без предъявления требований к стажу работы или среднее профессиональное (техническое) образование и стаж работы в должности техника 1 категории не менее 3 лет, либо других должностях, замещаемых специалистами со средним профессиональным (техническим) образованием, не менее 5 лет.

В соответствии с п. 3.1 [20] на должность специалиста по охране труда назначаются, как правило, лица, имеющие высшее образование по направлению подготовки «Техносферная безопасность» или соответствующим ему направлениям подготовки (специальностям) по обеспечению безопасности производственной деятельности, либо высшее образование и дополнительное профессиональное образование (профессиональная переподготовка) в области охраны труда, либо среднее образование и дополнительное профессиональное образование (профессиональная переподготовка) в области охраны труда.

В соответствии с п. 1.8 [21] нормативная численность работников санитарно-промышленных лабораторий и санитарных врачей данными нормативами численности не предусмотрена.

В целях дополнительного стимулирования работодателей, а также системного подхода со стороны государства к вопросам охраны здоровья на производстве считаю целесообразным:

- 1) ратифицировать в РФ Конвенцию Международной организации труда № 161 о службах гигиены труда (Женева, 26 июня 1985 г.) [16];
- 2) внести поправки в ст. 217 Трудового кодекса РФ [22], предусматривающие переименование служб охраны труда в организациях в службы безопасности труда и здоровья;
- 3) обеспечить комплектацию служб безопасности труда и здоровья в организациях всех форм собственности врачом по гигиене труда [18];
- 4) обеспечить дополнительную (в зависимости от степени вредности производства и гендерного состава персонала) комплектацию служб безопасности труда и здоровья в крупных организациях всех форм собственности врачом-терапевтом цехового врачебного участка; врачом-профпатологом (с узкой специализацией: врач-терапевт-профпатолог, врач-оториноларингологпрофпатолог, врач-невролог-профпатолог и др.); врачом-акушеромгинекологом цехового врачебного участка [18];
- 5) пересмотреть НПА РФ [19–21] с учетом рекомендаций, изложенных в пунктах 1–4.

Далее рассмотрим механизм стимулирования работодателей к безопасному и безвредному труду путем законодательного установления стоимости жизни, адекватной со странами с развитой рыночной экономикой.

Низкая по сравнению с развитыми странами стоимость рабочей силы в РФ способствует принятию НПА, устанавливающих несоизмеримую «цену» жизни пострадавших в результате несчастных случаев, профзаболеваемости, а также аварий на опасных производственных объектах (ОПО).

Согласно ст. 11 Федерального закона [23] в случае смерти застрахованного размер единовременной страховой выплаты составляет 1 миллион рублей.

Согласно ч. 2 ст. 6 Федерального закона [24] размеры страховых выплат по договору обязательного страхования ОПО составляют:

- 1) два миллиона рублей в части возмещения вреда лицам, понесшим ущерб в результате смерти каждого потерпевшего (кормильца);
- 2) не более 25 тысяч рублей в счет возмещения расходов на погребение каждого потерпевшего;
- 3) не более двух миллионов рублей в части возмещения вреда, причиненного здоровью каждого потерпевшего.

Проведем анализ зарубежных подходов к оценке стоимости человеческой жизни. Высокая стоимость человеческой жизни — то главное звено, которое влияет на уровень безопасности труда на производстве. Человеческая жизнь бесценна, однако необходимость ее денежной оценки обосновывается тем, что повышение безопасности людей на производстве, на транспорте, в быту, как, собственно, и во всех сферах жизнедеятельности, требует выделения средств на нейтрализацию опасных факторов и минимизацию рисков.

Проблема создания безопасных и здоровых условий труда работников — не только социальная и экономическая, но и политическая, и ее решение требует комплексного подхода, ведь здоровье работников — национальный капитал.

Первые методики расчета ценности жизни, с точки зрения самого человека, подвергаемого риску гибели, появились в 1960-х гг., когда правовое сознание людей, гражданское право, экономическая, социальная и культурная жизнь в США и Великобритании достигли такого уровня развития, что суды принуждали работодателей и перевозчиков пассажиров выплачивать за гибель человека, происходившую по их вине в результате несчастного случая или транспортной катастрофы, компенсационную сумму, значительно превышавшую дисконтированную зарплату, которую этот человек мог заработать за всю свою жизнь [25].

Власти и судебная система этих стран осознали, что если ориентироваться только на экономическую оценку жизни человека как на орудие труда, безопасность людей не будет соответствовать общему достигнутому уровню развития общества, и они сами и их семьи рано или поздно могут стать жертвами такой политики с последующей преждевременной смертью от болезней или гибелью при несчастных случаях [25].

В настоящее время Министерство транспорта США повысило условную оценку стоимости человеческой жизни, которая последний раз изменялась в 1997 г. Тогда жизнь «условного» американца оценили в 2,7 млн долл. Теперь же, с поправкой на инфляцию, стоимость человеческой жизни возросла до 3 млн долл. Эта сумма закладывается в бюджет авиакомпаний. Речь идет об условном показателе, который используют главным образом для оценки экономической эффективности мер повышения безопасности на транспорте [25].

В США еще в 1930-е гг. решили, что если человек погибает на производстве (для автомобильного транспорта производство — это дорога), то ближайшим родственникам погибшего выплачивается шестикратное возмещение той зарплаты, которую погибший смог бы получить, продолжая работать вплоть до пенсии. И сегодня размер подобной компенсации в этой стране

составляет в среднем 3 млн долл., в Португалии и Испании – 400 тыс., в других европейских странах – до 1 млн [25].

После утверждения подобных компенсаций средняя продолжительность человеческой жизни в названных странах выросла с 72 до 79 лет (в России — не достигает 70 лет). Введение понятия стоимости человеческой жизни повлияло на все сферы экономики, в том числе и на дорожно-транспортный комплекс: здесь стали по-иному проектировать дороги, выпускают автомобили только с подушками безопасности и т.п. [25].

Как результат, в США при 300 млн чел. населения и 900 млн автомобилей в год на дорогах погибает 42 тыс. чел., из них только 4 тыс. – пешеходы. У нас при 142 млн чел. населения ежегодно в автомобильных авариях гибнет более 30 тыс., из них 12 тыс. – пешеходы [25].

При средней величине единовременной выплаты в результате несчастного случая на производстве со смертельных исходом в США в 3 млн долл. [25] стоимость жизни пострадавшего в РФ оценивается на два порядка (в $\sim 95-190$ раз) ниже, чем предусмотрено федеральными законами [23–24].

Глава Минтруда РФ Максим Топилин отметил в интервью LifeNews, что выплаты семьям погибших на производстве планируют увеличить с 1 до 2 млн руб., а в дальнейшем рассмотреть возможность роста так называемой «цены жизни» в РФ. Он уточнил, что по другим видам страхования существует «цена жизни», которая в РФ равняется именно этой сумме [26].

Научное исследование Финансового университета при Правительстве РФ, выполненное по заказу кабинета министров в конце 2015 г., определило стоимость человеческой жизни в России в размере 39 млн руб. Цель расчетов – дать ориентир для совершенствования норм возмещения материального и морального ущерба жертвам несчастных случаев, профзаболеваемости, аварий и катастроф [27–28].

О методике расчетов «Российской газете» рассказал один из авторов исследования, директор департамента социологии Финансового университета Алексей Зубец. За основу были взяты потери внутреннего валового продукта (ВВП). Ученые рассчитали цену товаров или услуг, которые в среднем за свою трудовую жизнь производит россиянин. Получилось 17,1 млн руб. в ценах 2015 г. К ней прибавили экономические потери среднестатистической семьи из-за гибели родственника. Это еще 9,1 млн руб. По словам Алексея Зубца, в расчет экономических потерь входит еще и размер морального ущерба. Здесь были проведены сложные расчеты с учетом доходов населения, степени удовлетворенности людей своей жизнью и пр. В итоге и получилось 39,3 млн руб., или 624 тыс. долл. (при курсе 63 руб.). На указанную величину ученые предлагают ориентироваться при определении суммы компенсации пострадавшим или семьям погибших при исполнении служебных обязанностей, аварий на производстве, на воздушном транспорте, при стихийных бедствиях, НСПиПЗ или терактах [27–28].

Понятно, что это теоретические выкладки, что нужна оценка самой методики расчета. Как рассказали «Российской газете» в Комитете Госдумы по промышленности, есть предложение от некоторых депутатов провести дискуссию о необходимости разработать и утвердить единый стандарт при определении стоимости человеческой жизни для расчета компенсаций. И если

консенсус будет достигнут, то выработанный стандарт могут закрепить либо в отдельном законе, либо в серии законов [27–28].

С учетом [27–28] считаю целесообразным разработку и утверждение единого стандарта для определения стоимости человеческой жизни для расчета компенсаций с последующим внесением поправок в ст. 11 Федерального закона [23] и ст. 6 Федерального закона [24], предусматривающих поэтапное повышение размера единовременной страховой выплаты в результате гибели пострадавшего. Данная мера будет способствовать как усилению социальной защиты работников, так и повышению материальной заинтересованности работодателей в улучшении условий и охраны труда, так как компенсационные выплаты будут обходиться с каждым годом дороже.

Литература

- 1. Российский статистический ежегодник. 2005: стат.сб. / Росстат. М., 2005. 819 с.
- 2. Российский статистический ежегодник. 2006: стат. сб. / Росстат. М., 2006. 806 с.
- 3. Российский статистический ежегодник. 2007: стат. сб. / Росстат. М., 2007. 825 с.
- 4. $\it Poccuйский$ статистический ежегодник. 2008: стат. сб. / Pocctat. M., 2008. 847 с.
- 5. Российский статистический ежегодник. 2009: стат. сб./ Росстат. М., 2009. 795 с.
- 6. Российский статистический ежегодник. 2010: стат. сб./ Росстат. М., 2010. 813 с.
- 7. $\it Poccuйский$ статистический ежегодник. 2011: стат. сб. / Pocctat. M., 2011. 795 с.
- 8. Российский статистический ежегодник. 2012: стат. сб. / Росстат. М., 2012. 786 с.
- 9. Российский статистический ежегодник. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013. 717 с. 10. Российский статистический ежегодник. 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2014. 693 с.
- 11. *Формирование* механизма материального стимулирования работников к безопасному и безвредному труду / А.И. Фомин [и др.] // Вестн. Сиб. гос. индустр. ун-та. 2016. № 3. С. 65–71.
- 12. Пинчук С.И. Организация эксперимента при моделировании и оптимизации технических систем: учеб. пособие / Национальная металлургическая академия Украины. Днепропетровск, 2008. 284 с.
- 13. Федеральный закон от 04 октября 2010 г. № 265-ФЗ «О ратификации Конвенции об основах, содействующих безопасности и гигиене труда (Конвенции № 187)» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.12.2016).
- 14. *Конвенция* Международной организации труда № 187 об основах, содействующих безопасности и гигиене труда (Женева, 15 июня 2006 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.12.2016).
- 15. Рекомендация Международной организации труда № 197 об основах, содействующих безопасности и гигиене труда (Женева, 15 июня 2006 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.12.2016).
- 16. Конвенция Международной организации труда № 161 о службах гигиены труда (Женева, 26 июня 1985 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.12.2016).
- 17. *Рекомендация* Международной организации труда № 171 о службах гигиены труда (Женева, 26 июня 1985 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.12.2016).
- 18. Измеров Н.Ф., Денисов Э.И., Морозова Т.В. Охрана здоровья работников: гармонизация терминологии, законодательства и практики с международными стандартами [Электронный ресурс] // Труд-Эксперт. Управление: [сайт] [2012]. URL: http://www.kiout.ru/info/publish/ (дата обращения: 05.04.2016).
- 19. Постановление Минтруда России от 08 февраля 2000 г. № 14 «Об утверждении Рекомендаций по организации работы службы охраны труда в организации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.12.2016).
- 20. *Приказ* Минтруда РФ от 4 августа 2014 г. № 524н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области охраны труда» [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.12.2016).

- 21. Постановление Минтруда РФ от 22 января 2001 г. № 10 «Об утверждении Межотраслевых нормативов численности работников службы охраны труда в организациях» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.12.2016).
- 22. *Трудовой* кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.12.2016).
- 23. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.12.2016).
- 24. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.12.2016).
- 25. Фролов О.П. Стоимость человеческой жизни в России и за рубежом [Электронный ресурс] // МЦФЭР: [сайт] [2016]. URL: http://www.mcfr.ru/journals/63/190/18130/18210/ (дата обращения: 03.06.2016).
- 26. *Минтруд* России предлагает увеличить размер единовременной выплаты родственникам погибших в результате несчастных случав на производстве [Электронный ресурс] // Труд-Эксперт. Управление: [сайт]. [2012]. URL: http://www.trudcontrol.ru/press/ (дата обращения: 05.04.2016).
- 27. *Цена* жизни российского гражданина оценена в 39 миллионов рублей [Электронный ресурс] // Все для Вас: [сайт]. [2016]. URL: http://vdvgazeta.ru/news/feed/cena-zhizni-rossiyskogo-grazhdanina-ocenena-v-39-millionov-rubley-3319728.01.2016 00:11 (дата обращения: 03.06.2016).
- 28. Зыкова Т. Ставка меньше, чем жизнь [Электронный ресурс] // Российская газета. Федеральный выпуск № 6883 (15): [сайт] [2016]. URL: http://rg.ru/2016/01/27/zhizn.html (дата обращения: 03.06.2016).

Pozdnyakov Aleksey N. Pozdnyakov Alexey Nikolaevich, competitor of the Department of Strategic Management and Marketing, Institute of Economics and Management, Tomsk State University. Email: pan1173@mail.ru

STIMULATING EMPLOYERS TO ENSURE HARMLESS AND SAFE WORKING CONDITIONS

Keywords: traumatism, occupational disease, working conditions, occupational safety and health service, life price, mechanisms for employers' stimulation.

Analysis of accidents, occupational diseases and working conditions shows that injuries in the whole of Russia by type of economic activity: "Production and distribution of electricity, gas and water" has a positive tendency to decrease. However, in matters of occupational diseases and working conditions in general in the Russian Federation and by type of economic activity: "Production and distribution of electricity, gas and water," is noted a negative growth trend of individual indicators. In Russia, the management of the vast majority of enterprises and organizations focuses on ensuring labor safety, but healthcare issues are considered according to the residual principle. For further employers stimulation a government systematic approach to the healthcare issues in the production was considered as well as a number of proposals was examined. A mechanism for encouraging employers to ensure safe and harmless working conditions through the legislative establishment of the life price, in accordance to the developed market economies countries is proposed.

References

- 1. Russian Statistical Yearbook. 2005: Statistical / Rosstat. M., 2005, pp. 819.
- 2. Russian Statistical Yearbook. 2006: Stat.sb./Rosstat. M., 2006, pp. 806.
- 3. Russian Statistical Yearbook. 2007: Statistical / Rosstat. Moscow, 2007, pp. 825.
- 4. Russian Statistical Yearbook. 2008: Statistical / Rosstat. M., 2008, pp. 847.
- 5. Russian Statistical Yearbook. 2009: Statistical / Rosstat. M., 2009, pp. 795.
- 6. Russian Statistical Yearbook. 2010: Statistical / Rosstat. M., 2010, pp. 813.
- 7. Russian Statistical Yearbook. 2011: Stat.sub./Rosstat. M., 2011, pp. 795.
- 8. Russian Statistical Yearbook. 2012: Statistical / Rosstat. M., 2012, pp. 786.

- 9. Russian Statistical Yearbook. 2013: Stat.sb./Rosstat. M., 2013, pp. 717.
- 10. Russian Statistical Yearbook. 2014: Stat.sb./Rosstat. M., 2014, pp. 693.
- 11. Formirovaniye mekhanizma materialnogo stimulirovaniya rabotnikov k bezopasnomu i bezvrednomu trudu / Fomin A.I., Pozdnyakov A.N., Le-zhava S.A. and others// Herald of the Siberian State Industrial University. 2016. №3, pp. 65-71.
- 12. Pinchuk S.I. Organizatsiya eksperimenta pri modelirovanii i optimi-zatsii tekhnicheskikh sistem: Uchebnoye posobiye / National Metallurgical Academy of Ukraine. Dnepropetrovsk, 2008, pp. 284
- 13. Federal Law No. 265-FZ of 04 October 2010 «On the Ratification of the Convention on the Basics of Promotion of Occupational Safety and Health (Conventions N 187)» [Electronic resource]. Access from the legal system «Garant» (circulation date 01.12.2016).
- 14. Convention of the International Labor Organization No. 187 on the fundamentals, cooperative safety and health of work (Geneva, June 15, 2006) [Electronic resource]. Access from the legal system "Garant" (date of circulation 01.12.2016).
- 15. Recommendation of the International Labor Organization No. 197 on the fundamentals of promoting occupational safety and health (Geneva, 15 June 2006) [Electronic resource]. Access from the legal system "Garant" (circulation date 01.12.2016).
- 16. Convention of the International Labor Organization No. 161 on labor hygiene services (Geneva, June 26, 1985) [Electronic resource]. Access from the legal system "Garant" (circulation date 01.12.2016).
- 17. Recommendation of the International Labor Organization No. 171 on occupational health services (Geneva, June 26, 1985) [Electronic resource]. Access from the legal system «Garant» (circulation date 01.12.2016).
- 18. Izmerov N.F., Denisov E.I., Morozova T.V. Okhrana zdorovya rabot-nikov: garmonizatsiya terminologii, zakonodatelstva i praktiki s mezhdu-narodnymi standartami [Electronic resource] // Work-Expert. Management: [site]. [2012]. URL: http://www.kiout.ru/info/publish/ (reference date: 05/04/2016).
- 19. Decree of the Ministry of Labor of Russia of February 8, 2000 N 14 «n the approval of the Recommendations on the organization of work of the labor protection service in the organization» [Electronic resource]. Access from the legal system «Garant» (circulation date 01.12.2016).
- 20. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation of August 4, 2014 No. 524n "On the approval of the professional standard" Specialist in the field of labor protection "[Electronic resource]. Access from the legal system "Garant" (date of circulation 01.12.2016).
- 21. Decree of the Ministry of Labor of the Russian Federation of January 22, 2001 N 10 "On approving interindustry standards of the number of workers in the service of labor protection in organizations" [Electronic resource]. Access from the legal system "Garant" (circulation date 01.12.2016).
- 22. The Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 N 197-FZ [Electronic resource]. Access from the legal system "Garant" (circulation date 01.12.2016).
- 23. Federal Law of July 24, 1998 N 125-FZ "On compulsory social insurance against accidents at work and occupational diseases" [Electronic resource]. Access from the legal system «Garant» (circulation date 01.12.2016).
- 24. Federal Law of July 27, 2010 N 225-FZ «On compulsory insurance of civil liability of the owner of a hazardous facility for causing damage as a result of an accident at a hazardous facility» [Electronic resource]. Access from the legal system «Garant» (circulation date 01.12.2016).
- 25. Frolov O.P. Stoimost chelovecheskoy zhizni v Rossii i za rubezhom [Electronic resource] // MCFER: [site]. [2016]. URL: http://www.mcfr.ru/journals/63/190/18130/18210/ (date of circulation: June 3, 2016).
- 26. The Ministry of Labor of Russia proposes to increase the amount of a one-time payment to relatives of those killed as a result of accidents at the production site [Electronic resource] // Work-Expert. Management: [site]. [2012]. URL: http://www.trudcontrol.ru/press/ (reference date: 05/04/2016).
- 27. The price of a Russian citizens life is estimated at 39 million rubles [Electronic resource] // Everything for you: [site]. [2016]. URL: http://vdvgazeta.ru/news/feed/cena-zhizni-rossiyskogo-

grazhdanina-ocenena-v-39-millionov-rubley-3319728.01.2016 - 00:11 (date of circulation: 03.06.2016).

28. Zykova T. Stavka menshe, chem zhizn [Electronic resource] // Rossiyskaya Gazeta - Federal issue No. 6883 (15): [website]. [2016]. URL: http://rg.ru/2016/01/27/zhizn.html (date of circulation: June 3, 2016).

Pozdnyakov A.N. Stimulirovanie rabotodatelej k bezvrednomu i bezopasnomu trudu [Stimulating employers to ensure harmless and safe working conditions]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 39, pp. 109–121.

ФИНАНСЫ

УДК 336.027

DOI: 10.17223/19988648/39/9

М.А. Губанищева

ИНСТИТУТ КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ: РОЛЬ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ

В статье ставится цель — изучение института кадастровой стоимости как экономического взаимоотношения налогоплательщиков и государства. Раскрывается сложность принятия Федерального закона «О государственной кадастровой оценке». Анализируется роль налогоплательщиков объектов недвижимости в формировании базы налогообложения, т.е. кадастровой стоимости, и процедуры ее оспаривания. Предложены варианты использования результатов государственной кадастровой оценки в различных сферах при условии, что кадастровая стоимость будет стремиться к рыночной.

Ключевые слова: кадастровая стоимость, институт, государственная кадастровая оценка, рыночная стоимость, государственное бюджетное учреждение, налогоплательщик, трансакционные издержки.

Институт кадастровой стоимости в России сравнительно молод, но уже имеет достаточно богатую историю. Мы можем наблюдать за его трансформацией, так как в настоящее время происходит процесс монополизации кадастровой оценки и передачи полномочий специально создаваемым региональным ведомствам. Институт кадастровой стоимости — это своего рода экономические взаимоотношения налогоплательщиков и государства в ходе формирования базы налогообложения, т.е. кадастровой стоимости, процедуры ее оспаривания и непосредственно уплаты налогов. Несмотря на всеобщую критику, был принят Федеральный закон № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке», в соответствии с которым созданы уполномоченные государственные бюджетные учреждения, в связи с чем независимые оценщики больше не участвуют в расчете кадастровой стоимости.

Одновременно с нововведениями преобладают и страхи, а именно страх угрозы завышения кадастровой стоимости ради ежегодного увеличения налогов на недвижимое имущество, и отсутствие в проекте четкого разъяснения ответственности государственных оценщиков за результаты работы. Одни не верят в экономическую эффективность данного проекта. Другие не связывают данные изменения и создание государственных бюджетных учреждений с дальнейшим усовершенствованием и улучшением системы кадастровой оценки. Следовательно, возникает конфликт интересов относительно набора данного института. И это естественный процесс, так как происходят своего рода инкрементные изменения ввиду неполной информации и наличия трансакционных издержек. Реальная ситуация демонстрирует нам, что существует большое количество противников реформы, многих тревожит монополи-

зация такой большой сферы деятельности. Но сегодня стоит беспокоиться не о том, в чьих руках будет государственная кадастровая оценка, а о том, каков же будет результат, ведь все изменения и нововведения в первую очередь нацелены именно на улучшение качества кадастровой стоимости, в том числе и самой методики ее определения.

Так, на государственные бюджетные учреждения возложены полномочия по сбору и обработке информации, необходимой для определения кадастровой стоимости. Они направлены главным образом на обеспечение непрерывности, согласованности и системности. Данная организационная структура создана также для оперативного и постоянного контроля и решения вопросов, касающихся кадастровой оценки. Однако здесь имеются свои трудности, которые существовали и раньше, — это огромное количество объектов, ограничение во времени, а также возможностей сбора данных и пр. Законом дополнительно предусмотрено, что федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им организации обязаны предоставить имеющуюся в их распоряжении информацию об объектах недвижимости по запросу такого бюджетного учреждения либо уведомить о ее отсутствии. Также предусмотрено, что сами правообладатели вправе предоставить бюджетному учреждению декларации о характеристиках своих объектов [1]. Все это предполагает дополнительную поддержку в обеспечении информацией.

На данный момент много сказано о государственных бюджетных учреждениях, их трудностях, слабых или непроработанных сторонах. В рамках нашего анализа делается акцент на второй стороне, а именно на налогоплательщиков, так как они играют не последнюю роль в кадастровой оценке, порой даже не подозревая об этом либо, наоборот, преднамеренно вмешиваясь в данный процесс.

Итак, институт кадастровой стоимости возник на фоне новых отношений между правообладателями (являющимися налогоплательщиками), органами местного самоуправления и государством. Данные отношения содержат в себе особые трудности, так как одновременно затрагивают гражданские, налоговые, земельные и прочие законодательные основы, и в результате появилась необходимость в самостоятельных институтах регулирования данных правоотношений.

В экономической системе институт кадастровой стоимости складывается из двух компонентов:

- формальных правил, по которым происходит государственная кадастровая оценка и устанавливается методика определения кадастровой стоимости:
- неформальных ограничений и практик, которые влияют на восприятие установленных формальных правил.

Для того чтобы лучше разбираться в существующих проблемах, необходимо производить глубокий анализ норм поведения и соответственно их взаимодействие с формальными правилами. Безусловно, достаточно сложно найти правильные и полноценные решения всех проблем, но стоит акцентировать внимание при изучении институтов на формальных и неформальных ограничениях в комплексе.

Сама идея институтов как правил полезна при рассмотрении различных вопросов, касающихся кадастровой стоимости в целом. В работе Авнера Грейфа «Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли» фигурирует очень важная мысль, а именно, что «поведенческие предписания – правила и контракты – это не более чем инструкции, которые можно игнорировать» [2. С. 33]. Таким образом, должна быть мотивация их соблюдения. Для государственных органов такой мотивацией служит в первую очередь развитие своей территории в целях повышения конкурентоспособности на основе справедливых данных кадастровой оценки и, как следствие, на основе экономически целесообразного налога. Мотивацию второй стороны, т.е. правообладателей, рассмотрим более подробно.

В отличие от агентов моделей, построенных неоклассиками, реальные люди непредусмотрительны и принимают далеко не идеальные решения, несмотря на то, что они пытаются поступать рационально. Наконец, им присуще «следование своим интересам, в том числе обманным путем» [3. С. 39], что является оппортунистическим поведением. И в жизни мы видим таких поведенческих предпосылок большое множество. Одной из задач институциональной экономики является прогнозирование экономических результатов разнообразия поведения людей, свойства которого сочетаются в различных пропорциях. Помимо норм поведения, интересы сторон могут не совпадать, что приводит к несовершенному механизму обеспечения установленных правил. Так, например, законодатели могут не брать во внимание интересы граждан, руководствуясь лишь личными убеждениями, или наоборот.

Хотелось бы думать, что все правообладатели предпочтут следовать утвержденным правилам, так как подразумевается, что у них должна появиться заинтересованность в подлинности сведений, однако есть и обратная сторона. Стоит подчеркнуть, что когда рассчитанная кадастровая стоимость ниже рыночной, соответственно, уплачиваемый налог будет ниже, и многие правообладатели довольны таким исходом. Поэтому в рамках данной проблемы следует продумать такие нормы, которые смогли бы мотивировать собственников в уточнении кадастровой стоимости не только в случае, когда стоимость завышена. К сожалению, данная проблема еще совсем не проработана, и уже сейчас возникает множество вытекающих вопросов, которые касаются и того, каким образом каждый правообладатель должен ориентироваться в имеющихся стоимостных показателях. Кто же должен брать на себя ответственность в случае обнаружения сильного завышения или занижения кадастровой стоимости? Каким образом лучше донести до собственников о возможности предоставления деклараций о характеристиках их объектов? И многие другие вопросы. На вопрос об ответственности, казалось бы, существует однозначный ответ – это государство, но и здесь есть свои тонкости, ведь некоторые собственники могут либо умышленно скрывать имеющуюся у них информацию об объекте, либо, зная реальные рыночные данные, не спешить вносить изменения в существующую кадастровую стоимость. В любом случае данные вопросы остаются открытыми, но уже сейчас можно предложить следующие меры. Как вариант, можно вытеснить или заменить существующие неформальные ограничения путем ввода новых формальных правил, т.е. законодательно

закрепить так называемые санкции в отношении правообладателей, которые не предоставляют информацию, а также в отношении представителей государственных бюджетных учреждений в случае больших расхождений между кадастровой стоимостью и рыночной. Как известно, в комплексе с процедурой формирования правил всегда следует процесс формирования санкций за их нарушение. В том числе формализация правил имеет свои преимущества, уменьшая информационные издержки, поясняя санкции за нарушение данных правил, стараясь устранить все возможные противоречия. При этом крайне необходимо четко и правильно устанавливать сам факт нарушения, предусмотреть корректные механизмы измерения степени этих нарушений, а также их последствий.

В том числе можно внедрить кадастровую стоимость в другие сферы для решения различных задач. Так, например, кадастровая стоимость может стать базой при расчете размера возмещения при изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд [4]. Это позволит решить проблему, касающуюся администрирования бюджетных средств, выделяемых для выкупа земельных участков, т.е. заранее предвидеть затраты. При этом дополнительно расходы на услуги оценщиков существенно сокращаются. Посредством результатов кадастровой оценки представители государственной власти и население будут располагать надежной и достоверной информацией о текущем состоянии рынка недвижимости, а также смогут постоянно контролировать информацию о стоимостных отношениях. Тем самым не только государство, но и правообладатели изымаемых участков смогут заранее предвидеть ситуацию. Однако в таком случае необходимо заранее разъяснять гражданам, что результаты государственной кадастровой оценки в дальнейшем послужат основой компенсации в случае изъятия земель. Но стоит учесть, что здесь могут возникнуть ситуации, когда собственник не подозревает о том, что кадастровая стоимость его участка занижена и не является отражением настоящей ситуации на рынке. Это может быть в связи с некомпетентностью гражданина в данном вопросе, поэтому необходимо оставить место для обжалования в суде, чтобы защитить права уязвимых групп граждан. Тогда индивидуальная оценка может послужить инструментом уточнения кадастровой стоимости земельного участка.

Результаты проведенной кадастровой оценки повсеместно в европейских странах применяются не только при налогообложении, но и при определении расходов, связанных с недвижимым имуществом. Так, например, страхование объекта недвижимости может проводиться на основании кадастровой стоимости как альтернатива рыночной, тем самым исключить затраты на проведение оценки. Если собственник согласен с результатами проведенной кадастровой оценки и уплачивает налоги от полученной кадастровой стоимости, то она может служить основой. Но в таком случае необходимо сохранить право за страхователями уточнять стоимость объекта, если, по мнению специалиста, она завышена или занижена. Как вариант, банки могут быть наделены правом передавать данные результатов индивидуальной оценки в государственные бюджетные учреждения, например, в рамках ипотечного кредитования. Также кадастровая стоимость может быть

использована при расчете залоговой стоимости или определении арендных ставок объектов недвижимости, что частично уже осуществляется в нашей стране. Но стоит еще раз подчеркнуть, что предложенные варианты возможно будет рассматривать только в том случае, когда кадастровая оценка перейдет на более высокий уровень и результаты будут максимально отражать рыночные данные. Необходимо, чтобы кадастровая стоимость стала так называемым связующим звеном между государством и обществом, удовлетворяя интересы обеих сторон. При расчете кадастровой стоимости должна стоять цель, прежде всего достижения актуальности данных. Соответственно, если кадастровая стоимость будет стремиться к рыночной, то она может решить проблему не только в области налогообложения, но и в других сферах.

Таким образом, правила, а также нормы, которые являются продолжением формальных правил, играют важную роль, определяя при этом развитие самих институтов. Безусловно, необходимо стремиться к тому, чтобы правообладатели были максимально заинтересованы в их соблюдении, тем самым издержки будут сокращаться.

В соответствии с законом правообладатели вправе сами предоставить бюджетному учреждению декларации о характеристиках своих объектов. При этом необходимо брать в расчет транзакционные издержки, с которыми напрямую связано осуществление рутин, а именно: некомпетентность граждан при заполнении деклараций, а порой и сложность ее заполнения, прозрачность правил и положений, факт очередей в государственном бюджетном учреждении, отсутствие навыка использования электронных услуг и т.п. К тому же сбор информации о характеристиках объектов недвижимости довольно дорог. Д. Норт отмечал, что «соотношение между результатом, получаемым от введения правил, и издержками измерения... является центральным для многих проблем, связанных со структурой и эффективностью механизма, обеспечивающего их соблюдение» [5. С. 73]. Поэтому для успешной реализации реформы государственной кадастровой оценки необходимо учитывать эти факторы, что было сделано при проведении налоговой реформы в нашей стране.

При анализе института также необходимо учитывать трансакционные издержки обмена. Между тем субъектами государственной кадастровой оценки в определении кадастровой стоимости выступает большое количество участников: представители государственного бюджетного учреждения, представители государственной власти, оценщики, кадастровые инженеры, собственники, арендаторы и др. Такая многоструктурность порождает огромный поток информации, вследствие чего возникают большие трансакционные издержки передачи данных. Трансакционные издержки института кадастровой стоимости — это в первую очередь передача информации от правообладателей к государственному бюджетному учреждению, а также передача результатов оценки от бюджетного учреждения — правообладателям (т.е. сложность восприятия способа получения результатов в виде кадастровой стоимости). Объекты недвижимости имеют множество свойств, при этом степень, в которой представлено каждое из этих свойств, меняется от одного объекта к другому. Данная оценка степени проявления нужных свойств (т.е. информации,

характеристики объектов) «требует слишком больших затрат, чтобы быть полной и достаточно точной» [6. С. 48]. Вообще трансакционным издержкам сегодня уделяется большое внимание в институциональной экономике.

Стоит учитывать несовершенство информации, которая может быть вдобавок распределена асимметрично, когда одна из сторон более информирована, нежели другая (к примеру, правообладатели, оценщики, работники государственного бюджетного учреждения и др.). В данном случае при получении дополнительной информации либо ее проверке мы можем вновь наблюдать издержки, с которыми связана менее информированная сторона. В то время как не все правообладатели объектов недвижимости обладают знаниями в законодательной сфере, у некоторых вовсе отсутствует возможность в получении таких знаний. Безусловно, институты направлены на то, чтобы уменьшать неопределенности, сопровождающие взаимодействие сторон, но это не всегда означает, что институт должен быть эффективным. Несовершенство информации в виде асимметрии – это один из ключевых моментов для института кадастровой стоимости.

В идеале институт кадастровой стоимости должен быть своего рода мотивацией к общественному благосостоянию. Каждый собственник недвижимости отчетливо осознает ценность своего объекта, а в случае налогообложения рассчитанный налог является реальным отражением данной ценности, так как кадастровая стоимость должна отражать рыночную информацию. То есть качество институциональных основ способно отражать уровень благосостояния общества и непосредственно влиять на него. Следовательно, появляются вопросы: а смогут ли данные изменения привести к росту благосостояния в нашей стране благодаря данному политическому порядку? является ли институт кадастровой стоимости полезным? Хотелось бы верить, что да, но это может показать только время.

В любом случае в рамках перехода к новым правилам необходимо осмысление не только самого процесса, но и стимулов участников. Так, например, стимулами для правообладателей могут выступать льготы, налоговые вычеты или понижающие коэффициенты при расчете налога. Но следует учитывать, что на практике сложно, а порой и невозможно предложить идеальную модель мотивации в целом, так как одни будут более мотивированы, нежели другие. Это есть результат того, что институт изначально закрепляет неравенство между правообладателями по стимулам, доходам и пр. И данное явление характерно для всех сфер.

В некоторых регионах нашей страны при налогообложении объектов недвижимости физических и юридических лиц основой по-прежнему служит инвентаризационная или балансовая стоимость. Эти виды стоимости по факту с экономикой никак не связаны и кроме как в налогообложении больше нигде не участвуют. Именно этого следует избегать при формировании кадастровой стоимости, т.е. сделать институт кадастровой стоимости близким к институту рыночной стоимости. Тогда кадастровая оценка послужит основой не только налоговой базы, но и многих других сфер, которые мы привели в качестве примера выше. Тем самым, если кадастровая стоимость стремится к рыночной и служит основой в других сферах, то институт кадастровой стоимости станет ключевым фактором определения результатов функционирова-

ния экономики. Развитие института создаст возможности для экономической активности в целом.

С учетом вышеизложенного институт кадастровой стоимости может и должен сформировать поведение правообладателей объектов недвижимости посредством передачи необходимой дополнительной информации об имеющихся у них объектах, тем самым формируя надежный и актуальный фонд данных государственной кадастровой оценки. Эта информация послужит дополнительным инструментом, так как каждый объект будет отражать реальные сведения, достаточные для расчета кадастровой стоимости, в полной мере показывая значение рыночной информации. В завершение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что налогоплательщики объектов недвижимости играют важную роль при формировании института кадастровой стоимости.

Литература

- 1. *Российская* Федерация. Правительство. О государственной кадастровой оценке [Электронный ресурс]: федерал. закон от 03 июля 2016 года № 237-ФЗ. Режим доступа: Консультант-Плюс. Законодательство. Версия Проф. URL: http://www.consultant.ru
- 2. *Грейф А*. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли: пер. с англ. И. Кушнаревой / вступит. ст. М. Юдкевич; Нац. исслед. ун-т, Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 536 с.
- 3. *Уильямсон О.И.* Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 39-49.
- 4. *Губанищева М.А*. Применение результатов государственной кадастровой оценки при расчете размера возмещения за земельные участки, изымаемые для государственных или муниципальных нужд // Инновационная деятельность: теория и практика. 2016. № 6 (2). С. 28–33.
- 5. *Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 69-91.
- 6. *Норт Д*. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики: пер. с англ. А.Н. Нестеренко / предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

Gubanischeva M.A. Department of Finance and Credit, Institute of Economics and Management, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: mgubanischeva@mail.ru

INSTITUTE OF CADASTRAL VALUE: THE ROLE OF REAL ESTATE OBJECTS TAX-PAYERS

Keywords: cadastral value, institute, state cadastral valuation, market value, state-financed institution, taxpaver, transaction costs.

The article aims to study the institute of cadastral value as an economic relationship between taxpayers and the state. The complexity of the adoption of the Federal Law "On State Cadastre Assessment" is disclosed. The role of taxpayers of real estate in the formation of the tax base, (the cadastral value) and the procedure for its contestation is analyzed. Variants of using the results of the state cadastral valuation in different areas, in case if the cadastral value will tend to market one are offered.

References

- 1. The Russian Federation. Government. On the state cadastral valuation [Electronic resource]: federal. Law of July 3, 2016 No. 237-FZ. Access mode: Consultant Plus. Legislation. Version Prof. URL: http://www.consultant.ru
- 2. Greif A. Institutions and the way to modern economics. Lessons of medieval trade. National Research University of Higher School of Economics. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics, 2013, pp. 536.

- 3. Williamson O.I. Behavioral prerequisites of modern economic analysis // THESIS. 1993. Issue. 3, pp. 39-49.
- 4. Gubanishcheva M.A. Primeneniye rezultatov gosudarstvennoy kadastrovoy otsenki pri raschete razmera vozmeshcheniya za zemelnyye uchastki, izymayemyye dlya gosudarstvennykh ili munitsipalnykh nuzhd // Innovatsionnaya deyatelnost: teoriya i praktika. 2016. № 6 (2), pp. 28-33.
- 5. North D. Institutions and economic growth historical introduction // THESIS. 1993. Issue. 2, pp. 69-91.
- 6. North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Edited by Milner B.Z. Moscow: Fund of the economic book "Elements", 1997, pp. 180

Gubanischeva M.A. Institut kadastrovoj stoimosti: rol' nalogoplatel'shchikov ob"ektov nedvizhimosti [Institute of cadastral value: the role of real estate objects taxpayers]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 39, pp. 122–129.

УДК 336.74

DOI: 10.17223/19988648/39/10

А.А. Земцов, О.Д. Имонов

СИСТЕМЫ ТРАДИЦИОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ ДЛЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Рассматривается история появления системы «хавала», ее роль в традиционных системах денежных переводов в настоящее время в странах Азии и Африки, а также странах бывшего СССР. Приведены точки зрения известных авторов, занимавшихся данной темой, о месте системы традиционных денежных переводов домохозяйств в современном мире, их взаимодействии с официальными финансовыми системами. Анализ статистических данных показывает роль этих систем в обороте финансовых средств трудовых мигрантов.

Ключевые слова: традиционные денежные переводы, «Хавала», трудовые мигранты, деньги, домохозяйства.

Трансграничные денежные переводы трудовых мигрантов сегодня — важный источник финансирования в мировой экономике. По оценкам Всемирного банка [1. Р. 2], за 2016 г. объем международных трансграничных денежных переводов мигрантов составил 575 млрд долл., что вдвое выше уровня 2005 г. и в 6 раз выше уровня 1995 г. Видимые потоки переводов по размеру превосходят потоки капиталов и представляют собой важнейший источник средств для многих менее развитых стран (с высокой безработицей), чьи граждане работают в более развитых странах, отправляя домой средства для поддержки семей. Возможности статистического учета ограничены частью потоков (банковские трансакции и переводы, оплата иностранного труда), помимо которых действуют различные неформальные каналы переводов.

В настоящее время существует два основных вида трансграничных денежных переводов: официальный и «неофициальный» [2. С. 79]. К официальным каналам денежных переводов относятся почтовые, банковские переводы и переводы через системы денежных переводов, к неофициальным — вывоз наличных денег непосредственно физическими лицами или через теневые системы.

По данным ООН, среди мигрантов доля «традиционных» денежных переводов составляет более 40% от мирового объема. В Пакистане до последнего времени только пятая или шестая часть всех переводов осуществлялась через официальные каналы, в других странах (Непал, Мексика, страны Африки) эта доля варьируется от 1/10 до половины.

Системы традиционных денежных переводов (ТДП), существующие параллельно с международными и национальными финансовыми и банковскими структурами, являются весьма значимым фактором мировой экономики, оказывающим заметное влияние на мировые хозяйственные процессы. В последнее время в силу ряда причин интерес к традиционным денежным переводам существенно вырос. В настоящее время, как и много веков назад, традиционные денежные переводы остаются востребованными, несмотря на глобализацию и применение новых технологий в банковской сфере. Они привлекают своих клиентов едиными для всех систем традиционных денежных переводов качествами: доверием, конфиденциальностью, высокой эффективностью, доступностью и дешевизной, приспособленностью к местным условиям.

Системы традиционных денежных переводов играют особенно важную роль в переводе денежных средств, так как они располагают рядом преимуществ перед легальным сектором:

- обеспечивают реальный финансовый сервис в случае, если политическая ситуация и финансовая система нестабильны в стране;
- существуют там, где нет доступных легальных финансовых институтов (речь может идти об отдельных территориях стран третьего мира);
- переводы через ТДП более выгодны, чем переводы через легальные структуры;
- переводы через ТДП обходят валютный и административный контроль;
  - обеспечивают высокую конспирацию.
- Л. Буэнкамино и С. Горбунов [3. Р. 1] считают, что неверно называть системы неофициальных денежных переводов теневыми системами банковских переводов по той причине, что они широко используются в различных странах мира и часто не запрещены законом; кроме этого, они не используют весь спектр банковских операций. Ученые также утверждают, что системы ТДП не следует называть альтернативными системами перевода, так как системы неофициальных денежных переводов существовали задолго до возникновения официальных банковских систем.
- Л. Буэнкамино и С. Горбунов под традиционными денежными переводами понимают систему, которая обеспечивает быстрый и рентабельный перевод денежных средств по всему миру. По мнению данных экспертов, систему традиционных денежных переводов используют люди с низким доходом, которые могут находиться за пределами деятельности официального банковского сектора, или те, кто переводит небольшие суммы, которые являются слишком малыми для перевода по легальной банковской системе и с которых взимаются повышенные банковские проценты из-за нерентабельности перевода.

В свою очередь, Аль Корши понимает под ТДП систему перевода материальных ценностей, которая используется в различных регионах мира, осуществляя как внутренние переводы, так и международные.

Системы традиционных денежных переводов, возникшие много веков назад – задолго до формирования официальных финансовых институтов, всегда были ориентированы на удовлетворение насущных жизненных потребностей экономически активных слоев населения. Эти системы, формировавшиеся в течение нескольких столетий, до сих пор несут на себе следы общинной организации жизни, им свойственна тесная взаимосвязь с традиционными, этническими, национальными и религиозными особенностями народов, населяющих планету. В Средние века лишь монастыри, будучи безопасными центрами социально-экономического развития, смогли сохранить экономические ресурсы и стать центрами перевода денег. Так, орден тамплиеров, основанный в 1119 г. в Иерусалиме для защиты христианских паломников, прибывших на Святую землю, мог вести активную международную деятельность, имея две штабквартиры и более 9 000 центров ордена Храма по всей Европе и Ближнему Востоку. Являясь военно-религиозным орденом, они пользовались огромным моральным авторитетом, обусловившим доверие людей, и стали надежными хранителями вкладов. Тамплиеры обладали также значительными финансовыми ресурсами, полученными от грабежей во время военных кампаний, по завещаниям феодальных магнатов и господ. Это позволило им организовать международный перевод средств с платой за их перевозку и охрану [4. С. 50—51].

Крайне интересно обратиться к системе традиционных денежных переводов ближневосточных стран. В этом аспекте важно отметить одну из основных систем перевода — «Хавалу» (Индия, Ближний и Средний Восток). Эксперты также выделяют следующие системы ТДП: хунди (Бангладеш, Пакистан); фин чиен (Китай); фо кьюан (Таиланд); ху къюан (Китай); чао ху (Китай); нинг синг кек (Гуанчжоу (Кантон)); ху кънн (используют вьетнамцы, проживающие в Австралии); падала (Филиппины); блок маркет кареиси эксчендж (Южная Америка, Нигерия, Иран); с тли хауз (Южная Америка) [5. Р. 23].

Хавала (араб. – денежный перевод, чек) – перевод долга, договор, по которому одно лицо принимает на себя обязательство по уплате долга должника перед кредитором. Под хавалой может также пониматься документ, подтверждающий перевод долга. История появления переводов «Хавала» неоднозначна. Сторонники, первого подхода утверждают, что «Хавала / Хунди» существовали уже более века назад, когда иммигранты из Индии, обосновавшиеся в Африке и Юго-Восточной Азии, использовали традиционные денежные переводы в качестве системы перевода денег на родину [6. С. 280]. Сторонники второго подхода предполагают, что эта система сложилась несколько веков назад, когда торговцы искали безопасную систему перевода денег, а люди — возможность путешествовать без большого количества наличных денег, чтобы обезопасить себя от разбойников. Сторонники третьего подхода полагают, что «Хавала» существует около тысячи лет, являясь частью древней египетской системы, основанной на кредитах жиро.

Г. Глущенко (ИМЭМО РАН) дает следующую историческую справку о вышеупомянутой системе ТДП: «Другие считают, что ей чуть ли не 7800 лет и что первоначально она была распространена в Индостане как средство урегулирования расчетов в пределах деревень. Одной из самых ранних работ с упоминанием «хавала» является официальный комментарий Аль-Мабсута, египетского ученого ХІ в. Саракши, где она интерпретируется как «передача из долга». Поскольку ислам [7. Аят.130] запрещает взимать проценты, передача «реальных» долгов между индивидуумами, начиная с раннего Средневековья, оказалась компромиссным вариантом кредитования дальней торговли в восточном Средиземноморье, Красном море, Месопотамии и Иране». Объем перевода посредством ТДП в мире огромен.

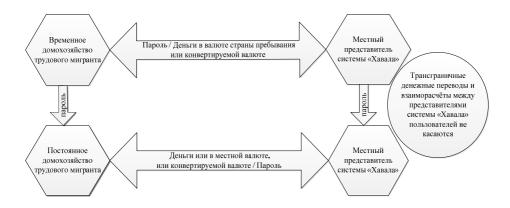

Рис. 1. Традиционная модель перевода денежных средств или ценностей (на примере системы «Хавала»)

Принцип работы «Хавалы» (рис. 1) при более детальном рассмотрении заключается в переводе денежных средств от отправителя (ОА) из страны А или переводе денежных средств в качестве оплаты за оказанные услуги от другого отправителя (ОБ) из страны Б. Хаваладар из страны А (ХА) получает денежные средства в одной валюте от ОА и в ответ ХА дает ОА пароль. ХА оповещает контрагента (хаваладара) в стране Б (ХБ), чтобы ХБ передал соответствующую сумму в местной валюте получателю (Г1Б), который должен назвать пароль, чтобы получить деньги. ХА может взять проценты за осуществление перевода или получить выгоду от разницы в обменном курсе. После перевода ХА остается в долгу перед ХБ; разрешают эту ситуацию различными способами: или финансовыми услугами, или пересылкой товара, или оказанием каких-либо услуг. Их обязательства по бухгалтерской отчетности также могут передаваться другим операторам «Хавалы», которые могут суммировать и консолидировать бухгалтерские балансы (финансовые потоки) и уравнять балансы на разных уровнях.

Поскольку система «Хавала» основана на доверии, брокеры, как и банки, осознают, что им придется уйти из бизнеса в случае, если они изменят своему слову. «Хавала» работает достаточно оперативно: обычно средний перевод занимает не более 48 часов, что благодаря отсутствию бумажной волокиты гораздо удобнее и дешевле, чем, например, перевод «Вестерн Юнион», где плата составляет от 2 до 10% от переводимой суммы. Дилеры «Хавалы» в Иране осуществляют операции обычно за 1–1,5% от общей суммы перевода или используют разницу в валютных курсах для формирования дохода [8. С. 66].

Операторам системы «Хавала» удается удерживать столь невысокую комиссию по причине диверсификации своих источников прибыли, основными из которых являются: выгода, получаемая из-за разности валютных курсов в странах; сдача в аренду (своеобразная «продажа») излишка денег; взимание процента за перевод; вложения в легальную и нелегальную торговлю; полу-

чение доходов от ведения бизнеса; а также получение прибыли от отмывания денег. Кроме того, проценты, взимаемые хаваладаром, могут варьироваться.

Большинство западных исследователей отмечают, что относительно небольшая стоимость услуг хаваладаров во многом определяет ее охват и масштаб. Так, Γ . Салтмарш утверждает, что операторы «Хавалы» взимают 0,25-0,65% от суммы перевода, Л. Буэнкамино и С. Горбунов называют 0,25-1,25%, Всемирный банк -1-5%, а С. Майбо -1-2% (только по Афганистану) [9].

По оценкам ООН, через систему «Хавала» переправляется около 200 млрд долл. в год. Согласно официальным данным, только в одном Пакистане по неформальным каналам, где ведут бизнес 1 100 операторов «Хавалы» (хаваладаров), перемещается от 2,5 до 7 млрд долл. Индийская экономика на 50% зависит от денег, переводимых через систему «Хавала», хотя сама эта система в стране находится под запретом.

«Хавала» является привлекательной для клиентов, поскольку она обеспечивает быстрый и удобный перевод денежных средств. Ее преимущества наиболее очевидны, когда принимающая страна относится к группе, где отсутствуют рыночные курсы обмена валют или обмен валют контролируется государством. Это было характерно для таких стран, как Пакистан или Египет, или когда банковская система в принимающей стране малоразвита — Афганистан, Йемен, Сомали. Кроме того, в некоторых частях мира это единственный вариант для законных переводов средств, и «Хавала» была использована организациями по оказанию помощи в районах, где это было наиболее необходимо.

По нашему мнению, системы традиционных денежных переводов нельзя определять как официальные, потому что: 1) финансовые потоки, отправляющиеся через ТДП, обходят официальные каналы денежных переводов; 2) в большом количестве вариантов финансовые потоки, несмотря на определение как «трансграничные», фактически не пересекают границы – происходит «взаимозачет» финансовых, трудовых или каких-либо других обязательств в национальных филиалах ТДП.

Подводя итоги изложенному выше, можно выделить целый ряд отличительных особенностей систем денежных переводов типа «Хавала»:

- привнесение в ее функционирование идеологии и религии;
- смешивание «грязных» и «чистых» денежных средств, циркулирующих в рамках системы;
  - высокую конфиденциальность;
  - беспрецедентное доверие среди клиентов;
  - большую частоту операций в рамках системы.

Самым спорным достоинством перевода «Хавалы» является ее анонимность и отсутствие отчетности перед властями. Для идентификации получателя перевода используется пароль, которым обмениваются дилеры «Хавалы» [10. С. 17]. Любые документы, которые применяются для совершения сделки, могут быть сразу уничтожены, кроме тех, которые нужны для дальнейшего урегулирования требований. Такая анонимность приводит к тому, что схемы «Хавалы» могут служить преступным целям, например, для спонсирования терроризма, отмывания денег или «бегства от налогов».

Эти системы не предназначены для осуществления «официальных транзакций»: они гарантируют полную конфиденциальность и не оставляют никаких доказательств своей деятельности. «Хавала» и «Хунди» основаны в первую очередь на доверии и не подразумевают перевод средств в физическом виде [11. С. 227]. Все это создает возможность использования данных систем террористическими и другими преступными организациями.

В рамках системы ТДП могут успешно проходить следующие операции:

- 1) уклонение от валютного и административного контроля, а также уход от уплаты налогов;
  - 2) отправление или получение переводов от криминальных организаций;
  - 3) осуществление расчетов с операторами наркоиндустрии;
  - 4) оплата товаров и услуг, имеющих нелегальное происхождение;
  - 5) перевод взяток чиновникам;
  - 6) производство расчетов за нарушение интеллектуальной собственности;
  - 7) перевод выкупа за человека;
  - 8) оплата за контрабанду различного рода;
  - 9) оплата за человеческие органы;
  - 10) финансовое мошенничество;
- 11) финансирование боевых формирований и террористических группировок;
  - 12) отмывание грязных денег.

Многие СМИ, говоря о практике отмывания денег Аль-Каидой, часто ссылаются на банковские системы «Хавала» и «Хунди». В Индии, Пакистане и странах Среднего Востока именно эти системы представляют особую опасность в свете данной проблемы [11. С. 226].

В 2006 г. в Москве на Черкизовском рынке сотрудники ФСБ провели операцию против действующих в столице участников «Хавалы». Граждане Афганистана и уроженец Азербайджана (гражданин России) организовали в столице несколько пунктов «Хавалы» – нелегальной международной системы денежных переводов.

Клиентов, в основном граждан стран СНГ, принимали без предъявления документов, но исключительно по рекомендации. От того, кто ее дал, кстати, среди прочего зависел размер комиссионных за перевод денег – от 1 до 10%. Также при этом учитывались такие факторы, как место назначения, срочность перевода и личность самого клиента. Клиент отдавал деньги, после чего ему выдавался листок бумаги с записью присвоенного ему специального кода (обычно набор цифр), а также номер телефона, по которому получатель должен был позвонить, продиктовать код и забрать деньги в любой точке земного шара в таком же подпольном офисе. Всю эту информацию тщательно заносили в свои записные книжки, такие записи по прошествии определенного времени просто уничтожали, чтобы не оставлять следов. При «взаимозачетах» афганцы перечисляли деньги обычно на банковские счета в Китае, откуда они уходили в страны Средней Азии и Европы. На основе изъятой «черной» бухгалтерии установлено, что чуть больше чем за год по нескольким системам «Хавалы» было переправлено в общей сложности около 7 млрд руб. [12].

Так или иначе, объем денежных переводов мигрантов в мире продолжит расти, так как этому способствуют многие факторы: глобализация, расширение миграционных потоков в условиях неуменьшающихся демографических и экономических различий между странами, облегчение процедур денежных транзакций и пр. Необходимо также учитывать, что денежные трансферты мигрантов остаются важным инструментом развития стран-получателей.

Литература

- 1. *Migration* and Remittances: Recent Developments and Outlook // Special Topic: Global Compact on Migration World BankGroup. April 2017. 44 p.
- 2. *Земцов А.А., Имонов О.Д.* Трансграничные системы денежных переводов // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2016. № 4 (36). С. 74–85.
- 3. *Buencamino L., Gorbunov S.* Informal money transfer systems // Opportunities and Challenges for Development Finance. November 2002. Vol. 26. 24 p.
- 4. *Хесус Уэрта де Сото*. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008. 687 с.
- 5. Kiser S. Financing Terror. An Analysis and Simulation for Affecting Al Qaeda's Financial Infrastructure // RAND Corporation. 2004. 90 p.
- 6. *Исламские* финансы в современном мире: экон. и правовые аспекты: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения; сост. и отв. ред. Р.И. Беккин. М.: УММА, 2004. 283 с.
- 7. *Коран:* перевод смыслов аятов и их краткое толкование / пер. Абу Адель. Киев, 2015. 760 с.
- 8. *Андреев Л.А.* Теневые институты финансовой системы Ирана // Экономика. Вестн. Моск. ун-та, сер. 13. Востоковедение. 2015. № 2. С. 62–72.
- 9. Официальный сайт Всемирного банка [Электронный ресурс]. URL: http://www5.worldbank.org/eca/russian/data/ (дата обращения: 25.04.2017).
- 10. *El Qorchi M.M., Maimbo M.S.M., Wilson M.J.F.* Informal Funds Transfer Systems: An Analysis of the Informal Hawala System // International Monetary Fund. Washington DC. 2003. № 222. P. 15–18.
- 11. *Лилли П*. Грязные сделки: тайн. правда о мировой практике отмывания денег, междунар. преступности и терроризме: 2-е изд.; пер. с англ. полностью пересмотр. и испр. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 399 с. (Серия «Бизнес-технологии»).
- 12. В Москве раскрыта сеть нелегальных пунктов по переводу денег «Хавала» [Электронный ресурс]: Информационное агентство Банкир.Ру. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 65029 от 10 марта 2016 года, выдано Роскомнадзором. URL: http://bankir.ru/novosti/20070629/v-moskve-raskrita-set-nelegalnih-pynktov-po-perevody-deneg-havala-1086156/ (дата обращения: 14.05.2017).

Zemtsov Anatoliy A. Department of Finance and Credit, Institute of Economics and Management, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: fbd@bk.ru

Imonov Oyatullo D. Department of Finance and Credit, Institute of Economics and Management, National Research

Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: oyat-29.88@mail.ru

TRADITIONAL HOUSEHOLD REMITTANCES SYSTEMS

Keywords: Traditional remittances, «Hawala» system, labor migrants, money, households.

The «Hawala» system emergence history, its role in traditional money transfer systems in the countries of Asia and Africa, as well as in the CIS countries is considered. The points of view of the main authors dealing with this topic, about traditional households money transfers system place in the modern world, their interaction with official financial systems are given. Analysis of statistical data shows the role of these systems in the circulation of financial resources of labor migrants.

References

- 1. Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook. Special Topic: Global Compact on Migration World BankGroup. April 2017, pp. 44
- 2. Zemtsov A.A., Imonov O.D. Transgranichnyye sistemy denezhnykh perevodov // Bulletin of Tomsk State University. Ekonomika. 2016. № 4 (36), pp. 74–85.
- 3. Buencamino L., Gorbunov S. Informal money transfer systems // Opportunities and Challenges for Development Finance. November. 2002- Vol. 26, pp. 24.
- 4. Jesús Huerta de Soto Money, bank credit and economic cycles // Chelyabinsk: Social life, 2008, pp. 687.
- 5. Kiser S. Financing Terror. An Analysis and Simulation for Affecting Al Qaeda's Financial Infrastructure // RAND Corporation, 2004, pp. 90.
- 6. Islamic finance in the modern world: econ. And legal aspects: // [Sat. Item] / the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. Moscow: UMMA, 2004, pp. 283.
- 7. Quran translation of the meanings of the verses and their brief interpretation // Translation: Abu Adel: Kiev, 2015, pp. 760.
- 8. Andreev L.A. Shadow institutions of the financial system of Iran / Economics. Herald of Moscow University. Ser. 13. Oriental studies. 2015. № 2, pp. 62-72.
- 9. (Electronic resource): Official website of the World Bank: http:// www5. world-bank.org/eca/russian/data/ (reference date: 25.04.2017).
- 10. El Qorchi M. M., Maimbo M.S.M., Wilson M.J.F. Informal Funds Transfer Systems: An Analysis of the Informal Hawala System // International Monetary Fund. Washington DC. 2003. № 222, pp. 15-16.
- 11. Lilly P. Dirty deals: the truth about the world practice of money laundering, intern. Crime and terrorism: [translate From English.] Fully revised and amended 2nd edition Rostov n / a: Phoenix, 2005. 399 pp. (Series "Business Technology").
- 12. In Moscow, a network of illegal points for the transfer of money "Hawala" // (Electronic resource): News Agency Bankir.Ru Certificate of registration of the mass media EL № FS-77 65029 dated March 10, 2016, issued Roskomnadzor. Http://bankir.ru/novosti/20070629/v-moskve-raskrita-set-nelegalnih-pynktov-po-perevody-deneg-havala-1086156/ (reference date: May 14, 2017).

Zemtsov A.A., Imonov O.D. Sistemy tradicionnyh denezhnyh perevodov domohozyajstv [Traditional household remittance systems]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 39, pp. 130–137.

УДК 338.24.021.8

DOI: 10.17223/19988648/39/11

Ч.У. Адамкулова

РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ПОДСИСТЕМОЙ ВУЗОВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕРЕХОДА К САМОФИНАНСИРОВАНИЮ (НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Ж. БАЛАСАГЫНА)

В статье раскрыты и обоснованы концептуальные предпосылки изменения модели финансирования вузов в Кыргызской Республике. Выделены концептуальные и стратегические задачи перехода вузов Кыргызской Республики на самофинансирование. Приведена практика диверсификации доходов вуза в условиях модернизации системы высшего образования. Представлен анализ системы финансового менеджмента высших учебных заведений, отмечено функциональное изменение роли университетского менеджмента, предоставление больших полномочий учебным структурным подразделениям университета в рамках децентрализации и демократизации финансового планирования и бюджетирования.

Ключевые слова: вузы, финансовая система, стратегическое управление, Кыргызская Республика, модернизация.

Последние годы развития системы высшего образования в Кыргызской Республике (далее – КР) характеризуются значительным изменением условий внешней среды, что влияет на деятельность образовательных учреждений высшего профессионального образования. Изменения происходят прежде всего в экономических и правовых факторах, влияющих на развитие вузов страны. Вектором и ориентиром модернизации системы высшего образования в Кыргызской Республике стали положения Болонского процесса, а также стремление органов государственной власти интегрировать национальную систему высшего образования в международное европейское образовательное пространство.

В таких условиях большинство кыргызских вузов должно изменять подходы к управлению своим стратегическим развитием. Изменение подходов и способов управления стратегическим развитием требует в первую очередь учета характера изменения факторов внешней среды. Одним из основных концептуальных и стратегических направлений изменения моделей управления вузами КР является перевод их на механизм самофинансирования.

Задача перевода вузов в КР на модель самофинансирования и последствия от ее реализации для обеспечения качества высшего образования и эффективности всей национальной экономики еще недостаточно изучены. Оценивая разработанность выбранной проблематики статьи, можно выделить небольшое число исследований, в которых изучаются или затрагиваются проблемы и отдельные вопросы перевода вузов КР на самофинансирование [1, 4, 5, 14 и др.].

Принятие в 2012 г. Правительством Кыргызской Республики Постановления от 23 марта 2012 г. № 201 «О стратегических направлениях развития системы образования в Кыргызской Республике» [11] стало важной вехой эволюции национальной системы образования и организационно-правовым условием его качественного изменения в долгосрочной перспективе. Указанным актом, в частности, утверждены конкретные стратегические документы:

- 1. Концепция развития образования в Кыргызской Республике до 2020 г. (далее Концепция), которая включала в себя ряд теоретических, методологических и организационных положений, разработанных для мобилизации системы образования в стране на достижение целей ее развития. В отношении высшего образования сформулированы пять стратегических направлений, призванных повысить качество обучения и профессиональной подготовки кадров в вузах с учетом требований экономики страны:
  - изменить условия предоставления высшего образования;
  - внести изменения в структуру и содержание высшего образования;
- изменить организацию учебного процесса и содержание образовательной среды;
- определить направления совершенствования внутренних и внешних механизмов контроля качества высшего образования;
  - изменить роль науки путем ее интеграции с высшим образованием [6].

К числу важных частных задач, предопределяющих необходимость совершенствования системы управления вузами в КР, в том числе изменения подходов и способов управления финансовой подсистемой в вузах, обозначенных в Концепции, в рамках задачи изменения условий предоставления высшего образования следует назвать:

- перевод большей части вузов КР на самофинансирование, обеспечение их автономии и интеграции в экономической среде;
- обеспечение возможности свободного выбора управленческой модели вузами [6].

Таким образом, государство задало стратегический ориентир в виде концептуальной задачи, изменив подход к организации финансирования вузов КР. Такие изменения не могут не учитываться вузами КР, поскольку государственное финансирование многих из них составляет основу доходной части, а переход на самофинансирование требует качественной перестройки всех процессов стратегического управления вузами.

- 2. Стратегия развития образования в Кыргызской Республике на 2012—2020 гг. (далее Стратегия), разработанная в целях конкретизации концептуальных задач развития системы образования в стране и формулирующая видение сферы образования в стране к 2020 г. В данном документе среди приоритетных направлений политики в сфере высшего профессионального образования также указана необходимость пересмотра действующих механизмов финансирования высшего образования, в том числе с учетом опыта перевода государственных вузов на самофинансирование [13]. В Стратегии поставлена конкретная задача по увеличению доли государственных вузов, функционирующих на условиях самофинансирования, с 3% в 2011 г. до 14% к 2020 г.
- 3. План действий по реализации Стратегии развития образования в Кыргызской Республике на 2012–2014 гг. в качестве первого трехлетнего плана

реализации Стратегии развития образования в Кыргызской Республике на 2012–2020 гг. (далее – План), в котором определены конкретные мероприятия по основным элементам системы образования для достижения сформулированных задач [7]. В рамках Плана поставлены конкретные задачи по пересмотру способов финансирования государственных вузов в КР:

- разработка критериев для выбора вузов, подходящих для перехода на модель самофинансирования;
- выбор перечня вузов, переходящих на самофинансирование, а также определение графика перехода;
- разработка нормативной правовой базы для перевода ряда вузов на самофинансирование.

Практическая реализация концептуальных и стратегических задач, а также мер по их достижению началась с разработки нормативной базы и ее внедрения в деятельность вузов КР. Постановлением Правительства КР от 11 апреля 2016 г. № 191 «О внесении дополнений и изменений в некоторые решения Правительства Кыргызской Республики» [9] с 2016 г. отменено государственное регулирование тарифов на платные образовательные услуги. Отмена регулирования стоимости образовательных услуг частными вузами ставит все образовательные учреждения государства в равные конкурентные условия. Отметим, что механизм, предполагающий отсутствие методов прямого государственного регулирования стоимости образовательных услуг, практикуется во многих зарубежных странах и соседних государствах (к примеру, в Казахстане).

Новый механизм финансирования бюджетных мест в вузах КР будет осуществляться по принципу фиксированной стоимости, оплачиваемой только из республиканского бюджета, что, как указывает министр образования и науки КР, «позволяет использовать принцип «деньги идут за студентом» и создает более справедливую систему финансирования государственных вузов» [12].

Таким образом, в системе высшего образования КР в последние годы возникли объективные предпосылки для изменения способов управления финансовыми подсистемами вузов. Это требует со стороны субъектов управления вузами, прежде всего государственными, создания методической базы для оптимального изменения используемых подходов к управлению финансовыми подсистемами.

Исследователи выделяют различные способы диверсификации финансовых рисков вуза в условиях перехода к самофинансированию. К примеру, В.В. Гамукин предлагает создавать пропорциональную структуру доходов вуза пятью равными источниками (кроме бюджетного финансирования):

- $\bullet$ доходы от оказания платных образовательных услуг по основным программам высшего образования 20%;
- $\bullet$ доходы от оказания платных образовательных услуг по программам дополнительного образования широкого спектра (от довузовского до аспирантуры) – 20%;
  - доходы от выполнения научных исследований 20%;
  - доходы от производственных проектов 20%;

• финансирование на выполнение государственного задания – 20% [2].

Достоинством такого подхода к снижению финансовых рисков является широкий спектр источников диверсификации доходов вуза, предложенный автором. Однако представляется, что «пропорционализировать» доходы вуза в одинаковом соотношении практически невозможно, особенно учитывая различную специализацию вузов.

Другие авторы разделяют способы диверсификации доходов вуза на две основные группы:

- 1. Увеличение доходов за счет прибыли от обучающихся:
- •введение платы за обучение в случаях, когда высшее образование было бесплатным;
- резкое повышение платы за обучение в случаях, когда плата за обучение в государственных вузах не взималась;
- прием преимущественно обучающихся, которые могут заплатить за обучение (практика «управления зачислением», США);
  - максимизация зачисления платных студентов;
- введение «пользовательских сборов» для покрытия затрат, предоставляемых и ранее субсидируемых социальных учреждений вуза (столовых, общежитий);
  - сокращение студенческих грантов или стипендий;
- увеличение эффективности покрытия затрат по студенческим займам (за счет сокращения субсидии по студенческим грантам);
- официальное поощрение, государственное субсидирование зависящего от платы за обучение частного образовательного сектора.
  - 2. Альтернативные формы увеличения доходов вуза:
  - проведение контрактных исследований;
- преподавание курсов, пользующихся большим спросом, студентам, не получающим академическую степень, за дополнительную плату;
  - продажа или сдача в аренду активов вуза;
  - пожертвования и др. [3].

Не все из выделенных Д.Б. Джонстоуном методов повышения и диверсификации доходов вуза могут быть использованы в условиях реальности в Кыргызской Республике – многие из них видятся нам «агрессивными», могут способствовать негативному восприятию вуза и снижению его доходов в отдаленной перспективе.

Изменение методов стратегического управления финансовой подсистемой вузов в условиях модернизации высшего образования и перехода к самофинансированию в Кыргызской Республике требует учета особенностей функционирования национальной системы высшего образования, стратегических задач, поставленных правительством страны перед данной системой.

Нами было принято непосредственное участие в проведении ряда преобразований в системе финансового управления вузом в рамках проводимых реформ – в деятельности Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына (далее – КНУ им. Ж. Баласагына).

КНУ им. Ж. Баласагына является ведущим вузом в системе высшего образования КР. В учебном процессе вуза задействовано 1 576 штатных педаго-

гов, в том числе 541 кандидат наук и 117 докторов наук. Количество обучающихся в вузе 23 333 человека, из них:

- 2 162 студенты бюджетного отделения;
- 21 171 студенты внебюджетного отделения;
- 2 723 учащиеся по программе среднего профессионального образования;
  - 191 обучающиеся по программе общего среднего образования.

Образовательная деятельность КНУ им. Ж. Баласагына ведется по следующим направлениям и специальностям:

- подготовка бакалавров по 65 направлениям;
- подготовка специалистов по 5 специальностям;
- переподготовка специалистов по ускоренным программам с нормативным сроком обучения 2,5 и 3,5 года;
  - подготовка магистров по 35 направлениям;
- подготовка специалистов по 22 специальностям среднего профессионального образования:
  - аспирантская подготовка по 16 отраслям наук;
  - докторская подготовка по 6 отраслям наук [9].

Значительные масштабы деятельности вуза обусловливают необходимость повышенного внимания вопросам формирования эффективной системы финансового управления. Основными источниками финансирования деятельности вуза, поступающими на единый казначейский счет, являются:

- средства государственного бюджета;
- средства от обучающихся на контрактной основе;
- финансовые поступления от арендной платы;
- научные гранты Министерства образования и науки КР;
- гранты агентства кадровой службы на проведение тренингов для государственных служащих;
  - образовательные гранты программы Европейской комиссии Эрасмус+.

Основную долю финансирования КНУ им. Ж. Баласагына составляют средства от обучающихся на контрактной основе. При этом на бюджетное финансирование приходится только 10% от общих доходов вуза.

До проведения изменений в системе финансового управления вузом средства государственного бюджета распределялись в соответствии с типовым штатным расписанием, утвержденным Постановлением Правительства КР от 20 ноября 2015 г. № 788 [10].

В соответствии с Постановлением Правительства от 1 июля 2016 г. № 370 «О порядке финансирования организаций высшего профессионального образования Кыргызской Республики из средств республиканского бюджета на основе размеров государственного образовательного гранта» [8] изменились принципы финансирования вузов. Так, согласно новой схеме Министерство финансов КР выделяет средства бюджета в соответствии с количеством бюджетных студентов, которое умножается на стоимость обучения (контракта). Ввиду отсутствия типового штатного расписания вузы должны составлять собственное расписание на основе поступивших средств.

Изменение схемы финансирования стало причиной недополучения КНУ им. Ж. Баласагына бюджетных средств на сумму 18 млн сомов в 2016 г., что

потребовало оптимизации организационной структуры вуза: перевода части сотрудников, получавших заработную плату из бюджета, на контрактный договор, а часть штатных единиц была сокращена.

Учитывая изменившийся подход к финансированию, в 2015—2016 учебных годах произошли изменения в доходно-расходной части вуза — в бюджетном и внебюджетном потоках денежных средств. В целях повышения эффективности организации финансового управления вузом были предложены и внедрены следующие мероприятия:

- ввиду перехода на двухуровневую систему подготовки (бакалавриат и магистратура) осуществить отказ от института кафедр и перейти к программному управлению учебным процессом;
- разрешить самостоятельное формирование руководителем образовательных программ штата ввиду упразднения кафедр, это позволит привлекать профессиональный штат, повысив качество обучения;
- создать субсчета по каждой образовательной программе, осуществлять оценку каждой образовательной программы по доходам и расходам для оценки их экономической эффективности;
- предоставлять преференции наиболее эффективным образовательным программам, дополнять их зарубежными стажировками, возможностью участия в международных конференциях, материальным поощрением;
- программам, показавшим низкую эффективность, предоставлять дотации с временным лагом на 1 год и предупреждением, что по истечении этого срока дотации прекратятся, а доходы преподавателей будут рассчитываться в соответствии с доходами программы.

В условиях трансформации подходов государства к финансированию вузов в КР, обеспечения их большей финансовой и управленческой самостоятельности субъекты управления вузами вынуждены пересматривать подходы к организации управления финансовой подсистемой образовательного учреждения. В дальнейшем требуется расширение мер по оптимизации расходов и повышению доходности государственных вузов КР, а также разработке методических рекомендаций по внедрению таких мер.

Литература

- 1. *Асан У.Т.* Формирование системы частного высшего образования в Кыргызстане // ALATOO ACADEMIC STUDIES. 2015. № 2. С. 37–43.
- 2. Гамукин В.В. Доходы вуза: диверсификация бюджетных рисков // Высшее образование в России. 2012. № 4. С. 80–86.
- 3. Джонстоун Д.Б. Сокращение финансирования высшего образования: стимулы и ограничения диверсификации доходов // Университетское управление. 2002. № 2(21).
- 4. Дмитриенко И.А. Вопросы финансирования высшего профессионального образования: опыт зарубежных стран [Электронный ресурс]. URL: http:// arch.kyrlibnet. kg/uploads/UADMITRIENKO2013-3.pdf (дата обращения: 03.04.2017).
- 5. Жолдошбекова Н.Ж. Эффективный менеджмент в системе высшего образования Кыргызской Республики // Вестн. Междунар. ун-та Кыргызстана. 2015. № 1 (27). С. 77–80.
- 6. Концепция развития образования в Кыргызской Республике до 2020 года [Электронный ресурс] / Министерство образования и науки Кыргызской Республики. URL: http://edu.gov.kg/ru/docs/statistics/standards/koncepciya-razvitiya-obrazovaniya-v-kyrgyzskoj-respublike-do-2020-goda/ (дата обращения: 04.04.2017).

- 7. План действий по реализации Стратегии образования в Кыргызской Республике на 2012–2014 годы в качестве первого трехлетнего плана реализации Стратегии развития образования в Кыргызской Республике на 2012–2020 годы [Электронный ресурс] / Министерство юстиции Кыргызской Республики. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/92984/20?cl=ru-ru (дата обращения: 04.04.2017).
- 8. Постановление Правительства КР от 1 июля 2016 года № 370 «О Порядке финансирования организаций высшего профессионального образования Кыргызской Республики из средств республиканского бюджета на основе размеров государственного образовательного гранта» [Электронный ресурс] / Министерство юстиции Кыргызской Республики. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/98527/20?mode=tekst (дата обращения: 07.01.2017).
- 9. Постановление Правительства КР от 11 апреля 2016 года № 191 «О внесении дополнений и изменений в некоторые решения Правительства Кыргызской Республики» [Электронный ресурс]. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/98433/10?mode=tekst (дата обращения: 05.04.2017).
- 10. Постановление Правительства КР от 20 ноября 2015 года № 788 «Об утверждении типовых штатов организаций среднего и высшего профессионального образования системы Министерства образования и науки Кыргызской Республики» [Электронный ресурс] / Министерство юстиции Кыргызской Республики. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/98203/20?mode=tekst (дата обращения: 29.12.2016).
- 11. Постановление Правительства КР от 23 марта 2012 года № 201 «О стратегических направлениях развития системы образования в Кыргызской Республике» // Эркин-Тоо. № 44.
- 12. Президент Алмазбек Атамбаев принял министра образования и науки Эльвиру Сариеву [Электронный ресурс]: Официальный ресурс Президента Кыргызской Республики. URL: http://www.president.kg/ru/novosti/8280_prezident_almazbek_atambaev_prinyal_ministra_obrazovani ya i nauki elviru sarievu/ (дата обращения: 06.04.2017).
- 13. Стратегия развития образования в Кыргызской Республике на 2012—2020 годы [Электронный ресурс] / Министерство образования и науки Кыргызской Республики. URL:-http://edu.gov.kg/ru/docs/statistics/standards/strategiya-razvitiya-obrazovaniya-v-kyrgyzskoj-respublike-na-2012—2020-gody/ (дата обращения: 04.04.2017).
  - 14. Тюлюндиева Н.М. Концепция управления бюджетом государства. Бишкек, 2011. 274 с.

Chinara Adamkulova. Kyrgyz National University, 720033, Bishkek, 547 Frunze street , Kyrgyz Republic. E-mail: chinara.adam@gmail.com

DEVELOPMENT OF THE UNIVERSITIES FINANCIAL SUBSYSTEM STRATEGIC MANAGEMENT METHODS UNDER HIGHER EDUCATION MODERNIZATION CONDITIONS AND TRANSITION OF UNIVERSITIES TO THE SELF-FINANCING SYSTEM (ON THE EXAMPLE OF KYRGYZ NATIONAL UNIVERSITY NAMED AFTER J. BALASAGIN)

Keywords: universities, financial system, strategic management, Kyrgyz Republic, modernization.

The article reveals and substantiates the conceptual prerequisites for changing the financing model of higher education institutions in the Kyrgyz Republic. The conceptual and strategic tasks of the Kyrgyz Republic universities transition to self-financing are singled out. The practice of diversifying the incomes of the university in the higher education system modernization conditions is given.

The analysis of the financial management system of higher education institutions is presented, a functional change in the role of university management is noted as well as the granting of greater authority to the educational structural units of the university in the framework of decentralization and democratization of financial planning and budgeting is highlighted.

References

- 1. Asan U.T. Formirovaniye sistemy chastnogo vysshego obrazo-vaniya v Kyrgyzstane // ALA-TOO ACADEMIC STUDIES, 2015. № 2, pp. 37-43.
- 2. Gamukin V.V. Dokhody vuza: diversifikatsiya byudzhetnykh ris-kov // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2012. № 4, pp. 80-86.
- 3. Dzhonstoun D.B. Sokrashcheniye finansirovaniya vysshego obra-zovaniya: stimuly i ogranicheniya diversifikatsii dokhodov // University Administration. 2002. № 2(21).

- 4. Dmitriyenko I.A. Voprosy finansirovaniya vysshego profes-sionalnogo obrazovaniya: opyt zarubezhnykh stran [Elektronnyy resurs] / URL -http://arch.kyrlibnet.kg/ uploads/ UAD-MITRIENKO2013-3.pdf (data obrashcheniya 03.04.2017).
- 5. Zholdoshbekova N.ZH. Effektivnyy menedzhment v sisteme vys-shego obrazovaniya Kyrgyzskoy Respubliki // Bulletin of the International University of Kyrgyzstan. 2015. № 1 (27), pp. 77-80.
- 6. The concept of the development of education in the Kyrgyz Republic until 2020 [Electronic resource] / Ministry of Education and Science of the Kyrgyz Republic. URL: http://edu.gov.kg/en/docs/statistics/standards/koncepciya-razvitiya-obrazovaniya-v-kyrgyzskoj-respublike-do-2020-goda/ (circulation date 04/04/2017).
- 7. Action Plan for the implementation of the Education Strategy in the Kyrgyz Republic for 2012-2014 as the first three-year plan for the implementation of the Strategy for the Development of Education in the Kyrgyz Republic for 2012-2020 [Electronic resource] / Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-en/92984/20?cl=en-ru (circulation date 04/04/2017)
- 8. Resolution of the Government of the KR of 1 July 2016 No. 370 "On the Procedure for Financing Organizations of Higher Professional Education of the Kyrgyz Republic from the Republican Budget on the Basis of the Size of the State Educational Grant" [Electronic resource] / Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/98527/20?mode=tekst (circulation date 07/01/2017).
- 9. Resolution of the Government of the KR of April 11, 2016 No. 191 "On the introduction of amendments and additions to some decisions of the Government of the Kyrgyz Republic" [Electronic resource]. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/98433/10?mode=tekst (date of circulation 04/05/2017).
- 10. Resolution of the Government of the KR of November 20, 2015, No. 788 "On approval of the standard staff of organizations of secondary and higher professional education of the system of the Ministry of Education and Science of the Kyrgyz Republic" [Electronic resource] / Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/98203/20?mode=tekst (date of circulation on December 29, 2016).
- 11. Resolution of the Government of the KR of March 23, 2012 No. 201 "On strategic directions for the development of the education system in the Kyrgyz Republic" // Erkin-Too, No. 44.
- 12. President Almazbek Atambaev received the Minister of Education and Science Elvira Sariev [Electronic resource] / Official resource of the President of the Kyrgyz Republic. URL: http://www.president.kg/en/novosti/8280_prezident_almazbek_atambaev_prinyal_ministra_obrazovan iya i nauki elviru sarievu/ (circulation date 04/06/2017).
- 13. Strategy of the development of education in the Kyrgyz Republic for 2012-2020 [Electronic resource] / Ministry of Education and Science of the Kyrgyz Republic. URL: http://edu.gov.kg/en/docs/statistics/standards/strategiya-razvitiya-obrazovaniya-v-kyrgyzskoj-respublike-na-2012-2020-gody/ (circulation date 04/04/2017).
- 14. Tyulyundiyeva N.M. Kontseptsiya upravleniya byudzhetom gosudar-stva. Monografiya. B.: 2011, pp. 274.

Adamkulova CH.U. Razvitie metodov strategicheskogo upravleniya finansovoj podsistemoj vuzov v usloviyah modernizacii vysshego obrazovaniya i perekhoda k samofinansirovaniyu (na primere Kyrgyzskogo nacional'nogo universiteta im. ZH. Balasagyna) [Development of the universities financial subsystem strategic management methods under higher education modernization conditions and transition of universities to the self-financing system (on the example of Kyrgyz National University named after J. Balasagin)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 39, pp. 138–145.

МЕНЕДЖМЕНТ

УДК 338, 332.81

DOI: 10.17223/19988648/39/12

Л.И. Сысоева

РАЗВИТИЕ ТСЖ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА В СФЕРЕ ЖКХ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье обосновывается возможность повышения эффективности жилищно-коммунального хозяйства за счет расширения применения института товариществ собственников жилья (ТСЖ). Использованы методы статистического и сравнительного анализа, социологических опросов. В ходе исследования раскрываются особенности данного варианта управления жилыми объектами, отмечаются его сравнительные достоинства и недостатки, характеризуются процессы развития в регионе. На основании сопоставления структуры тарифов и результатов опроса потребителей доказывается большая эффективность ТСЖ в деле обслуживания жилого фонда в современных экономических условиях. По итогам проведенного анализа вскрываются причины, сдерживающие процессы развития ТСЖ в регионе и стране, предлагаются меры по стимулированию данного процесса.

Ключевые слова: товарищество собственников жилья (ТСЖ), жилищный фонд, содержание жилья, домовладелец, управляющая компания.

Кризисное состояние жилищного фонда, по общему мнению, является одним из самых значимых и нерешенных социально-экономических проблем в современной России:

- 1. Изношенные основные фонды, необходимость капитального ремонта жилья, неэффективность управления в сфере ЖКХ вызывают обоснованное недовольство населения [1]. По данным проведенного социологического опроса, работу ЖКХ считают «нормальной» только 23% респондентов. Около 67% полагают, что ЖКХ работает «плохо» или «очень плохо». «Хорошо» или «очень хорошо» оценили работу ЖКХ лишь 4 и 1% респондентов соответственно [2].
- 2. Отсутствие значимых результатов в деле внедрения инновационных достижений (среди возможных перспективных направлений, требующих пристального актуального внимания, можно назвать внедрение энерго- и теплосберегающих технологий при модернизации жилья, применение автономных отопительных систем, что получило широкое распространение за рубежом в странах с холодным климатом, внедрение систем раздельного сбора твердого бытового мусора, установка систем дополнительного очищения и повышения качества питьевой воды, использование автоматизации при клиниге лестничных площадок и других площадей общего пользования, обновление кровли и межпанельных швов с использованием современных более качественных материалов, внедрение систем обеспечения безопасности жильцов и пр.) [3].

- 3. Выявляются прецеденты хищения и нецелевого расходования денежных средств, полученных как за предоставленные услуги, так и на реконструкцию имеющихся инженерных сетей, в том числе бюджетных субсидий, выделенных на реализацию инвестиционных программ.
- В г. Новосибирске на основании материалов прокурорской проверки возбуждено уголовное дело УК «Союз Плюс» по ч. 1 ст. 160 УК РФ по фактам присвоения денежных средств, выделенных для обслуживания жилищного фонда, финансируемого за счет средств граждан.
- 4. В отрасли систематически не соблюдаются требования законодательства, регулирующего порядок и условия разработки, а также утверждения и реализации производственных и инвестиционных программ.
- Так, в г. Бердске Новосибирской области в бюджете на 2009–2013 гг. не выделялись средства на реализацию инвестиционной программы для МУП «Комбинат бытовых услуг» «Развитие систем переработки и утилизации твердых бытовых отходов на 2009–2013 годы». И, наоборот, Шубинским сельсоветом Барабинского района региона не были использованы мероприятия по капитальному ремонту объектов водоотведения и теплоснабжения, несмотря на выделение средств местного бюджета.
- 5. В сфере управления и содержания жилого и нежилого фонда наблюдается необоснованный рост тарифов, влекущий за собой нарушение прав потребителей [4]. Согласно проведенным исследованиям, темпы роста платежей по различным жилищным услугам отличаются от региона к региону на 45-80% [5]. Анализ данных показал, что тарифы на содержание жилья организаций ЖКХ значительно отличаются друг от друга в городах с аналогичными природно-климатическими условиями. Присутствуют неоправданные различия в стоимости услуг ЖКХ в различных субъектах РФ и муниципальных образованиях внутри регионов. Например, стоимость тарифа на содержание жилья 1 кв. м в Кемеровской области ниже на 70-80%, чем в г. Новосибирске [6]. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу того, что тарифы на услуги по содержанию жилых объектов являются экономически необоснованными и значительно завышенными. Организации ЖКХ перекладывают на потребителей жилищно-коммунальных услуг затраты, обусловленные необоснованным увеличением заработной платы сотрудников, управленческие расходы, в том числе на приобретение оргтехники, и прочие издержки, не связанные непосредственно с оказанием жилищно-коммунальных услуг. Существующие тарифы также не способствуют повышению эффективности производства, внедрению новых технологий, не ориентированы на снижение себестоимости коммунальных услуг. Согласно опросу, проведенному в мае 2015 г., большинство граждан (55%) считают несправедливой сумму, которую они платят за коммунальные услуги, 63% опрошенных назвали стоимость коммунальных услуг завышенной, при этом более других ощущают дороговизну жилищно-коммунальных услуг жители небольших городов с населением от 50 до 100 тыс. чел. (75%) [7].
- 6. Капитальный ремонт жилищного фонда, капитальные вложения на модернизацию и обновление капитальных объектов, благоустройство городов и субъектов РФ имеют недостаточное финансирование из бюджета, а иногда и прямое сокращение его объемов вследствие возникновения трудностей с по-

ступлениями в бюджет. Общий объем инвестиций в ЖКХ оценивается в 170 млрд руб.[8], однако потребности отрасли в них намного больше.

- 7. Низкая инвестиционная привлекательность сферы ЖКУ вследствие активного вмешательства органов власти в ее деятельность ввиду высокой социальной значимости и в связи с этим трудностей прогнозирования развития.
- 8. В условиях повышения тарифов на жилищно-коммунальные услуги происходит резкое снижение платежеспособности населения, что влечет за собой образование и рост задолженности потребителей.

Указанные особенности данной отрасли в Новосибирской области характерны и для всей России. Так, например, по официальным данным Министерства регионального развития России и Росстата, темпы нарастания физического износа основных фондов ЖКХ страны составляют 3–5% в год, что полностью соответствует аналогичным показателям по региону. Износ объектов коммунальной инфраструктуры и жилищного фонда в среднем по стране составляет более 60% [8], в г. Новосибирске износ жилищного фонда приблизился к 53%, что близко к общероссийскому уровню. Приток инвесторов в сферу ЖКХ страны составляет 4–5%, в г. Новосибирске – 2–3%, что так же, как и все ранее приведенные показатели, демонстрирует типичность Новосибирской области с точки зрения состояния этой сферы.

Развитие рыночных отношений поставило перед отраслью жилищнокоммунального хозяйства задачи выработки новых подходов к функционированию, совершенствованию деятельности и внедрению системы механизмов, способствующих адаптации ЖКХ к новым условиям хозяйствования. Дальнейшее проведение реформы ЖКХ становится невозможным без применения новых форм и методов управления жилищным фондом России.

Одним из направлений повышения эффективности деятельности ЖКХ является развитие системы товариществ собственников жилья, анализ проблем функционирования которой проводится в данной статье. В соответствии с этим целью исследования является рассмотрение характерных преимуществ ТСЖ как варианта управления жилым фондом по сравнению с управляющими компаниями и выработка предложений по стимулированию процесса их более широкого распространения. Рассмотрение выполнено на примере типичных представителей ТСЖ и управляющих компаний. В работе использованы методы сравнительного и статистического анализа, социологических опросов и пр.

Согласно действующему Жилищному кодексу собственники помещений в многоквартирном доме обязаны выбрать один из способов управления многоквартирным домом. Жилищный кодекс предусматривает три варианта такого управления [10]:

- 1) управление управляющей организацией;
- 2) управление товариществом собственников жилья, либо жилищным кооперативом, либо иным специализированным потребительским кооперативом;
- 3) непосредственное управление собственниками помещений в много-квартирном доме.

Для России на данный момент характерен достаточно высокий (более 86%) удельный вес жилищного фонда, находящегося в частной собственности. Более того, он растет из года в год. В связи с увеличением количества приватизированных квартир и, соответственно, числа частных собственников жилья возникает необходимость развития коллективных форм владения и управления жилым фондом. Организационной – правовой формой объединения этих собственников для достижения данной цели становится ТСЖ, а материальной формой – кондоминиум, который представляет собой комплекс недвижимого имущества, состоящий из земельного участка, зданий, расположенных на нем, и других объектов и включает в себя помещения в собственности физических и юридических лиц. Общее имущество при этом находится в долевой собственности владельцев жилья. Управление кондоминиумом может осуществляться с использованием домовладения, управляющей компании или ТСЖ.

ТСЖ является юридическим лицом, объединяющим домовладельцев для совместного управления и эксплуатации домом. Его задача как некоммерческой организации не получение прибыли, а содержание объекта управления в соответствии с нормативными требованиями и пожеланиями участников товарищества [11].

Согласно ст. 135 Жилищного кодекса РФ ТСЖ осуществляет деятельность по содержанию и сохранению имущества многоквартирного дома (МКД), предоставлению коммунальных услуг, а также по осуществлению управления многоквартирным домом.

ТСЖ – это наиболее перспективная форма управления многоквартирными домами и регулирования правовых отношений между владельцами общего имущества [12]. Товарищество собственников жилья является юридическим лицом с момента его государственной регистрации и имеет печать со своим наименованием, расчетный и иные счета в банке и другие реквизиты.

Управление многоквартирным домом в форме ТСЖ с каждым днем набирает свою популярность. По данным Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства в Новосибирске, на сегодня в Новосибирской области зарегистрировано 595 организаций ТСЖ, количество обслуживаемых домов 982, что составляет 13% от общего числа многоквартирных домов [13].

Большинство ТСЖ в г. Новосибирске (534 единиц, 84% от общего числа ТСЖ) создано для управления одним многоквартирным домом. В управлении 40 ТСЖ (14,82%) находится от двух до пяти многоквартирных домов, в управлении 7 ТСЖ (5%) – более десяти домов.

Количество зарегистрированных ТСЖ меняется с каждым годом (рис. 1). Большинство действующих ТСЖ в Новосибирске (55,49%) было создано в 2010 г.

В целом по Новосибирской области прослеживается тенденция повышения числа ТСЖ. Данный рост заключается не только в увеличении количества самих товариществ, но и в расширении площади жилого фонда, контролируемого ТСЖ. Расширение участка жилого фонда, управляемого ТСЖ, по состоянию на 01.07.2016 г. уже составило 17%. Вместе с тем масштабы дея-

 Таблица 2. Достоинства и недостатки различных вариантов управления жилым фондом

		Бариалт управления	
	Управляющая компания (УК)	Товарищество собственников жилья (ТСЖ)	Непосредственное управление
Достоинства	Осуществляется профессиональное управление домом. Расценки на управление домов. Жильцы могут влиять на качество услуг (через подачу жалоб на евою УК в Жилинспекцию, либо досрочно провести омену УК). Собственникам нужно меньше тратить времени и сиг на содержание и ремонт своего дома, достаточно участвовать в общих собраниях не реже 1 раза в год.	Съвящия ТСЖ создает условия для применения ресурсосберствощих гежнологий для применения ресурсосберствощих гежнологий для правило, сокращаются расходы собетвенников в ходе соуществления финансовохозяйственной деятельности ТСЖ по еравнению о УК в Производится самостоятельное планированию о УК для для подрадчиками работ по содержанию премонту дома посращая тем самым расходы по эксплуатации объекта Умагимы собет выуществляют контроль вызовать общее науществляют контроль вызовать общее науществляют контроль вызовать общее наущество многоквартирного дома, сокращая тем самым расходы по эксплуатации объекта 6. На расчетиом счете аккумулируются денежные средства собственников и расходуются об на нужды многоквартирного дома 7. Для содержания и рамонта общего наущества дома присутствует возможность самостоятельно нанимать работников и организации образом, частично может быть рещина проблема занятости некоторых жальцов основе граждам, проживающих в этом же доме. Таким образом, частично может быть решен проблема занятости некоторых жальцов основе граждами закупку материалов для ремента	Вее вопросы управления жилым объектом решаются оперативно и самостоятельно Собственник индивидуально отвечает за свои глитежи по содерженно котла» и возможность иждиверенества за счет других собственнию домунальные ресурсы жители оплачивают напрямую поставщитемы, минуя посредников Иолимочия по управлению общим имуществом останогя у собственним имуществом останогя у собственников жилыя Не восянкает расходов на оплату услуг по управлению общим имуществом станогоя у собственников жилыя

Нормативная база функционирочили филли фактинески отуствует, в гом числе не определен порядок паконления денежных средств на содержание и ремонт жилого объекта   Наличие рисков неэффективного и непрофессионального управления собщим имуществом ввиду малого количества членов непсоредственного управления   З. Высокая вероятность конфликта между собствениями по поводу выбора и условий привлечения подражанию и ремонтных работ дюма, а также контроля их проведения и полученных результатов полученных результатов
Виски низкой финансовой дисциплины ряда жильцов, вследствие чего может нарушаться финансовая устойчивость ТСЖ   Возможное отсутствие инициативы жильцов в деле принятий решений, касающихся деятельности ТСЖ   Возможное принятие неэффективных решений, в том числе по инициативе жильцов   Наличие коррупционных рисков   Бозможный низкий профессионализм председателя и правления ТСЖ
 Недостаточная информированность жителей о гарифах, качестве и составе предоставляемых различными чудар жаниго жишья Неудовлетворительная прозрачность деятельности управляющих компаний; когорая не позволяет потребителям принять обоснованиее решение о том, насколько эффективно расходуются их срадства Недостатки действующей нормативной базы в сфере деятельности управляющих компаний. Риск банкротства УК и состветствующих потерь средств, а также других издержек перехода на бослуживание к другой УК (например, возвикиевение спериода безаластия» в течение такого перехода) Трудности ведения переговорного процессе с УК со стороня собственников по поводу защиты их прав, отсутствие нормативной базы, ретламентирующей облежналию размогаем! Биски неисполнения договорных обязалельств со стороны УК
Недостатки

тельности ТСЖ все же остаются малозначительными. Например, по состоянию на начало 2016 г. в управлении ТСЖ находилось только 13% жилищного фонда области.

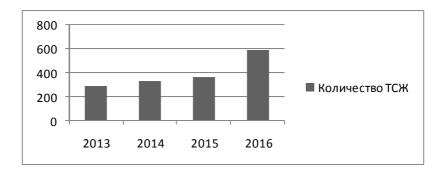

Рис. 1. Динамика создания ТСЖ в Новосибирске

В табл. 1 приведена характеристика особенностей ТСЖ как варианта управления жилым фондом. В табл. 2 дано сравнение ТСЖ с управляющей компанией и непосредственной формой управления, которое демонстрирует несомненные преимущества данного варианта управления жилым фондом.

На основании данных, представленных в табл. 2, можно утверждать, что ТСЖ имеет наилучшие позиции по эффективности управления жилым фондом по сравнению с другими вариантами. Помимо всех остальных досточиств, ТСЖ принципиально является достаточно дешевым вариантом качественного обслуживания жилья. В табл. 3 приведены сравнительные данные по затратам на содержание жилья для 5-этажного жилого дома при обслуживании УК и ТСЖ в г. Новосибирске по состоянию на 2015 г.

	вании УК и ТСЖ в г. повосноирске по состоянию на 2013 г.				
№ п/п	Содержание жилья	УК	ТСЖ		
1	Заработная плата	418 343,29	372 458,36		
2	Сырье и материалы	64 380, 00	63 283,84		
3	Амортизация	0	0		
4	Услуги сторонних организаций	521 849,14	188 265,51		
5	Налоги и другие обязательные	86 412,51	141 300,81		
	выплаты				
6	Прочие	249 840 00	30 029 06		

Таблица 3. Затраты на содержание жилья для 5-этажного жилого дома при обслуживании УК и ТСЖ в г. Новосибирске по состоянию на 2015 г.

Как видно из данных табл. 3, затраты УК много выше, при этом наибольшая разница наблюдается по таким позициям, как «заработная плата» и «услуги сторонних организаций».

В табл. 4 приведена динамика роста среднего тарифа ряда ТСЖ г. Новосибирска по содержанию и ремонту жилого помещения в сравнении с темпами инфляции, откуда следует, что темпы этого роста стабильно ниже темпов инфляции.

16,50

ТСЖ «Звездный-11» ЖСК «Рабочий» ТСЖ «Лидер» Темпы Темпы Темпы Темпы Год инфляции. руб./кв.м роста, руб./кв.м роста, руб./кв.м роста, % % % % 2009 8,80 7,80 % 15,94 0 3,20 12,06 12,48 2010 15,94 12,89 8,78 13,01 0 0 8,50 15,94 2011 6,10 13,01 5.60 % 0 13,98 6,40 2012 6,58 13,75 5,80 % 15,94 0 14,88 2,30 2013 6,45 14,55 0 15,94 0 15,22 4,40 10,30 15,94 0 2014 14,55 15,90 11,36 3,70 %

Таблица 4. Динамика роста среднего тарифа некоторых ТСЖ по содержанию и ремонту жилого помещения в сравнении с темпами инфляции

Эффективность ТСЖ также видна при сравнении стоимости содержания общего имущества жилого объекта (табл. 5) при управлении УК и ТСЖ, что предопределяет общее снижение расходов по эксплуатации всего объекта в случае его управления ТСЖ.

15,94

2015

10,89

16,05

Таблица 5. Стоимость содержания общего имущества 5-этажного жилого дома при управлении УК и ТСЖ по состоянию на 2015 г. (приведены средние значения по г. Новосибирску)

№ п/п	Наименование работ	Содержание работ	Стоимость работы при управлении УК, руб.	Стоимость работы при управлении ТСЖ, руб.
1	2	3	4	5
1	Техническое об- служивание общих коммуникаций	Проведение технических осмотров в системах водопровода, водоотведения, теплоснабжения, кровли, подвального помещения, конструктивных элементов здания, подготовка к зимней эксплуатации, очистка подвальных помещений от мусора и др. работы в соответствии с требованиями постановления правительства от 03 апреля 2013 г. № 290	246 502,47	160 000, 00
2	Аварийно- ремонтное обслу- живание	Круглосуточно на систе- мах водоснабжения, водо- отведения, тепло- и энер- госнабжения	54 804,22	0
3	Санитарные работы по содержанию помещений общего имущества дома	Подметание и мытье лестничных площадок, маршей, уборка лифтовых кабин	90 844,36	60 050, 00
4	Уборка земельного участка, входящего в состав общего пользования	Вывоз снега, подметание площадок МКД	155 912,45	50 000,00

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5
5	Дератизация и дезинсекция под- вального помеще- ния		2 340,65	0
6	Услуги биллинго- вой системы	Расчет платы по каждому лицевому счету, формирование отчетности, выполняется специализированной организацией по договору	22 164,76	0
7	Вывоз и утилиза- ция отходов на 1 кв.м		152 782,70	72 691,65
8	Управление МКД	Планирование работ по содержанию переданных в управление объектов, работа подрядчиков и т.д.	104 682,82	0
9	Дополнительные работы и услуги по содержанию МКД	Вывоз снега, ремонт детских площадок, сброс снега с козырьков, непредвиденные работы	106 889,93	19 038,51
	Итого		936 924,36	361 780,16

Для оценки качества содержания жилья ТСЖ Государственной жилищной инспекцией по Новосибирской области в отделе платежей за жилищно-коммунальные услуги в 2016 г. был проведен опрос потребителей о степени удовлетворенности этими услугами (объем выборки — 200 респондентов в различных районах города). Полученные результаты в виде рейтинга представлены в табл. 6.

Таблица 6. Рейтинг наиболее крупных ТСЖ г. Новосибирска по качеству содержания жилых объектов

п/п	Название	Рейтинг, %
1	ТСЖ «Бородинский»	0
2	ТСЖ «Родники»	10
3	ТСЖ «Родники 3»	0
4	ТСЖ «Варшавская»	70
5	ТСЖ «Соболь»	60
6	ТСЖ «Уют»	40
7	ТСЖ «Лидер»	60
8	ТСЖ «Фасад-2»	70
9	ТСЖ «Звездный-11»	75
10	ЖСК «Рабочий»	75
11	Прочие УК и ЖСК (ТСЖ)	40

Из приведенных данных видно, что наиболее качественное содержание жилья обеспечивают ТСЖ «Звездный-11», ТСЖ «Фасад-2», ЖСК «Рабочий».

При проведении указанного опроса респондентам также задавался вопрос об эффективности осуществления деятельности ТСЖ и управляющих компаний, результаты чего представлены на рис. 2.

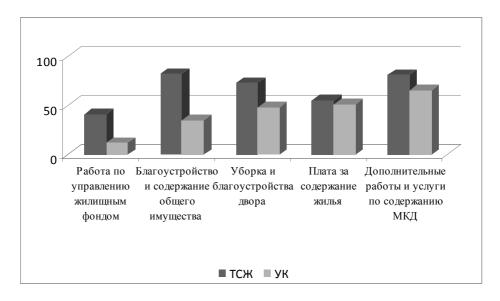

Рис. 2. Сравнительная оценка качества функционирования ТСЖ и УК в г. Новосибирске (% респондентов, отдавших предпочтение одному из двух вариантов управления — ТСЖ или УК)

Эффективность ТСЖ также видна при анализе данных рис. 2 – 82% опрошенных отдали свое предпочтение ТСЖ по благоустройству и содержанию общего имущества при сопоставимости размера платы за содержание жилья.

Как следует из рис. 2, в Новосибирске преобладают более высокие оценки качества содержания жилья ТСЖ. Наибольшее предпочтение респонденты отдали ТСЖ по уровню благоустройства и уборке двора, что и следовало ожидать, так как возможность грамотно использовать общее имущество МКД позволяет повысить комфортность проживания. Выше по ТСЖ и показатели работы органов управления (на 28,9%). Практически одинаковым образом респонденты оценили уровень оплаты за содержание жилья (51–55%).

Также в ходе проведенного опроса респондентам задавался вопрос о выборе варианта управления МКД, результаты чего представлены на рис. 3.

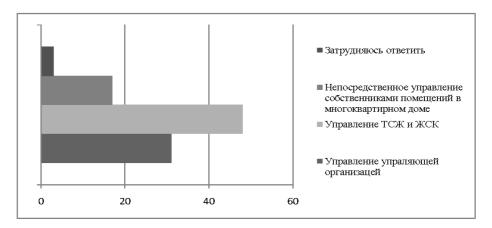

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какой из способов управления многоквартирным домом Вы выберите?», %

Согласно результатам опроса, наибольшее число респондентов отдали свое предпочтение ТСЖ (ЖСК) – 48%. Наименьшую заинтересованность вызывает непосредственная форма управления (17%), 31% населения высказались за обслуживание управляющей организацией.

Выполненное исследование позволяет лучше представить границу применимости института ТСЖ в реформе жилищно-коммунального хозяйства России.

В сложившихся обстоятельствах в деле развития ТСЖ особенно важно, на взгляд автора, осуществить подготовку высокопрофессиональных управленческих кадров. В настоящий момент существует успешный опыт такой подготовки в ряде городов и регионов Российской Федерации.

Так, например, в г. Саранске Республики Мордовия подготовка потенциальных и уже действующих председателей ТСЖ организована на базе ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева» в составе дополнительной профессиональной программы переподготовки «Управление многоквартирными домами». В городе Ростов-на-Дону созданы специализированные курсы обучения в целях оказания консультационной помощи и всесторонней поддержки имеющихся и вновь созданных ТСЖ [14]. В рамках деятельности данной ассоциации профессиональные юрисконсульты, бухгалтеры, теплоэнергетики и иные эксперты предоставляют консультационные услуги руководителям и членам ТСЖ. Этот положительный опыт следует применить в других городах и регионах РФ, в том числе в Новосибирске.

В итоге можно констатировать, что в целом процесс создания ТСЖ в России проходит довольно медленно и противоречиво. Программа создания ТСЖ оказалась несовершенной и экономически необоснованной [15]. Она не смогла в должной мере вовлечь собственников помещений многоквартирных домов в процесс управления собственной недвижимостью.

В настоящее время развитие ТСЖ тормозится в силу действия следующих причин:

- 1) Неготовность собственников взять управление жилым объектом в свои руки, обыкновенная инертность достаточно большого числа потребителей жилищных услуг.
- 2) Организационная сложность перехода жилого объекта от обслуживания специализированной компанией под управление ТСЖ (ЖСК) и наличие проблем эффективности их функционирования.
- 3) Недостаточная в целом квалификация членов органов управления ТСЖ. Здесь отметим, что законодательством стран Запада установлены высокие требования к управляющему недвижимостью. Например, в Германии управляющий жилым фондом должен иметь высшее образование и квалификацию экономиста, инженера, юриста или социального работника, а также владеть такими личными свойствами, как общительность, умение эффективно вести беседы, урегулировать конфликты. В Венгрии согласно закону «О товариществах собственников жилья» управляющими кондоминиумами могут быть только лица, прошедшие соответствующую профессиональную подготовку. С 1999 г. в стране получили государственную лицензию курсы обучения по специальностям «Управляющий кондоминиума» и «Управляющий недвижимостью». Оба курса обучения отвечают критериям профессиональной подготовки, экзамены сдаются в соответствии с распоряжением Министерства внутренних дел Венгрии [16].
- 4) Несовершенство действующего законодательства в системе правоотношений в области управления недвижимостью в жилищной сфере, непроработанность правоустанавливающих документов, регулирующих деятельность ТСЖ.
- 5) Проблема злоупотреблений и незаконного расходования денежных средств собственников в данной сфере. Бюджет ТСЖ, месячный объем которого может достигать нескольких миллионов рублей, является достаточно привлекательным объектом мошенничества. Недобросовестный управляющий ТСЖ также может распоряжаться этими средствами в собственных интересах в ущерб другим его членам.
- 6) Неготовность собственника взять на себя бремя содержания общего имущества в МКД, которое предполагает не только несение обязательных расходов, но и обязанность собственника принимать меры для обеспечения сохранности, безопасности, технической исправности и надлежащего санитарного состояния этого имущества. Собственник должен принимать решения и заботиться об организации процесса содержания дома.
- 7) Существует достаточно серьезная специфика МКД как объекта управления. Изношенность жилищного фонда, смешанная структура собственности в домах и социально-экономическая неоднородность состава собственников создают серьезные проблемы для повышения результативности управления.
- 8) В части инвестирования проектов модернизации коммунальной инфраструктуры сферы ЖКХ не исполняются федеральный и региональный бюджеты. Реализация федеральных и региональных программ ее реформирования производится по остаточному принципу. В этой связи собственники не готовы брать на себя самостоятельное управление ветхим жильем в форме ТСЖ, которые требуют больших объемов вложений.

- 9) Дефицит свободных финансовых ресурсов и серьезные проблемы при получении долгосрочных кредитов в банковских структурах при имеющемся повсеместном несоответствии фактического объема инвестиций для модернизации объектов коммунальной инфраструктуры предприятий сферы ЖКХ их минимальным потребностям. Негативное влияние на возможность ТСЖ привлекать долгосрочные финансовые ресурсы с целью решения неотложных проблем модернизации жилого фонда оказывает необходимость предоставления гарантий по кредитам и высокие процентные ставки.
- 10) Отсутствие стабильности в развитии данной сферы увеличивает риски и неопределенность инвестиционной деятельности, таким образом, не создаются условия для привлечения в сферу ЖКХ частных инвесторов, которые могли бы на различных условиях принимать участие в деятельности ТСЖ. Такая стабильность просто необходима при осуществлении долгосрочных проектов, характерных для данной отрасли.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 23 сентября 2010 г. № 731 [17] и ЖК РФ с января по март 2016 г. ГЖИ Новосибирской области проведены 1 802 проверки обязательных и лицензионных требований жилищного законодательства организаций управления жилыми объектами (ТСЖ и управляющих компаний), действовавших на территории региона, при этом выявлено 848 нарушений, в том числе нарушений в части [18]:

- правил содержания и ремонта общего имущества в многоквартирном доме 473;
  - правил пользования жилыми помещениями 26;
- обеспечения населения нормативным уровнем коммунальных услуг 44:
  - порядка расчетов оплаты жилищно-коммунальных услуг 104;
- -требований законодательства в области энергосбережения и энергетической эффективности 4;
  - − организации проведения капитального ремонта 2;
  - требований, предъявляемых к раскрытию информации, 32;
- требований законодательства в части правомерности принятия решений о создании ТСЖ, ЖСК; соответствия уставов ТСЖ, ЖСК требованиям законодательства; правомерности избрания членов правления и председателя правления ТСЖ, ЖСК 43;
- требований законодательства в части неисполнения выданных предписаний 99;
- требований законодательства в части представления документов юридическими лицами - 1.

Выявленные в ходе данного рассмотрения трудности развития ТСЖ дают возможность предложить ряд мер, способствующих повышению эффективности их деятельности и более широкому распространению в российской практике. Для этого прежде всего необходимо улучшать нормативноправовую базу, регулирующую отдельные аспекты создания и функционирования товариществ.

В качестве приоритетных направлений стимулирования создания ТСЖ и их поддержки можно предложить следующие:

- развитие и реализация инновационных образовательных программ в целях повышения квалификации и компетентности руководителей ТСЖ и членов их правления;
- развитие инфраструктуры оказания услуг для ТСЖ в рамках реализации областных и федеральных программ поддержки товариществ собственников жилья (на уровне муниципальных образований и субъектов РФ);
- повышение контроля за работой ТСЖ с целью предотвращения и пресечения злоупотреблений в области распоряжения средствами их членов;
- создание системы «одного окна» по всем вопросам, связанным с реформой управления жилым фондом, созданием и функционированием ТСЖ;
- –разработка и реализация мер по обеспечению прозрачности норм и механизмов бюджетной поддержки товариществ собственников жилья при проведении капитального ремонта дома, при выделении целевых субсидий;
- -мониторинг деятельности ТСЖ, предполагающий разработку системы поощрения лучших товариществ путем предоставления им права преимущественного участия в различного рода городских и районных программах;
- -активизацию справочно-консультативной и просветительной деятельности в области пропаганды возможностей и достижений ТСЖ (в настоящее время такую деятельность осуществляет НП «Новосибирская лига объединений домовладельцев»);
- -поощрение практики внедрения энергоэффективных технологий как на предприятиях сферы ЖКХ, так и при управлении МКД, переход на альтернативные источники энергии. В качестве примера можно привести высокотехнологичный энергоэффективный дом общей площадью 657 кв. м в поселке Маслянино Новосибирской области, построенный на средства федерального и областного бюджетов в рамках реализации региональной адресной программы по переселению граждан из аварийного жилищного фонда. Управление многоквартирным домом осуществляет ТСЖ, и, по оценке специалистов, он является самым энергоэффективным за Уралом жилым домом.

Таким образом, по итогам проведенного исследования можно утверждать, что ТСЖ в целом демонстрируют большую эффективность при управлении жилым фондом по сравнению с управляющими компаниями. Это проявляется в более низких темпах роста тарифов по содержанию жилья в сравнении с инфляцией, экономии на затратах по сравнению с деятельностью УК, высоком качестве обслуживания. Помимо социального эффекта, более широкое распространение ТСЖ будет иметь несомненный экономический эффект, так как сэкономленные за счет повышения эффективности управления жилым фондом средства граждан могут быть направлены на преодоление кризиса в сфере ЖКХ и развитие отрасли — обновление основных фондов, внедрение инноваций, сдерживание роста тарифов и пр.

Литература

1. Дойникова С.С. Управление жилым фондом (сравнительный анализ зарубежного опыта) / С.С. Дойникова // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2013. № 3(7). С. 4–14

- 2. Паламарчук А.В. Прокурорский надзор за исполнение законов о тарифах в сфере жилищно-коммунального хозяйства: пособие / А.В. Паламарчук, С.Г. Хусяйнова, М.Ю. Кагамлык; Ген. прокуратура Рос. Федерации, Акад. Генеральной прокуратуры РФ. М., 2013. 80 с.
- 3. *Кузык Б.Н.* Россия-2050: стратегия инновационного прорыва / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец. 2-е изд., доп. М.: Экономика, 2005. 624 с.
- 4. *Баранова Д.Н.* Правовые гарантии осуществления гражданских прав и обязанностей субъектами жилищных правоотношений в сфере предоставления жилищно-коммунальных услуг // Адвокат. 2010. № 5. С. 34—48.
- 5. *Путин В*. За завышение тарифов ЖКХ нужно давать по рукам [Электронный ресурс]. URL:http://www.rbc.ru/society/18/01/2011/529423.shtml (дата обращения: 15.07.2016).
- 6. Исаенко А.В., Третьякова Т.В. Управление жилым фондом Кемеровской области / А.В. Исаенко, Т.В. Третьякова // Молодой ученый. 2011. №2 (25) февраль. С. 143–145.
- 7. *Распоряжение* Правительства Российской Федерации от 26 января 2016 г. № 80-р «Стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL:http://government.ru/media/ files/odOGmhKTIRIRwsALMIXUYmU6gIjeg2pS.pdf
- 8. *Сычев М.А.* Эффективные инструменты управления жилой недвижимостью // ЖКХ. 2011. Ч. 1, № 1. С. 20–22.
- 9. Зеленцов Л.Б., Рыльков В.И., Камнева П.И. Организационно-экономическая модель управления многоквартирными домами// Л.Б. Зеленцов В.И. Рыльков, П.И. Камнева // Интернет-журнал Науковедение. 2012. № 3(12). С. 4–14.
  - 10. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 28.11.2015).
- 11. Алферина О.Н. Развитие товариществ собственников жилья в России: проблемы и перспективы // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6. URL: http://www.science-education.ru/120-16313 (дата обращения: 02.08.2016).
- 12. Плюсы и минусы ТСЖ // Информационный портал ЖКХ № 1. URL: http://www.gkh1.ru (дата обращения: 23.06.2016).
- 13. Государственная корпорация Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства [Электронный ресурс]. URL:https://www.reformagkh.ru/
- 14. Шомина Е.С. Трансформация жилищной сферы и новые задачи жилищного просвещения в России / Е.С. Шомина. Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» [Электронный ресурс]. URL: http://www.evestnik-mgou.ru
- 15. Постановление Правительства Москвы от 22 мая 2007 г. № 398-ПП «О Программе поддержки и развития товариществ собственников жилья, жилищных и жилищно-строительных кооперативов в городе Москве на 2007–2009 годы и задании на 2010 год» [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/287419/
- 16. *Кирсанов С.А.* Зарубежный опыт управления многоквартирными домами / С.А. Кирсанов // ЖКХ: журнал руководителя и главного бухгалтера. 2011. № 10. С. 71–78.
- 17. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2010 года № 731 «Об утверждении стандарта раскрытия информации организациями, осуществляющими деятельность в сфере управления многоквартирными домами» [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru
- 18. *Официальный* сайт Государственной жилищной инспекции по Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: http://www.gji.nso.ru/
- 19. *Hui D., Chung-Hung NG., Mok P.* (2004): A Study on Creativity Index. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnel.gov.pt/document/creativity index hong kong.pdf
- 20. *The Work* Foundation (2007): Staying Ahead: the Economic Performance of the UK\'s Creative Industries [Электронный ресурс]. URL: http:// headshift.com/ dcms/index.cfm? fuseaction=main.viewBlogEntry&intMTEntryID=3095

Sysoyeva Lyudmila I. Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Academy of national Economy and Public Administration, Novosibirsk, e-mail: ludasysoeva@mail.ru

DEVELOPMENT OF HOMEOWNERS ASSOCIATION AS A PERSPECTIVE DIRECTION OF OVERCOMING THE CRISIS IN THE SPHERE OF COMMUNAL SERVICES (ON THE EXAMPLE OF THE NOVOSIBIRSK OBLAST)

Keywords: homeowners association (HOA), housing stock, housing maintenance, homeowner, Management Company.

The article proves the possibility of increasing the efficiency of housing and communal services by expanding the usage of institution of homeowners associations. During the preparation of the article, the methods of statistical and comparative analysis, sociological surveys were used. The study reveals the features of the living object management options are indicated its comparative advantages and disadvantages. The development processes in the region are characterized. Basing on the comparison of tariff structures and consumer survey results, the high efficiency of the housing and communal services in the maintenance of the housing stock in the current economic conditions is proved. According to the results of the analysis the reasons hindering the processes of development of homeowner association in the region and the country are revealed. The measures intended to stimulate process of growing are proposed.

References

- 1. Doynikova S.S. Upravleniye zhilym fondom (comparative analysis of foreign experience)/ Doynikova S.S.//Chelovecheskiy kapital i professionalnoye obrazovaniye № 3(7) 2013, pp. 4-14
- 2. Palamarchuk A.V. Prokurorskiy nadzor za ispolneniye zakonov o tarifakh v sfere zhilishchno-kommunalnogo khozyaystva: posobiye/ Palamarchuk A.V., Khusyaynova S.G., Kagamlyk M.YU.; General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow, 2013, pp. 80.
- 3. Kuzyk B.N. Russia 2050: the strategy of innovative breakthrough / Kuzyk B.N., Yakovets Yu.V. 2 nd ed., Ext. Moscow: ZAO "Publishing house Ekonomika", 2005, pp. 624.
- 4. Baranova D.N. Pravovyye garantii osushchestvleniya grazhdanskikh prav i obyazannostey subyektami zhilishchnykh pravootnosheniy v sfere predostavleniya zhilishchno-kommunalnykh uslug // Advokat. 2010. № 5, pp. 34–48.
- 5. Putin V.V.: Za zavysheniye tarifov ZHKKH nuzhno davat po rukam [Electronic resource] URL: http://www.rbc.ru/society/18/01/2011/529423.shtml (reference date: July 15, 2013).
- 6. Isayenko A. V., Tretyakova T. V . Upravleniye zhilym fondom Kemerovskoy oblasti. / Isayenko A.V., Tretyakova T.V. // Journal «Molodoy Uchenyy» №2 (25) February 2011, pp. 143-145.
- 7. Order of the Government of the Russian Federation of January 26, 2016 No. 80-r "Strategy for the development of housing and communal services in the Russian Federation for the period until 2020" [Electronic resource] URL: http://government.ru/media/files/ OdOGmhKTIRIR-wsALMIXUYmU6gIjeg2pS.pdf
- 8. Sychev M.A. Effektivnyye instrumenty upravleniya zhiloy nedvizhimostyu // ZHKKH. Chapter 1. 2011. № 1, pp. 20-22.
- 9. Zelentsov L.B. Rylkov V.I. Kamneva P.I. Organizatsionno-ekonomicheskaya model upravleniya mnogokvartirnymi domami// Zelentsov L.B., Rylkov V.I., Kamneva P.I. // Internet-journal Naukovedeniye № 3(12) 2012, pp. 4-14.
- 10. Housing Code of the Russian Federation "as of 29.12.2004 N 188-FZ (as amended on 28.11.2015).
- 11. Alferina O.N. Razvitiye tovarishchestv sobstvennikov zhilya v Rossii: problemy i perspektivy // Modern problems of science and education. 2014. № 6. URL: http://www.science-education.ru/120-16313 (date of circulation: 02.08.2016).
- 12. Pros and cons of HOA // Information portal Housing № 1. URL: http://www.gkh1.ru (reference date: June 23, 2016).
- 13. State Corporation Fund for Assistance to Reform of Housing and Communal Services [electronic resource]. URL: https://www.reformagkh.ru/
- 14. Shomina Ye.S. Transformatsiya zhilishchnoy sfery i novyye zadachi zhilishchnogo prosveshcheniya v Rossii/ Shomina Ye.S. Electronic Journal "Bulletin of the Moscow State Regional University" [Electronic resource]. URL: http://www.evestnik-mgou.ru.
- 15. Decree of the Government of Moscow of May 22, 2007 No. 398-PP "On the Program of Support and Development of Homeowners Associations, Housing and Housing Cooperatives in Moscow for 2007-2009 and the assignment for 2010" [Electronic resource] http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/287419/
- 16. Kirsanov S.A. Zarubezhnyy opyt upravleniya mnogokvartirnymi domami / Kirsanov S. A. // Housing and communal services: Journal of the head and chief accountant. 2011. №10, pp. 71-78.
- 17. Decree of the Government of the Russian Federation of September 23, 2010 No. 731 "On approval of the information disclosure standard by organizations engaged in the management of multi-apartment buildings" [Electronic resource]. URL: http://base.garant.ru

- 18. Official site of the State Housing Inspectorate for the Novosibirsk Region [electronic resource]. URL: http://www.gji.nso.ru/
- 19. Hui D., Chung-Hung NG., Mok P. (2004): A Study on Creativity Index. [Electronic resource]. Access mode: http://www.cnel.gov.pt/document/creativity_index_hong_kong.pdf
- 20. The Work Foundation (2007): Staying Ahead: the Economic Performance of the UK's Creative Industries. [Electronic resource] access mode: http:// headshift.com/ dcms/ industries. [Electronic resource] access mode: http:// headshift.com/ dcms/ industries.

Sysoyeva L.I. Razvitie TSZH kak perspektivnoe napravlenie preodoleniya krizisa v sfere ZHKH (na primere Novosibirskoj oblasti) [Development of homeowners associations as a perspective direction of overcoming the crisis in the sphere of communal services (on the example of Novosibirsk Oblast)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 39, pp. 146–162.

УДК 159.9+330.322

DOI: 10.17223/19988648/39/13

В.А. Федотова

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЦЕННО-СТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЕРМИ И ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

В данном исследовании был проведен анализ особенностей ценностных ориентаций и экономических установок жителей Перми и Пермского края, что, по нашему мнению, представляет интерес для региональной науки, в частности, для понимания психологической специфики населения региона. В качестве респондентов выступили жители Пермского края (п = 557) — представители Перми, Кудымкара, Кунгура, Губахи, Соликамска, Березников и некоторых муниципальных районов в составе края: Ильинского, Кишертского, Нытвенского, Осинского, Суксунского. В результате проведения корреляционного анализа было выявлено, что большинство экономических установок положительно связано с ценностями «Самостоятельность: мысли», «Самостоятельность: поступки», «Власть: доминирование», «Власть: ресурсы», «Достижение» и «Безопасность: личная», а негативно с ценностями «Репутация», «Конформизм: правила», «Универсализм: забота о других».

Ключевые слова: ценности, экономические установки, экономическое развитие, Пермь, Пермский край.

Культура и индивидуальные ценности в некоторой степени несут ответственность за экономическое развитие. Ценности жителей Пермского края, их активная жизненная позиция и представления о том, что важно, а что нет в их жизни, — это именно то, что составляет ядро идентичности представителей Урала. Пермский край постепенно становится центром культурного, экономического и политического развития, что привлекает жителей других регионов и городов России для работы, сотрудничества, учебы или просто кратковременного пребывания. На данный момент работ по проблеме изучения особенностей ценностей и экономических установок у жителей Перми и Пермского края нет, хотя имеется ряд исследований о системе ценностей жителей регионов России [1, 2]; и работы, целью которых было изучение особенностей связи ценностей и экономических установок жителей крупных городов РФ [3–6].

Экономические установки отражают отношение человека к собственному материальному положению. Специалисты часто рассматривают установки на экономическую самостоятельность и экономический патернализм. Субъективный экономический статус — показатель восприятия человеком своего материального положения. СЭС — компонент идентичности личности. Вообще, проблема отношений собственности, богатства стала одной из самых актуальных в России в настоящее время. На взаимодействия в экономической и

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования РГНФ: 16-16-59002 а(р) «Экономические установки и культурные ценности жителей Пермского края», 2016–2017.

микросоциальной среде оказывают влияние представления человека о своем материальном положении.

Сознание россиян существенно изменилось за последние пятнадцать лет. В основном оно раскрепостилось и избавилось от идеологической табуированности, стало более толерантным при оценивании экономики. Тем не менее в нем довольно прочно укоренилась боязнь будущего и чувство необъяснимой тревоги. На психологический стресс населения оказывает влияние множество факторов: и катастрофы, и трудности выживания, и этнические, и религиозные конфликты, преступность и, разумеется, экономический кризис.

Ученые неоднократно затрагивали вопрос степени удовлетворенности индивидом собственной жизнью. Р. Инглихарт, к примеру, отмечает, что удовлетворенность жизнью отражает сумму степеней удовлетворенности разнообразными ее аспектами: финансовым положением, работой, окружающей средой, здоровьем и т.д. [7]. Установлено, что значение материальных ценностей увеличивается в странах с низким доходом населения. Существует универсальная многокомпонентная модель психологического благополучия, предложенная К. Рифф. Она полагает, что благополучие в некоторой степени, - это развитие личности, самопринятие, цель в жизни, положительные отношения с другими, способность управлять жизненной ситуацией и т.д. [5]. Предложенная К. Рифф модель психологического благополучия включает в себя шесть составляющих: заботливые и доверительные отношения с другими; наличие занятий и целей, которые придают смысл жизни и чувство самореализации и развития; возможность следовать своим убеждениям; способность успешно справляться с требованиями жизни и положительное отношение к самому себе и своему прошлому.

Эмпирическое исследование

Объектом исследования являются ценности и экономические установки.

Предмет исследования – взаимосвязь ценностей и экономических установок у представителей Перми и Пермского края.

Цель исследования — анализ особенностей ценностных ориентаций и экономических установок жителей Перми и Пермского края и выявление, какие ценности лежат в основе экономического поведения.

Методика исследования

Выборка. В качестве респондентов выступили жители Пермского края (n = 557) — представители Перми, Кудымкара, Кунгура, Губахи, Соликамска, Березников и некоторых муниципальных районов в составе края: Ильинского, Кишертского, Нытвенского, Осинского, Суксунского (табл. 1).

,		•	
Город Пермского края	Количество респондентов	Пол муж/жен	Возраст
1	2	3	4
Пермь	147	Жен – 86	Min: 17
		Муж – 61	Max: 75
Кунгур	68	Жен – 39	Min: 18
		Муж – 29	Max: 69
Кудымкар	35	Жен – 18	Min: 21
		Муж – 17	Max: 83

Таблица 1. Социально-демографические характеристики выборки исследования

_	_	•
Окончание	mann	1

1	2	3	4
Березники	87	Жен – 34	Min: 17
•		Муж – 53	Max: 68
Соликамск	27	Жен – 16	Min: 19
		Муж – 11	Max: 70
Губаха	39	Жен – 18	Min: 16
		Муж – 21	Max: 74
Муниципальные			
районы в составе			
Пермского края			
Кишертский	48	Жен – 17	Min: 20
-		Муж – 31	Max: 68
Осинский	37	Жен – 22	Min: 19
		Муж – 15	Max: 76
Нытвенский	16	Жен – 5	Min: 19
		Муж – 11	Max: 77
Суксунский	22	Жен – 14	Min: 23
-		Муж – 8	Max: 84
Ильинский	31	Жен – 17	Min: 17
		Муж – 14	Max: 78

Метод

В качестве основного метода исследования был использован метод опроса, заключающийся в заполнении респондентами специально подготовленного опросника, в котором были использованы методика «Субъективное экономическое благополучие» [7] и методика измерения индивидуальных ценностей PVQ-R [8]. Респонденты заполняли онлайн анкету, в некоторых случаях были проведены личные встречи — посещение высших учебных заведений и некоторых предприятий Перми и Пермского края.

- 1. Для исследования ценностной структуры на индивидуальном уровне используется обновленный опросник структуры ценностей (PVQ-R) III. Шварца [8]. В 2011 г. Шварцем была создана новая методика, в которую входили уже не 10 первоначальных ценностей, а 19. Уточненная теория совместима с первоначальной структурой из 10 более широких конструктов, так как эти 19 ценностей охватывают тот же мотивационный континуум, что и изначальные 10. Шварц с соавторами в статье «Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России» представили подтверждения уточненной теории [8].
- 2. Методика «Субъективное экономическое благополучие» [7] представляет собой опросник, состоящий из 26 утверждений, к каждому из которых предлагается пять вариантов ответов, где 1 соответствует ответу «не согласен с утверждением», а 5 «полностью согласен». Далее, в соответствии с ключом, подсчитываются показатели по таким факторам, как экономический пессимизм/оптимизм, экономическая тревожность, субъективная адекватность дохода, финансовая депривированность, текущее благосостояние семьи.

Данный опросник был выбран нами, поскольку он предоставляет широкие возможности в анализе богатого и разнопланового эмпирического опыта

в области изучения взаимоотношений, объективных условий жизни и благополучия человека, «экономики» благополучия и счастья, субъективных индикаторов благосостояния, ценностно-смысловых аспектов материальных достижений. Опросник СЭБ дает возможность изучения фундаментальной проблемы соотношения объективных и субъективных оценок экономических условий жизни на основе новой методологии.

Обратимся к результатам, полученным в первом блоке опросника и отражающим индивидуальные ценности респондентов. Проведенный первичный анализ ответов респондентов позволил выявить минимальное, максимальное и среднее значения, а также стандартное отклонение по каждой переменной (табл. 2).

 Таблица 2. Ценности индивидуального уровня жителей Перми и Пермского края

 (по t - критерию Стьюдента)

	Статистические значения				
Ценности	Респонденты				
·	Мин-Макс	Ср. знач.	Станд. откл.		
Самостоятельность: поступки	3,4–6	4,7	0,53		
Самостоятельность: мысли	3,7–5,8	4,75	0,59		
Стимуляция	2,4–5,1	3,75	0,69		
Гедонизм	3–4,4	3,7	0,43		
Достижение	2,6–5,8	4,2	0,65		
Власть: ресурсы	3,9-5,4	4,65	0,79		
Власть: доминирование	2,5-5,7	4,1	0,94		
Репутация	3–5,6	4,3	0,49		
Безопасность: общественная	3,7–6	4,85	0,49		
Безопасность: личная	3,3-5,9	4,6	0,59		
Конформизм: правила	3,8-5,4	4,6	0,74		
Конформизм: межличностный	4,2-6	5,1	0,65		
Традиция	2,8-5,8	4,3	0,58		
Скромность	3,6-5,9	4,75	0,50		
Благожелательность: чувство долга	2,8-5,2	4,0	0,56		
Благожелательность: забота	3,4–6	4,7	0,53		
Универсализм: забота о других	1,4–3,5	2,45	0,54		
Универсализм: забота о природе	2,9-5,1	4,0	0,61		
Универсализм: толерантность	2,2-5,4	3,8	0,68		

Можно видеть, что на индивидуальном уровне средние показатели по таким ценностям, как «Самостоятельность: поступки», «Самостоятельность: мысли», «Безопасность: личная», «Безопасность: общественная», «Скромность», «Конформизм: межличностный», «Благожелательность: забота» и «Власть: ресурсы», выше других.

Главная цель блока ценностей «Самостоятельность» заключается в самостоятельности выбора способов действия в творчестве, исследовательской активности. Более раннее исследование выявило, что показатели по ценности «Самостоятельность: поступки» выше у взрослых россиян, а по блоку «Самостоятельность: мысли» — у представителей российской молодежи [5]. Далее, показатели по блокам ценностей «Безопасность: личная» и «Безопасность: общественная» достаточно высокие, соответственно, респондентам важно чувствовать себя защищенными, быть в безопасности; они стремятся беречь свое здоровье, вести активный образ жизни. Мотивационной целью данного блока ценностей индивидуального уровня является безопасность для других людей и себя, гармония, стабильность общества и взаимоотношений. Ценность производна от базовых индивидуальных и групповых потребностей. Важными элементами здесь представляются социальный порядок, безопасность семьи, национальная безопасность, взаимное расположение, взаимопомощь, чистота, чувство принадлежности, здоровье.

Также наблюдаются высокие показатели по блокам ценностей «Скромность», «Конформизм: межличностный», «Благожелательность: забота». Большинство респондентов считают, что неправильно вести себя высокомерно, они не стремятся к публичному вниманию или одобрению. «Конформизм: межличностный» является производной ценностью от требования сдерживать склонности, имеющие негативные социальные последствия. Данная ценность предполагает самодисциплину, уважение родителей и старших, вежливость, соблюдение правил и норм, доминирующих в обществе.

Поскольку основной целью блока ценностей «Благожелательность: забота» является сохранение благополучия людей, с которыми индивид находится в личных контактах, и этот тип ценностей считается производным от потребности в позитивном взаимодействии, потребности в аффилиации [9, 10], то для большинства респондентов важно заботиться о близких людях и уделять внимание всем нуждам родных им людей.

Самые низкие средние значения по блокам ценностей «Гедонизм» и «Универсализм: забота о других», соответственно, для большинства респондентов не так приоритетны удовольствия, веселье, праздный образ жизни. Также представители Перми и Пермского края не считают, что каждый человек в мире должен иметь равные возможности в жизни и что со всеми людьми без исключения должны обращаться справедливо.

Следующим шагом мы выявили экономические установки жителей Перми и Пермского края. Проведенный первичный анализ ответов респондентов позволил выявить минимальное, максимальное и среднее значения, а также стандартное отклонение по каждой переменной (табл. 3).

Стоит заметить, что средние значения по всем экономическим установ-кам находятся примерно на одном сравнительно низком уровне, что подтверждает тот факт, что в стране наблюдается экономический кризис.

Как отмечают практики, экономическая ситуация в стране сейчас не самая благоприятная: снижение цен на нефть, санкции со стороны стран Запада, ослабление курса рубля, рост инфляции — все это негативным образом сказывается на экономике. По мнению экспертов, потребительская активность россиян в ближайшие полгода заметно сократится.

Таблица 3. Экономические установки жителей Перми и Пермского края

(по t - критерию Стьюдента)					
	Статис	тические значе	ния		
Экономические		Респонденты			
установки	Мин-Макс	Ср. знач.	Станд		
установки			ОТИП		

	Статистические значения		
Экономические	Респонденты		
установки	Мин-Макс	Ср. знач.	Станд. откл.
Экономический оптимизм/пессимизм	2,4–3,8	3,1	0,53
Текущее благосостояние семьи	1,3–2,7	2,0	0,59
Финансовая депривированность	1,3–4,2	2,75	0,69
Субъективная адекватность дохода	2,1-3,9	3,0	0,53
Экономическая тревожность (финансовый стресс)	2,6–4,7	3,65	0,65

Рассмотрим подробнее экономические установки. Более ранние исследования показали, что оценка условий жизнедеятельности человека и их изменений выступает как одно из важнейших обстоятельств его субъективного экономического благополучия и включает представления о социальноэкономической ситуации в стране (или регионе проживания) и ее влиянии на рост благосостояния. Главной особенностью такой оценки является ее ориентированность на выявление характера ожиданий его изменения. В известном смысле субъективное экономическое благополучие – это не только оценка текущего благосостояния индивида, но и в равной мере оценка его в системе экономических ожиданий.

Нестабильная финансово-экономическая обстановка привела к тому, что тема финансов стала одной из ключевых в социостатистике. Результаты опросов показывают, что сложившаяся ситуация вызывает у россиян беспокойство и нагнетает обстановку, а влияние каждого из упомянутых индикаторов воспринимается в негативном контексте. Рост цен влияет на потребительскую активность россиян, их финансовые возможности при покупке тех или иных товаров и планирование семейного бюджета [11].

Экономическая установка «Текущее благосостояние семьи» предполагает оценку по 5-балльной шкале таких утверждений, как «Насколько Вы удовлетворены материальным положением Вашей семьи?», «Как вы оцениваете уровень собственного благосостояния на настоящее время?» и «Если расположить все российское население на шкале в соответствии с уровнем материального благосостояния так, чтобы на одном полюсе оказались самые бедные, а на другом – самые богатые, то как Вы отметите собственное положение на шкале благосостояния, в котором Вы находитесь в настоящий момент?» Соответственно удовлетворенность материальным положением семьи и собственным благосостоянием на текущий момент у жителей Перми и Пермского края выше среднего уровня.

Среднее значение уровня субъективной адекватности дохода равно 3, что свидетельствуют о том, что доходы представителей Перми и Пермского края в большей степени удовлетворяют потребность в независимости и свободе,

потребность в материальном благополучии, потребность в самореализации и безопасности.

Таблица 4. Взаимосвязь ценностей и экономических установок: результаты корреляционного анализа (общая выборка)

	Экономические установки				
Ценности	Эконом.	Текущее	Финансо-	Субъектив-	Эконом.
	опти-	благосостоя-	вая депри-	ная адек-	тревож-
	мизм/пес-	ние семьи	вирован-	ватность	ность
	симизм		ность	дохода	
Самостоятельно	0,13**	0,38		0,95**	0,15*
сть: поступки					
Самостоятель-	0,36**	0,54**	0,57**	0,48	
ность: мысли					
Стимуляция	0,57	0,66	0,66	0,69**	
Гедонизм	0,43	0,45	0,45	0,51	
Достижение	0,54**	0,49**	0,47	0,56**	0,22*
Власть: ресурсы	0,48	0,53**	0,49**	0,55**	
Власть: домини-	0,48 0,53**	0,62	0,57	0,63**	0,54**
рование					
Репутация	-0,5	-0,15**	-0,27**	-0,14**	
Безопасность:	-0,5 -0,10	-0,65	-0,27*** -022**	-0,14** -0,15***	
общественная					
Безопасность:	0,1	0,19**	0,17**	0,13**	0,9***
личная					
Конформизм:	-0,18**	-0,32**	-0,29**		-0,24**
правила					
Конформизм:	0,4	0,98	0,93		
межличностный					
Традиция	0,11	-0,36 -0,10*	0,16	-0,91*	
Скромность	0,81	-0.10^*	-0,94	-0,40**	-0,47* -0,41**
Благожелатель-	0,15			0,33	-0,41**
ность: чувство					
долга					
Благожелатель-	0,21**		-0,14**	0,19**	
ность: забота					
Универсализм:	-0,16**	$-0,10^*$	-0,58	0,62	0,65**
забота о других					
Универсализм:	0,26	-0,16**	0,34	0,33	<del></del>
забота о природе					
Универсализм:		-0,24**			-0,44**
толерантность					

^{*** –} различия достоверны на уровне p<0,001;

Оценка материального благополучия определяется не только через оценку степени расхождения объективного материального положения и экономических ожиданий и запросов личности, но и через соотнесение материальных достижений человека с его реальными действиями, усилиями, т.е. через оценку возможностей человека создавать иные, лучшие материальные усло-

^{** –} различия достоверны на уровне p<0,01;

^{* –} различия достоверны на уровне р<0,05.

вия жизни. Несмотря на достаточно высокий уровень экономической тревожности (финансового стресса), можно констатировать склонность к экономическому пессимизму. Другими словами, хотя большинство респондентов оценивают текущие экономические условия в стране как неблагоприятные для роста личного благосостояния и доходов; испытывают беспокойство за свое материальное положение в связи с экономическим состоянием страны, нуждаются в повышении доходов и на текущий момент имеют недостаток в денежных средствах, все же полагают, что экономическая ситуация в стране в ближайшем будущем должна измениться в лучшую сторону и, соответственно, материальный уровень жизни должен возрасти.

Следующим этапом нашей работы было выявление взаимосвязи между ценностями и экономическими установками (табл. 4). Для этого нами был выбран коэффициент корреляции Спирмана.

Экономический оптимизм/пессимизм положительно связан с ценностями «Самостоятельность: мысли», «Самостоятельность: поступки», «Власть: доминирование», «Достижение», «Благожелательность: забота» и негативно с ценностями «Универсализм: забота о других» и «Конформизм: правила». Самостоятельность в выборе действий, поступков, решений, исследовательской активности, стремление к достижениям и доминированию над другими людьми, а также желание помогать и оберегать близких людей влияют на степень экономического оптимизма. В то же время установка, что все в обществе имеют равные права и возможности, нужно всегда поступать правильно в соответствии с правилами или этическими нормами, оказывает негативное влияние на оценку экономической ситуации в стране.

Текущее благосостояние семьи положительно связано с такими ценностями, как «Самостоятельность: мысли», «Достижение», «Власть: ресурсы», «Безопасность: личная» и негативно с ценностями «Скромность», «Универсализм: забота о других», «Универсализм: забота о природе», «Универсализм: толерантность».

Финансовая депривированность положительно коррелирует с ценностями «Самостоятельность: мысли», «Власть: ресурсы», «Безопасность: личная» и отрицательно - с ценностями «Репутация», «Конформизм: правила», «Безопасность: общественная», «Благожелательность: забота». Важность самостоятельного принятия решения, планирования своих действий независимо от других, необходимость чувствовать себя защищенным и в безопасности, в то же время необходимость быть успешным и иметь достаточно денег, чтобы защитить свои интересы, положительно влияют на оценку материального положения и удовлетворенность финансовым положением семьи. А стремление всегда поступать в соответствии с правилами и законами, сохранять лицо в глазах других негативно влияет на экономические установки. Интересно, что наблюдаются негативные связи установки «Текущее благосостояние семьи» со всем блоком «Универсализм». Данные говорят о том, что для респондентов на первом месте семья и ее финансовое и материальное благополучие, а также становится ясен тот факт, что, заботясь о семье и пытаясь наладить материальную ситуацию, человек не задумывается о благополучии других людей, о толерантности по отношению к ним и не заботится о природе.

Субъективная адекватность дохода положительно связана со следующими ценностями: «Самостоятельность: поступки», «Стимуляция», «Власть: ресурсы», «Власть: доминирование», «Благожелательность: забота», а негативно – с ценностями «Репутация», «Безопасность: общественная», «Традиция», «Скромность»,

Экономическая тревожность положительно коррелирует с ценностями «Самостоятельность: поступки», «Власть: доминирование», «Достижение», «Безопасность: личная», «Универсализм: забота о других», негативно – с ценностными блоками «Конформизм: правила», «Скромность», «Благожелательность: чувство долга» и «Универсализм: толерантность».

Самостоятельность в принятии решений, в выборе действий и поступков, стремление доминировать над другими людьми оказывают положительное влияние на субъективную оценку своих доходов, целесообразность трат и беспокойство по поводу будущей экономической ситуации в стране. В то же время стремление всегда поступать в соответствии с правилами и законами, помогать другим людям, желание сохранять лицо в глазах других, стремление соблюдать традиции, не выделяться среди других негативно влияют на экономические установки.

Таким образом, в ходе проведенного анализа было выявлено, что у представителей Перми и Пермского края наиболее выражены ценности «Самостоятельность: поступки», «Самостоятельность: мысли», «Безопасность: личная», «Безопасность: общественная», «Скромность», «Конформизм: межличностный», «Благожелательность: забота» и «Власть: ресурсы»; меньше всего — ценности «Гедонизм» и «Универсализм: забота о других». Большинство респондентов испытывают экономическую тревожность, беспокоятся за свое материальное положение в связи с экономическим состоянием страны, испытывают потребность в повышении доходов и на текущий момент имеют недостаток в денежных средствах, но в то же время полагают, что это временные трудности и экономическая ситуация в стране в ближайшем будущем должна измениться в лучшую сторону.

В результате проведения корреляционного анализа было выявлено, что большинство экономических установок положительно связано с ценностями «Самостоятельность: мысли», «Самостоятельность: поступки», «Власть: доминирование», «Власть: ресурсы», «Достижение» и «Безопасность: личная», а негативно — с ценностями «Репутация», «Конформизм: правила», «Универсализм: забота о других».

Заключение

Связь между культурными ценностями и экономическим развитием претерпевает изменения в разных странах и в разные эпохи. В России, которая постоянно находится под влиянием экономических и социальных изменений, этот вопрос особенно актуален. Целью данного исследования было выявление особенностей ценностей и экономических установок представителей Перми и Пермского края. Изучение данных параметров на представленной выборке проводилось впервые, что говорит о научной новизне данного исследования. Эти исследования еще раз продемонстрировали, что большинство жителей регионов (представители Перми и Пермского края) испытывают

финансовые трудности, вызванные сложившейся экономической ситуацией. Была выявлена низкая субъективная адекватность дохода и развивающаяся экономическая тревожность в обществе. Результаты работы представляют интерес для региональной науки, в частности, для понимания психологической специфики населения региона.

Литература

- 1. *Лясина И.Ю., Соколов Р.В., Хван Н.С.* Практика применения теории поколений в исследовании различий ценностей россиян (анализ результатов социологического исследования в г. Волжском Волгоградской области) // Primo Aspectu. 2014. Т. 18, № 16 (143). С. 105–107.
- 2. *Павленко О.Б.* Различия в ценностях, показателях социального капитала и экономических установках между жителями регионов России // Альманах современной науки и образования. 2012. № 1. С. 120–121.
- 3. *Ефремова М.В., Лепшокова З.Х.* Взаимосвязь ценностей и экономических установок у российских студентов: межконфессиональный анализ // Культурно-историческая психология. 2013. № 2. С. 18–27.
- 4. *Лебедева Н.М.* Ценности культуры, экономические установки и отношение к инновациям в России // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5, № 2. С. 68–88.
- 5. Федотова В.А. Взаимосвязь ценностей и экономических установок у представителей разных поколений россиян / В.А. Федотова // Психология в экономике и управлении. 2015. Т. 7, № 2. С. 111–120.
- 6. Шевцова О.В Соотношение социального капитала с экономическими установками, представлениями и моделями экономического поведения этнических групп // Альманах современной науки и образования. 2012. № 7. С. 169–176.
- 7. Хащенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4, № 1. С. 106–127.
- 8. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 24–43.
- 9. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности двух поколений россиян и динамика их социальной детерминации // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 87–97.
- 10. *Мастикова Н.С.* Ценности россиян: что следует из сопоставления статистик международных исследований // Социологический журнал. 2013. № 1. С. 36–46.
- 11. Цены на нефть и их влияние на «личную» экономику и экономику страны: Еженедельный опрос «ФОМнибус». URL: http://fom.ru/Ekonomika/11847 (дата обращения: 01.07.2016).

Fedotova Vera A., HSE Branch in Perm. E-mail: vera_fedotova11@mail.ru ECONOMIC INSTALLATIONS AND INDIVIDUAL VALUES OF PERM AND PERM KRAI REPRESENTATIVES

Keywords: values, economic attitudes, economic development, Perm, Perm Krai

In this study, an analysis of features of value orientations and economic attitudes of the Perm and Perm Krai residents was made, which, in our opinion, is interesting for regional science, in particular, for understanding the psychological specifics of the region's population. Respondents were residents of the Perm Territory (n = 557) - representatives of Perm, Kudymkar, Kungur, Gubakha, Solikamsk, Berezniki and some municipal districts in the province: Ilyinsky, Kishert, Nytvensky, Osinsky and Suksunsky. As a result of the correlation analysis, it was found that most economic attitudes are positively associated with the values "Independence: Thought", "Independence: Action", "Power: Domination", "Power: Resources", "Achievement" and "Security: Personal", but rather negatively with the values "Reputation", "Conformism: rules", "Universalism: caring for others".

References

- 1. Ljasina I.Ju., Sokolov R.V., Hvan N.S. Praktika primenenija teorii pokolenij v issledovanii razlichij cennostej rossijan (analysis of the conditions of sociological research in the city Volzhsky of Volgograd region). Primo Aspectu. 2014. 18. № 16 (143), pp. 105-107.
- 2. Pavlenko O.B. Razlichija v cennostjah, pokazateljah socialnogo kapitala i jekonomicheskih ustanovkah mezhdu zhiteljami regionov Rossii. Almanac of modern science and education. 2012. T 1, pp. 120-121.
- 3. Efremova M.V., Lepshokova Z.H. Vzaimosvjaz cennostej i jekonomicheskih ustanovok u rossijskih studentov: mezhkonfessonalnyj analiz. Kulturno-istoricheskaja psihologija. 2013. T 2, pp. 18-27
- 4. Lebedeva N. M. Cennosti kultury, jekonomicheskie ustanovki i otnoshenie k innovacijam v Rossii. Psihologija. Journal of Higher school of Economics. 2008. T 2 (5), pp. 68–88.
- 5. Fedotova V. A. Vzaimosvjaz cennostej i jekonomicheskih ustanovok u predstavitelej raznyh pokolenij rossijan. Psihologija v jekonomike i upravlenii. 2015. T 2 (7), pp. 111–120.
- 6. Shevcova O.V. Sootnoshenie socialnogo kapitala s jekonomicheskimi ustanovkami, predstavlenijami i modeljami jekonomicheskogo povedenija jetnicheskih grupp. Almanac of modern science and education. 2012. T 7, pp. 169-176.
- 7. Hashhenko V.A. Subjektivnoe jekonomicheskoe blagopoluchie i ego izmerenie: postroenie oprosnika i ego validizacija. Jeksperimentalnaja psihologija. 2011. T 1 (4), pp. 106-127.
- 8. Shvarc Sh., Butenko T.P., Sedova D.S. Utochnennaja teorija bazovyh individualnyh cennostej: primenenie v Rossii. Psihologija. Journal Of Higher School Of Economics. 2012. T 2, pp. 24-43.
- 9. Magun V.S., Rudnev M.G. Bazovye cennosti dvuh pokolenij rossijan i dinamika ih social'noj determinacii. Public Sciences and modernity. 2010. T 3, pp. 87-97.
- 10. Mastikova N.S. Cennosti rossijan: chto sleduet iz sopostavlenija statistik mezhdunarodnyh issledovanij. Sociological journal. 2013. T 1, pp. 36-46.
- 11. Ceny na neft i ih vlijanie na «lichnuju» jekonomiku i jekonomiku strany. Weekly survey "FOMNIBUS". Http://fom.ru/Ekonomika/11847 (reference date is July 1, 2016).

Fedotova V.A. Ekonomicheskie ustanovki i individual'nye cennosti predstavitelej Permi i Permskogo kraya [Economic installations and individual values of Perm and Perm Krai representatives]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 39, pp. 163–173.

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

УДК 338.2

DOI: 10.17223/19988648/39/14

Т.А. Петрова

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

В статье рассматриваются вопросы организации жизнедеятельности института местного самоуправления, его реальных возможностей на современном этапе развития государства, а также проблемы организации взаимоотношений уровней власти и способности органов местного самоуправления эффективно решать вопросы местного значения и делегируемые государственные полномочия в условиях тотальной зависимости от бюджетов вышестоящих уровней. Кроме этого, анализируются возможности органов местного самоуправления эффективно исполнять в полном объеме делегируемые государственные полномочия, подчеркивается важность эффективной работы института местного самоуправления, как уровня самого близкого к населению и поэтому обладающего серьезными возможностями формирования определенной репутации власти вообще в государстве.

Ключевые слова: местное самоуправление, делегируемые государственные полномочия, местные налоги, безвозмездные поступления из вышестоящих уровней власти.

Все население нашей страны живет в муниципальных образованиях: сельских или городских поселениях, муниципальных районах, городских округах, и вне зависимости от типа муниципалитета гражданин в соответствии с действующим законодательством должен получать общественные блага, которые необходимы человеку для организации жизнедеятельности. Именно на уровень местного самоуправления отнесены вопросы повседневного спроса жителей, которые должны решаться непосредственно на территории муниципалитета, причем ответственность по решению этих вопросов находится в компетенции органов местного самоуправления, подотчетных и подконтрольных населению муниципального образования. А вопросы местного значения – это теплоснабжение, водоснабжение, электроснабжение, дороги, школы и сады, дома культуры и котельные и многое другое, что является ежедневной потребностью человека. Если сравнить уровни власти в федеративном государстве с пирамидой, то основанием этой пирамиды является институт местного самоуправления и от того, насколько он эффективен и устойчив, зависит устойчивость пирамиды в целом. Конкурентоспособность государства в значительной степени связана с устойчивым социальноэкономическим развитием муниципальных образований.

По информации, предоставленной субъектами Российской Федерации, на 1 января 2016 г. на их территориях действует 22 756 муниципальных образований: городские округа — 529 536 единиц, городские округа с внутригородским делением — 1, внутригородские районы, муниципальные районы — 1 819 единиц, городские поселения — 1 627 единиц, сельские поселения —

18 499 единиц, внутригородские муниципальные образования – 267 единиц [1. С. 2]).

Из приведенной информации понятно, что основу составляют сельские поселения, которые в совокупности с городскими образуют муниципальные районы. Организация вопросов местного значения напрямую связана с объемом финансовых средств в местном бюджете, который формируется из собственных доходов и поступлений из вышестоящих бюджетов на базе принципов бюджетного федерализма, основанных на разделении полномочий между уровнями власти с соответствующими финансовыми средствами на организацию данных полномочий. На современном этапе развития институтов государственной власти и местного самоуправления можно со значительной долей истины утверждать, что по фактическому состоянию социально- экономического положения, финансового обеспечения жизнедеятельности абсолютного большинства муниципальных образований институт местного самоуправления по своей сути становится нижним уровнем государственного управления, теряя при этом рычаги самостоятельного принятия решений ввиду значительной дотационности местных бюджетов.

Эффективное исполнение вопросов местного значения зависит от наполняемости доходов местного бюджета, причем принципиально важным является уровень собственных доходов местного бюджета, который по сути отражает степень налогооблагаемой базы муниципалитета и позволяет судить о действительной самостоятельности местной власти. В рамках действующего бюджетного законодательства суперцентрализация налоговых источников на федеральном уровне при значительной децентрализации полномочий на региональный и муниципальный уровни привела к тотальной дотационности института местного самоуправления и высокой степени зависимости от региональной и федеральной властей.

По сути, под вопросом оказываются основополагающие статьи Европейской хартии местного самоуправления, где в ст. 9 означено, что органы местного самоуправления имеют право получать достаточные собственные финансовые средства, которыми они могут свободно распоряжаться при осуществлении своих функций, и финансовые средства органов местного самоуправления должны быть соразмерны предоставленным им по конституции или закону полномочиям.

Понятно, что формулировка «имеют право» не обязывает, а декларирует значимость необходимого объема финансовых средств для организации исполнения вопросов местного значения, но и очень важный принцип в том, что органы местного самоуправления самостоятельно распоряжаются данными средствами и они, эти средства, соразмерны полномочиям.

Федеральный закон ФЗ-131 от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» определил «закрытый» перечень вопросов местного значения для всех типов муниципальных образований, существовавших на тот период, но за последующие годы этот перечень изменялся в сторону увеличения вопросов местного значения не один раз без увеличения доходов местных бюджетов, а также делегирование государственных полномочий без достаточного финансового обеспечения. Для примера: для муниципального района были введены в закон такие вопросы местного

значения, как предоставление помещения для работы на обслуживаемом административном участке муниципального района сотруднику, замещающему должность участкового уполномоченного полиции (п. 8.1 введен Федеральным законом от 19.07.2011 № 247-Ф3); осуществление муниципального лесного контроля (п. 29 введен Федеральным законом от 18.07.2011 № 242-Ф3); сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности муниципального района; охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения, расположенных на территории муниципального района (п. 19.3 введен Федеральным законом от 22.10.2014 № 315-Ф3) и многие другие.

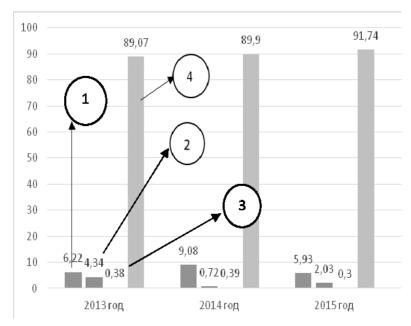
Участились случаи принятие решений контролирующими органами, которые априори не могут быть выполнены органами местного самоуправления. Например, «по информации Дзержинского районного Совета депутатов (Красноярский край), Роспотребнадзором вынесено предписание Нижнетанайскому сельсовету по качеству питьевой воды, на реализацию которого потребуется минимум 30 млн руб., в то время как годовой бюджет сельсовета составляет 3,5 млн руб., а предписание предлагается исполнить в течение года. В Ольгинском муниципальном районе Приморского края всем поселениям предъявлено требование обеспечить исполнение требований противопожарной безопасности в полном объеме. Для осуществления этого только в одном населенном пункте требуется 1,214 млн руб., тогда как в состав поселения входят по два, три и более населенных пункта, а средний годовой бюджет поселения в целом составляет около 1,2 млн руб.» [2. С. 3].

Для реализации таких вопросов необходимы значительные финансовые средства, которые местная власть обязана изыскать в рамках своего бюджета, что крайне проблематично, причем процедура увеличения вопросов местного значения продолжается при неменяющихся условиях межбюджетных отношений. Муниципалитеты оказываются в ситуации, когда они обязаны организовать исполнение вопросов местного значения в должном объеме и качестве, но объективно это невозможно осуществить в рамках местного бюджета, причем предпринять в рамках действующего законодательства действия по реальному увеличению сборов по местным налогам не представляется возможным, так как даже если эти налоги поступят в местный бюджет в полном объеме, они не смогут решить вопрос достаточности средств местного бюджета

По исполнению делегированных государственных полномочий тоже не все просто в части обеспечения достаточными финансовыми средствами: так, исполнение законодательства в части предоставления жилья детям-сиротам стало для большинства муниципалитетов «головной болью», средств выделяется часто недостаточно для покупки жилья в соответствии с нормами и уровнем благоустройства, постоянные конкурсы ни к чему не приводят, рыночная стоимость жилья не соответствует тем средствам, которые предоставляются вышестоящим уровнем власти на делегируемые полномочия, за всей процедурой внимательно наблюдают контролирующие органы, и местная власть оказывается в непростой ситуации, когда надо исполнить делегиро-

ванные полномочия, но для исполнения в должной мере не достает финансовых ресурсов [3. С. 1].

В объеме поступивших по состоянию на 01.01.2017 г. доходов местных бюджетов налоговые доходы составили 1 053,6 млрд руб. (28,9%), неналоговые -277.5 млрд руб. (7.6%), безвозмездные поступления, в том числе межбюджетные трансферты из бюджетов других уровней с учетом субвенций – 2 314,0 млрд руб. (63,5%) [4. С. 5]. Собственные доходы местных бюджетов (без учета других безвозмездных поступлений, в том числе возвратов остатков прошлых лет), которые используются муниципальными образованиями для финансового обеспечения решения вопросов местного значения, по состоянию на 01.01.2017 г. выросли на 4,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составили 2 347,3 млрд руб. В данном случае увеличение доходов местных бюджетов связано с организацией дорожных фондов за счет акцизов на нефтепродукты. В структуре собственных доходов местных бюджетов (без учета других безвозмездных поступлений, в том числе возвратов остатков прошлых лет) собственные доходы бюджетов городских округов, с учетом внутригородского деления, занимают 49,8%, бюджетов муниципальных районов 34,6%, бюджетов сельских поселений 8,1%, бюджетов городских поселений 6,5%, бюджетов внутригородских муниципальных образований 0,9% и бюджетов внутригородских районов 0,1% [4. С. 5].

- 1 налоговые доходы;
- 2 неналоговые доходы;
- 3 предпринимательская деятельность;
- 4 безвозмездные поступления.

Рис. 1. Структура доходов бюджета Сусловского сельского поселения (Кемеровская область) в 2013–2015 гг., % [5]

Это в среднем по всем муниципальным образованиям, но в своем большинстве, особенно на уровне сельских поселений, доля безвозмездных поступлений гораздо выше и доходит до 90 и выше процентов, причем большинство финансовых средств, поступающих из вышестоящих уровней бюджетов, идут целевым порядком, т.е. муниципалитет обязан расходовать данные средства только на определенные цели и никак иначе, и, по сути, особенно сельские поселения практически не имеют возможности самостоятельно распоряжаться средствами местного бюджета, поскольку большинство этих средств имеет целевое назначение и эта цель определена уровнем вышестоящих органов власти.

Представленная диаграмма наглядно демонстрирует увеличение размера безвозмездных поступлений из вышестоящего бюджета вследствие сокращения налогооблагаемой базы и, как, следствие, сокращение налоговых поступлений в бюджет (рис. 1).

Распределение муниципальных образований в зависимости от собственных доходов местных бюджетов показывает, что наименее обеспеченными остаются бюджеты городских и сельских поселений (0,8% в общей доле собственных доходов). При этом общая доля поселений (городских и сельских) в количественном соотношении составляет 88,6% [6. С. 453].

Общий объем доходов, поступивших за счет налогов, нормативы по которым установлены на федеральном уровне, оценивается в 1 053,6 млрд руб., или в 28,9% от общего объема доходов местных бюджетов. В современной российской бюджетной системе у местного самоуправления из местных налогов, да и то на уровне поселений, два налога: налог на имущество физических лиц и земельный налог. Основой местных бюджетов является федеральный налог на доходы физических лиц, причем это налог расщепляемый, и в местные бюджеты поступает небольшая доля, но во многих местных бюджетах все равно этот налог является опорным и составляет до 70% от всех налоговых доходов местных бюджетов. Особенно это наглядно видно на бюджетах сельских поселений, где основными поставщиками данного налога являются работники бюджетной сферы: учителя, врачи, работники культуры. И здесь, по нашему мнению, кроется одна из серьезнейших проблем существующей социально-экономической ситуации, а именно слабое формирование класса собственников как таковых, на котором стоит вся налогооблагаемая база местного самоуправления в зарубежных моделях. Класс собственников в России сформирован, но совершенно определенным образом.

Проводимые последние 20 лет реформы, связанные с приватизацией, реструктуризацией государственной и частной собственности, которые имеют целью формирование так необходимого для устойчивого экономического и социального развития среднего класса хозяйствующих субъектов, не дали желаемого результата. Собственность осталась сконцентрированной в руках узкого круга собственников. Социальные отношения собственности, складывающиеся в нашей стране, имеют следующую социальную структуру: 7,4%—полные хозяева собственности; 14,8—неполные хозяева, совладельцы; 3,3% владеют акциями других предприятий; 74,4% работают по контракту, без владения собственностью [7. С. 26].

Напомним, что в Канаде налог на недвижимость составляет 49,5% в доходах муниципалитетов, а в США – 21%. По своей сути этот налог – один из надежных источников формирования местных бюджетов, но для условий местного самоуправления Российской Федерации он по вышеуказанным причинам пока слабо применим [8].

Экономика муниципалитета тесно связана со стратегией развития региона. В современных условиях экономического кризиса, когда субъекты Федерации находятся в достаточно сложном положении, на 1 декабря 2016 г. задолженность регионов хоть и снизилась на 110,2 млрд руб. и составила 2,208 трлн руб., что почти на 5% меньше, чем в январе уходящего года. Правда, рост объемов долговых обязательств за январь – ноябрь отмечается в 34 регионах, все эти долги заложены в бюджеты, дефицит возрастает. Так, по 2015 г. доходы субъектов Федерации составили 9 трлн руб., а расходы – 10 трлн руб. «Это означает, что в целом консолидированные бюджеты регионов дефицитны на 1 трлн руб. По информации Счетной палаты Российской Федерации, расходы на обслуживание долга регионов за 10 месяцев 2015 г. возросли в структуре расходов регионов более чем на 30%, т.е. постепенно идет вытеснение других расходов, потому что нужно платить процентные платежи» [9. С. 1]. Это, безусловно, сказывается на бюджетах муниципальных образований.

Современная экономическая ситуация в России характерна продолжением экономического структурного кризиса, который в большей степени порожден не столько внешними, сколько внутренними проблемами, где одной из самых значительных является исчерпание модели экстенсивного роста, основанной на вовлечении свободных ресурсов (мощностей и рабочей силы), быстрорастущего внутреннего и внешнего спроса (благодаря доходам от сырьевого экспорта) [6. С. 456].

Суть преодоления данного кризиса состоит в необходимости ухода от рентной экономики, причем сырьевой сектор по-прежнему может занимать значительную долю в формировании ВВП, в данном случае доминантой служит степень эффективности технологий и институтов. Одним из таких институтов является местное самоуправление.

Философия местного самоуправления напрямую связана с тем, что население муниципалитета может самостоятельно решать свои проблемы, имея при этом возможность вводить, отменять, менять ставки собственных налогов и сборов. На современном этапе муниципалитеты фактически лишены этой возможности ввиду значительного числа полномочий и ничтожной доли собственных налогов, немалой доли межбюджетных трансфертов, большая часть из которых имеет целевое назначение, т.е. институт местного самоуправления по своей сути становится структурным уровнем государственного управления.

Местный уровень является важнейшей компонентой формирования устойчивого института власти в стране, поскольку уровень районного управления, а тем паче поселенческого, — это самый близкий к населению уровень власти и от эффективности его деятельности, решения ежедневных проблем населения, умения взаимодействовать с местным сообществом напрямую зависит формирование взаимоотношений власти и населения. Следовательно,

стратегическим приоритетом государства должно стать финансовое обоснование и обеспечение минимальных государственных социальных стандартов, которые гарантировали бы определенный минимально допустимый уровень жизни во всех муниципальных образованиях, регионах и страны в целом, а эти стандарты можно увеличивать в зависимости от финансовых возможностей региона и муниципалитета.

Литература

- 1. Информация с официального сайта Министерства финансов РФ. URL: http://minfin.ru/ru/perfomance/regions/monitoring results/Monitoring local/results/#
- 2. *Шугрина Е.С.* Основные направления повышения престижа муниципальной службы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10 (59). Октябрь.
- 3. В текущем году Колпашевская городская прокуратура Томской области в судебном порядке защитила жилищные права семи граждан, оставшихся без родительского попечения в несовершеннолетнем возрасте. URL: http://procrf.ru/news/414238-v-tekuschem-godu-kolpashevskaya.html
- 4. Информация с официального сайта Министерства финансов Российской Федерации: URL: http://minfin.ru/ru/perfomance/budget/govprog/regfin/##ixzz4FaGCzj00 http:// minfin.ru/ru/perfomance/regions/operational/municipalities/#
- 5. Информация с официального сайта Сусловского сельского поселения Мариинского района Кемеровской области. URL: http://www.mariinsk.ru/sp/suslovo/
- 6. *Российская* экономика в 2015 году: тенденции и перспективы (Вып. 37) / В. Мау [и др.]; под ред. С.Г. Синельникова-Мурылева (гл. ред.), А.Д. Радыгина]; Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 472 с.
  - 7. Менеджмент / под общ. ред. А.Л. Гапоненко. М.: Изд-во РАГС; ИНФРА-М, 2013. 480 с.
- 8. Петрова Т.А. Устойчивое социально-экономическое развитие муниципальных образований: дис. ... канд. экон. наук. URL: http://economy-lib.com/ustoychivoe-sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-munitsipalnyh-obrazovaniy
- 9. Регионы всякие нужны [Электронный ресурс]. URL: http:// politrussia.com/ekonomika/regiony-vsyakie-nuzhny-796/

Petrova Tatiyana A. Tomsk state pedagogical university. E-mail: petrovata@tspu.edu.ru LOCAL GOVERNMENT IN MODERN REALITIES

Keywords: local government, delegated state powers, local taxes, gratuitous income from higher levels of government.

In the article questions of local government institute vital functions organization, its real possibilities at the present state development stage are considered. The relations organization problems between the levels of governance and the capacity of local government to effectively address issues of local importance are envisaged as well as delegated state powers in the context of total dependence on the budgets of higher levels are examined. In addition, the capacity of local governments to effectively discharge the delegated state powers is analyzed. The importance of effective work of the local government institution as the level closest to the population is highlighted. Local governments are claimed to have serious opportunities to shape the reputation of state power.

References

- 1. Information from the official site of the Ministry of Finance of the Russian Federation http://minfin.ru/ru/perfomance/regions/monitoring results/Monitoring local/results/#
- 2. Shugrina Ye.S. Osnovnyye napravleniya povysheniya prestizha munitsipalnoy sluzhby// Actual problems of Russian law. 2015. № 10 (59). October.
- 3. In the current year, the Kolpashevo City Prosecutor's Office of the Tomsk Region defended the housing rights of seven citizens who had been left without parental care at the age of a minor in court procedure http://procrf.ru/news/414238-v-tekuschem-godu-kolpashevskaya.html

- 4. Information on the official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation: http://minfin.ru/ru/perfomance/budget/govprog/regfin/##ixzz4FaGCzj00 http://minfin.ru/ ru/ perfomance/regions/operational/municipalities/#
- 5. Information from the official site of Suslovsky rural settlement of Mariinsky district of Kemerovo region http://www.mariinsk.ru/sp/suslovo/
- 6. The Russian economy in 2015: trends and prospects (Issue 37) / [V. Mau et al.; Ed. Sinelnikova-Muryleva SG (Ed.), Radygina AD]; Institute of Economic Policy. E.T. Gaidar. Moscow: Publishing house of Institute of Gaidar, 2016, pp. 472
- 7. Management / Under total edited by Gaponenko A.L. Moscow : Publishing house RAGS; INFRA-M, 2013, pp. 480.
- 8. Petrova T.A. Ustoychivoye sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye munitsipalnykh obrazovaniy. Diss. http://economy-lib.com/ustoychivoe-sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-munitsipalnyhobrazovaniy
- 9. Regions all sorts are needed [Electronic resource] http://politrussia.com/ekonomika/regiony-vsyakie-nuzhny-796/.

Petrova T.A. Mestnoe samoupravlenie v sovremennyh realiyah [Local government in modern realities]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2017, no 39, pp. 174–181.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АДАМКУЛОВА Чинара Усенбековна – кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. E-mail: chinara.adam@gmail.com

ВАЙСМАН Елена Давидовна – доктор экономических наук, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: vaisman elena@mail.ru

ГОРЛОВ Сергей Михайлович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и внешнеэкономической деятельности Института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). E-mail: afina-02@rambler.ru

ГУБАНИЩЕВА Мария Александровна – аспирант кафедры финансов и учета Национального исследовательского Томского государственного университета, ассистент кафедры геоинформатики и кадастра Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: mgubanischeva@mail.ru

ДАРДА Екатерина Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва). E-mail: mrelena 6mail.ru

ДЕНИСЕНКО Инна Сергеевна – студентка, Забайкальский государственный университет (г. Чита). E-mail: innesadis@mail.ru

ЗАБЕЛИНА Ирина Александровна — кандидат экономических наук, научный сотрудник Лаборатории эколого-экономических исследований Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (г. Чита), доцент кафедры прикладной информатики и математики Забай-кальского государственного университета (г. Чита). E-mail: i_ zabelina@mail.ru mailto: kelagast@yandex.ru

ЗАСЕДОВА Алина Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационного предпринимательства и финансового менеджмента Казанского национального исследовательского технологического университета. E-mail: zalina0312@yandex.ru

ЗЕМЦОВ Анатолий Анатольевич – доктор экономических наук, завкафедрой финансов и учета Института экономики и менеджмента Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: tuv82@bk.ru

ЗОЛОТАРЕВ Никита Андреевич – соискатель Института проблем рынка РАН (г. Москва). E-mail: ZNA-1987@yandex.ru

ИМОНОВ Оятулло Давлатмахмадович – аспирант кафедры финансов и учёта Института экономики и мененджмента Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: oyat-29.88@mail.ru

КАРГИНОВА Валентина Владимировна – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела региональной экономической политики Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук (г. Петрозаводск). E-mail: vkarginowa@yandex.ru

КЛЕВАКИНА Екатерина Александровна – кандидат экономических наук, научный сотрудник Лаборатории эколого-экономических исследований Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (г. Чита), доцент кафедры прикладной информатики и математики Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: bedew@yandex.ru

КЛОЧКОВА Елена Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва). E-mail: mrelena_@mail.ru

МАНСУРОВ Руслан Евгеньевич – кандидат экономических наук, доцент, директор Зеленодольского филиала Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП). E-mail: Russell 1@mail.ru

МАСЛЕННИКОВА Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и внешнеэкономической деятельности Института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). E-mail: vinikova@mail.ru

ПАНАЕДОВА Галина Ивановна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и внешнеэкономической деятельности Института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). E-mail: afina-02@rambler.ru

ПЕТРОВА Татьяна Адольфовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории факультета экономики и управления Томского государственного педагогического университета. E-mail: petrovata@tspu.edu.ru

ПОДШИВАЛОВА Мария Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: pods-mariya@yandex.ru

ПОЗДНЯКОВ Алексей Николаевич — соискатель кафедры стратегического менеджмента и маркетинга Института экономики и менеджмента Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: pan1173@mail.ru

СЫСОЕВА Людмила Ивановна – аспирант Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Новосибирск). E-mail: ludasysoeva@mail.ru

ТИШКОВ Сергей Вячеславович – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук (г. Петрозаводск). E-mail: insteco_85@mail.ru

ФЕДОТОВА Вера Александровна — ст. преподаватель департамента менеджмента НИУ ВШЭ (г. Пермь). E-mail:vera_goldyreva@mail.ru

ЧЕРНЯВСКИЙ Сергей Владимирович – доктор экономических наук, гл. научный сотрудник Института проблем рынка РАН (г. Москва). E-mail: vols85-85@mail.ru

ЩЕРБАК Антон Павлович – кандидат экономических наук, мл. научный сотрудник отдела региональной экономической политики Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук (г. Петрозаводск). E-mail: scherbaka@mail.ru

Научный журнал

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЭКОНОМИКА

Tomsk State University Journal of Economics

2017. № 39

Редактор *Е.В. Лукина* Оригинал-макет *Г.П. Орловой* Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл», факультет журналистики ТГУ)

Учредитель – Федеральное государственное автономное общеобразовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Подписано в печать 23.06.2017 г. Формат $70x100^{-1}/_{16}$. Печ. л. 11,6; усл. печ. л. 16,2; уч.-изд. л. 16,6. Тираж 500 экз. Дата выхода в свет 04.07.2017 г. Заказ 2621. Цена свободная

Адрес редакции: 634029, г. Томск, пр. Ленина, 36 OOO «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49 http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru